

СМЕНА

№ 6 МАРТ 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**ПЯТИЛЕТНЕ
ЭФФЕКТИВНОСТИ
И КАЧЕСТВА—
ЭНТУЗИАЗМ
И ТВОРЧЕСТВО
МОЛОДЫХ!**

ГДЕ ПАРТИЯ, - ТАМ У

СПЕХ, ТАМ ПОБЕДА!

Важнейшим событием современности стал XXV съезд КПСС. Внимание советских людей, народов на всех континентах было приковано к Кремлевскому Дворцу съездов, где посланцы более чем 15-миллионной армии советских коммунистов обсуждали итоги пятилетней деятельности КПСС и выработывали политический курс и социально-экономическую программу партии на предстоящие годы.

Съезд заслушал и обсудил «Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики», с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. В докладе был дан глубокий анализ современной эпохи, международного положения и основных проблем строительства коммунизма в СССР, развернуты захватывающие перспективы. Доклад был воспринят нашей партией, советским народом, комсомольцами и молодежью как документ творческого марксизма-ленинизма, руководство к действию.

Весь ход делового и принципиального обсуждения Отчета ЦК КПСС, вся плодотворная деятельность съезда, на котором господствовал ленинский дух «действительно дружной работы», вся атмосфера высокого политического подъема в стране убедительно показали полную слитность интересов, помыслов и устремлений партии и народа.

XXV съезд КПСС целиком и полностью одобрил политическую линию и практическую деятельность Центрального Комитета партии, предложения и выводы, содержащиеся в Отчетном докладе ЦК КПСС.

Съезд обсудил доклад Председателя Совета Министров СССР товарища А. Н. Косыгина «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» и принял соответствующее постановление.

От имени Ленинского комсомола на съезде выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников. Он подчеркнул, что комсомол, вся молодежь страны единодушно одобряют внутреннюю и внешнюю политику КПСС и Советского правительства, политическую и практическую деятельность боевого штаба нашей партии—Центрального Комитета, который по-ленински решает сложнейшие проблемы современности, твердо и уверенно ведет наш народ к коммунизму. Е. М. Тяжельников передал Рапорт Ленинского комсомола XXV съезду партии, право подписать который добились в предсъездовском соревновании 1750 тысяч комсомольцев. Яркие страницы вписали в него комсомольцы и молодежь. Вот лишь некоторые цифры и факты. В годы девятой пятилетки на решающих участках производства было создано 350 тысяч комсомольско-молодежных коллективов. Половина из них завоевала высокое звание коллектива коммунистического труда и отличного качества. 9 миллионов юношей и девушек приняли участие во Всесоюзном смотре научно-технического творчества молодежи. За счет внедрения рационализаторских предложений и изобретений молодежи Родина получила почти 3 миллиарда рублей экономии, 500 тысяч юношей и девушек по комсомольским путевкам выехали на ударные комсомольские стройки. Введено в строй 1700 крупных промышленных комплексов, в создание которых значительный вклад внесли комсомольцы и молодежь. Раньше срока начат выпуск 300-сильных тракторов «К-701», спущен на воду самый мощный в мире атомный реактор «Арктика», открыто рабочее движение поездов на основной магистрали БАМа—от станции Лена до станции Твора, с конвейера КамАЗа сошел первый автомобиль.

Десятую пятилетку комсомольцы и молодежь начали новым патриотическим движением. Оно развивается под девизом: «Пятилетие эффективности и качества—энтузиазм и творчество молодых!» В дни XXV съезда КПСС многие комсомольско-молодежные коллективы рапортовали партии об успешном выполнении принятых обязательств. С неослабным интересом следила за работой съезда, знакомилась с его материалами наша молодежь. Для нее, как и для всех советских людей, документы XXV съезда являются вдохновляющим руководством к действию, неисчерпаемым источником сил, энергии, энтузиазма.

Глубокое изучение Отчетного доклада, Резолюции и других документов партийного съезда имеет неограниченное значение для марксистско-ленинского образования молодежи, для всестороннего понимания юношами и девушками политики партии, очередных задач коммунистического строительства, для осмысления каждым молодым человеком своего места, своей личной роли в общенародной борьбе.

Планы партии—планы народа!

Эти слова сегодня на устах миллионов. Партия Ленина, испытанный авангард советского народа, наметила новые вдохновляющие перспективы коммунистического строительства, и советские люди, юноши и девушки, всем сердцем принимая их, отвечают: «Все, что наметила партия, претворим в жизнь!»

МОСКВА. КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ СЪЕЗДОВ. 24 ФЕВРАЛЯ 1976 ГОДА. ПРЕЗИДИУМ XXV СЪЕЗДА КПСС. НА ТРИБУНЕ—ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС ТОВАРИЩ Л. И. БРЕЖНЕВ.

Фото Дмитрия БАЛТЕРМАНЦА и Алексея ГОСТЕВА

«Немало теплых слов говорилось и говорится в адрес нашего Ленинского комсомола.

И это вполне оправдано, товарищи.

35-миллионная армия комсомольцев— надежный помощник партии, ее непосредственный боевой резерв.

Какие бы задачи ни ставила партия, комсомол с энтузиазмом молодости борется за их решение».

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на XXV съезде КПСС

«Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии

в области внутренней и внешней политики».

Наша обложка:
молодые рабочие
КамАЗа
на трудовой вахте
в честь XXV съезда
КПСС.

Фото
Льва
ШЕРСТЕННИКОВА.

1 XXV съезд КПСС.

2 «ШЕСТЬ ОКОШЕК С ВИДОМ НА КАНАЛ».
Очерк о делегате XXV съезда КПСС.

6 УРОКИ ЖИЗНИ.
Диалог директора Воронежского завода тяжелых
механических прессов Алексея ВИТКОВСКОГО
и бригадира комсомольско-молодежной бригады
сборочного цеха Анатолия СОБОЛЕВА.

9 Стихи Михаила БЕЛЯЕВА,
посвященные Хатыни.

10 «КАНЬОН АТАКИ».
Репортаж из ракетной части.

15 Рассказ Сергея НАУМОВА «ВОЗВРАЩЕНИЕ».

18 МАРТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.

20 «НЕУЛОВИМЫЙ АЙВАЗОВ».
Очерк о спортклубе Невинномысского
химкомбината.

24 ДАЛЕКОЕ—БЛИЗКОЕ.
Познать себя и весь мир.

27 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».

28 «И СТРОЙ СОМКНУЛСЯ».
Окончание повести Эдуарда КЛЕЙНА.

31 ПОЧТА «СМЕНИ».

Главный редактор А. А. Лиханов

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий
(заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев (ответ-
ственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, В. А.
Саюшев, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков
(главный художник), Д. Н. Филиппов.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1976 г.

Делегаты XXV съезда КПСС—люди, облечен-
ные высшим доверием партии и народа. Их
рабочие биографии, их жизненный творческий
опыт служат примером для молодежи, учат
жить и трудиться по-коммунистически.

Вглядитесь в фотографии. Перед вами лишь
некоторые из делегатов партийного съезда:
кузнец-прессовщик, летчик, ткачиха, машинист
тепловоза, экскаваторщик, наладчик станков с
программным управлением, металлург, шофер,
сборщик, аппаратчица, фрезеровщик—те, чьим
ударным трудом и активной общественной ра-
ботой обеспечивается высокий накал социали-
стического соревнования, кто высоко несет
знамя рабочей чести и достоинства.

Герой очерка, предлагаемого читателю,—
коммунист, делегат XXV съезда КПСС, строи-
тель-мелиоратор из Поволжья Иван Петрович
Кузнецов.

ШЕСТЬ ОКОШЕК С ВИДОМ НА КАНАЛ

Александр БОГУЧАРОВ

ТКАЧИХА.
СЛАВЕН ТРУДОВЫМИ ТРАДИЦИЯМИ ТЕКСТИЛЬНЫЙ КРАЙ—ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ. СРЕДИ НОВАТОРОВ ПРОИЗВОДСТВА—МОЛОДАЯ ТКАЧИХА З. КОНОВАЛОВА, ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.

НАЛАДЧИК.
В. М. РЫДАЕВ—НАЛАДЧИК ЭЛЕКТРОСИСТЕМ СТАНКОВ-ГИГАНТОВ С ПРОГРАММНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ. КАК ВСЕ НАЛАДЧИКИ УЛЬЯНОВСКОГО ЗАВОДА ТЯЖЕЛЫХ УНИКАЛЬНЫХ СТАНКОВ, ОН ИМЕЕТ ВЫСШЕЕ ИНЖЕНЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. МОЛОДОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННИК, УСПЕШНО ЗАВЕРШИВ 9-Ю ПЯТИЛЕТКУ, ПЛОДОТВОРНО РАБОТАЕТ И В НОВОМ ГОДУ.

МАШИНИСТ.
БОЛЕЕ ШЕСТИ ТЫСЯЧ ТОНН ГРУЗОВ СВЕРХ ЗАДАНИЯ ПЕРЕВЕЗ В ЗАВЕРШАЮЩЕМ ГОДУ ПЯТИЛЕТКИ УДАРНИК КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, МАШИНИСТ КУЙБЫШЕВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В. Н. МАКСИМОВ.

МЕТАЛЛУРГ.
ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ВКЛАД В РЕКОНСТРУКЦИЮ УСТАНОВКИ НЕПРЕРЫВНОЙ РАЗЛИВКИ СТАЛИ ВНЕСЛИ ПОЧЕТНЫЙ МЕТАЛЛУРГ СССР П. М. ГУТОВИЧ И ЧЛЕНЫ ЕГО БРИГАДЫ. ЭТО ПОЗВОЛИЛО УВЕЛИЧИТЬ ПЕРВОНАЧАЛЬНУЮ ПРОЕКТИВНУЮ МОЩНОСТЬ ЦЕХА № 1 НОВОЛИПЕЦКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА В 1,8 РАЗА.

ПЛАНЕРКА В ВОЗДУХЕ

Оговорюсь сразу: автор в данном случае не восстанавливал по крупицам события, а все эти дни, с 6 по 11 июля 1975 года, был вместе со своими героями на строительстве Ерусланского оросительно-обводнительного канала. Неслыханное напряжение предпосылок дней и ночей вовсе исключало позицию стороннего наблюдателя. Приходилось выполнять поручения диспетчера автохозяйства, таскать контейнеры с гуляшами, слыша вслед: «Ты там, шеф, не пересаливай. Гуляш—не селедка!» Оказываясь в «свете» начальника «Главсредволгодострой» Ивана Петровича Кузнецова, автор несколько походил на нерасторпного помощника (а как старался понять происходящее, когда начальник по старой привычке полевода садился на короточки, а то и прямо на землю со своими прорабами!).

Случалось, автор нырял с блокнотом в пустую кабину самосвала или в покинутую кем-то из строителей палатку (спать никому не приходилось с 6 по 11 июля, в разгар засухи, в почерневшей и выгоревшей степи). А в вертолете, когда началась эта планерка, куда Кузнецов пригласил командиров решающих участков стройки, автор рысью взбирался по лесенке в кабину. Вибрирующая кабина, прыгающая авторучка...

Незапланированная стройка, которую «протолкнула» засуха, а в связи с этим необходимый штурм. За два месяца две с половиной тысячи профессиональных каналостроителей и горожан разных профессий, присланных в помощь из Саратова, построили канал протяженностью в семьдесят два километра—от города Ершова (Саратовский канал, исток) до пересыхающей степной речушки Ерусланки. Ершовский, Краснокутский и Федоровский районы смогли тотчас приступить к орошению 20 тысяч гектаров земли, убитой засухой.

Мелиорация не знает подобного прецедента. Но никогда бы и ей не удалось узнать его в одиночку—только вместе с засухой и в связи с нею...

1. КУЗНЕЦОВ

Он стоит, крепко вцепившись в острый ободок иллюминатора, приземистый, с черным крылом волос, нависшим над потухшей папиросой. Цепкий взгляд темных несуетливых глаз нацелен вниз, в ложе канала, где грохочет техника, свистят быстроход-

ные краны, выдергивая из кузовов «МАЗов» белые пористые плиты, которые опускаются в руки парней, придающих им нужное направление и плавно опускающих эти плиты на откос. Именно отсюда, с вертолетной высоты, кажется, слышны и свистки, и гудки, и натужный вой наплавных насосных станций.

— Сколько там осталось, Колесников? — чиркает спичкой Кузнецов, и летучий огонь тотчас касается подбородка. — Черт! Когда только успевает щетина? Будто и не брился!

— У меня двести пятьдесят метров,—подается вперед Колесников, настороженный, с заостренным лицом и немигающими глазами.

— У меня, у тебя! — перебивает, заткнувшись дымом, Кузнецов. — Всего сколько?

— Откуда мне знать? — Колесников серьезен, тетрадку сжимает крепко, там вся программа, предназначенная для его ПМК — передвижной механизированной колонны.

Вот почему они могут проиграть — именно поэтому, исключительно поэтому! Но что же мешает молодому толковому инженеру видеть весь канал, а не только свой участок? И неужели ему важнее важного только то, за что ему одному отвечать?

— Макаров, сколько? Видишь, как у Колесникова походка изменилась? Бойится — придется соседу слева помогать.

Макаров, рыхловатый, в рубашке навыпуск, с сочувствием и сожалением поглядывает на Колесникова. Ведь может и должен помочь Макарову, отчего ж не хочет?

— Там восемьсот десять,—мягко и тихо откликается Макаров,—да и все бы ничего, ясное море, если бы... — И он, присвистнув, делает знак рукой долговязому мужчине в фуражке с кокардой. Оказывается, Колесникову просто повезло с плитой.

Еще как повезло! А у Макарова — «плиточная лихорадка»: то из Ершова, со станции, идут колонны машин, а то простаивают на узле разгрузки, ждут, когда подвинут состав.

Кузнецов это знает с самого начала, и удивляться тут нечему. И не случайно пригласил он начальника дороги: хватит посылать телеграммы в область, мол, главк сам задерживает

планомерное поступление эшелонов с плитой.

Задерживает ли?

Начальник дороги снимает свою фуражку с кокардой, невозмутимо сообщив, что они рады бы, да нечего подавать!

— Что ты смотришь на меня, Колесников? — оторвавшись от иллюминатора, напрягается Кузнецов. — Отдашь кран Макарову, это раз, и плитой поделишься, это два.

— Лишнего крана у меня нет! — бесстрашно заявляет Колесников.

Кузнецов мигот карабкается в кабину пилота, и вертолет меняет курс. Минут через десять они стоят рядом — прямой и подавшийся вперед Колесников и раздвинувший руки, как для объятия, Кузнецов.

— Чей это кран возле «Волжанки»? — Он сосредоточенно и тихо, чтобы один Колесников услышал, резюмирует: — Конечно, хороший хозяин о завтрашнем дне думает. Доброе дело — этот монтаж. А зачем, если канала не будет?

Не ожидая доверительного и почти интимного тона, краснеет начальник ПМК, засовывает в карман свою тетрадку.

— Не жадничай,—наставительно замечает Кузнецов.

Необходимый штурм? Необходимый, навязанный засухой. Люди работают круглосуточно. А если нет плиты, они забываются коротким сном на бровке канала. А если нет бетона? А если задерживается асфальт? А если худо с монолитом? Как же понятно самому Кузнецову, что все это в большей степени напоминает типичную неразбериху на стройке, чем чрезвычайные обстоятельства, незаурядную ситуацию...

Гигант на Волге — главк мелиорации, объединивший интересы трех областей (Саратовской, Куйбышевской и частично Волгоградской), за три года своего существования сделал столько, что подобное критическое отношение к делу — в какой-то мере перебор, не иначе! Но надо знать Кузнецова, чтобы понять: он живет завтрашним, нарождающимся, а сделанное вчера для него уже далекое прошлое. И никогда он не станет без нужды напоминать, сколько проложено тысяч километров каналов и водоводов, какая отдача уже есть на орошаемых землях По-

волжья, до недавнего времени даже не фигурировавших в отчетах ЦСУ!

Но всегда и везде он готов говорить о своем детстве, имея в виду необходимость создания мощной строительной индустрии. Взять тот же завод железобетонных конструкций в городе Энгельсе, созданный главком. Небольшой сравнительно завод, но современный уровень его развития позволил запустить линию по производству труб с цементно-гравийным покрытием. На каждом миллионе тонн проката они, трубопрокатчики, будут экономить пятьсот тридцать пять тысяч тонн стали! Разве смогло бы объединение «Союзводпроект» начать этот грандиозный эксперимент на каком-либо допотопном заводике?! Но один у них такой, всего-навсего один. И бетона нужно чуть ли не в два раза больше! Поэтому запускаются на круглосуточную работу местные, в сущности, сельские бетонные узлы, разбросанные по всему краю...

Зачем же все-таки решающую планерку перед пуском он хотел провести в воздухе? Неужто от недоверия к тем, от кого в основном зависит наращивание темпа? Люди на пределе, и даже механизмы устали, тронь радиатор «МАЗа» — обожжешься, как будто руку окунул в раскаленный песок. (На одном из участков свалился в кювет самосвал с бетоном. Невесть откуда взявшийся инспектор ГАИ стучит полевой сумкой по кабине: «Сынок, ты жив!» «Жив я», — гудит кабина, и вскоре показывается из окошка кабины, поставленной «на пола», белокурый, с красными от бессонницы глазами парень...) Не оскорбително ли для командиров решающих участков коллективное патрулирование над стройкой, неожиданное приземление на участках, выбившихся из общего ритма, открытый и нелюбезный разговор — публично! — с ними, с начальниками участков? Нет, они бы не были его единомышленниками, его товарищами, если бы могли эту необычную и единственную в своем роде планерку воспринять с болезненным самолюбием, с раздражением или недоверием. Ведь панорама стройки, схваченная профессиональным взглядом, дает мгновенную возможность, счастливую по своей стремительности, увидев в се, увидеть с ебя, свой участок в общей и неразрывной цепи.

ЛЕТЧИК.
ЛЕТЧИК СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ АВИАЦИИ, ВЕТЕРАН ОДЕССКОГО ОБЪЕДИНЕННОГО АВИАОТРЯДА М. М. ГУРЖИЯ ЗА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СЛУЖБЫ ОБРАБОТАЛ МИЛЛИОН ГЕКТАРОВ ПОСЕВОВ. ОН НАСТАВНИК МОЛОДЫХ ПИЛОТОВ.

СБОРЩИК.
СБОРЩИК ВОРОНЕЖСКОГО ШИННОГО ЗАВОДА Н. Г. БОГАТЫРЕВ ВЫПОЛНИЛ ДВА ПЯТИЛЕТНИХ ПЛАНА ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА И СЕМЬ МЕСЯЦЕВ. НЕДАВНО ПЕРЕДОВОЙ РАБОЧИЙ ОКОНЧИЛ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ.

ЭКСКАВАТОРЩИК.
ОДНИМ ИЗ ЛУЧШИХ НА СОКОЛОВСКО-САРБАЙСКОМ ГОРНО-ОБОГАТИТЕЛЬНОМ КОМБИНАТЕ СТАЛ ЭКИПАЖ ЭКСКАВАТОРА, ВОЗГЛАВЛЯЕМЫЙ Н. Ф. ДЕРЕПОЙ. ОН ПЕРВЫМ ДОСРОЧНО ВЫПОЛНИЛ ЛИЧНУЮ ДЕВЯТУЮ ПЯТИЛЕТКУ.

ФРЕЗЕРОВЩИК.
НА ГОД РАНЬШЕ СРОКА ЗАВЕРШИЛ ПЯТИЛЕТНЮЮ ПРОГРАММУ ФРЕЗЕРОВЩИК ЛИПЕЦКОГО СТАНКОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА И. А. ЕВТУХОВ. ОН СИСТЕМАТИЧЕСКИ ПЕРЕВЫПОЛНЯЕТ СМЕННЫЕ ЗАДАНИЯ В НАЧАВШЕЙСЯ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ.

II. КОЛЕСНИКОВ

Вертолет над участком, где зияет некая пустота, будто оборвалась бетонная нить канала. «Это твой переход, Колесников?» «Я за него не отвечаю». «Отчего так?» «Кабель там. Прикоснуться страшно. А хозяев не найдешь! Если порвать, явятся!» «Мы всем службам объявили о необходимости выяснить и четко определить свое участие в этом строительстве». «Кабель порвать? Ну, не знаю... Ведь мне, а не вам его рвать...»

А в чем он прав, этот Колесников? Кузнецов трет переносицу до красноты, отчего еще более резко обозначаются черные круги под глазами. Опять полетела — будь она не ладна! — диета, ноет желудок, застарелая язва заставляет присесть на краешек кресла...

Пожалуй, у Колесникова есть капитальный запас воли и трезвого отношения к делу. Колесников исходит из понимания работы, в которой должно иметь порядок, обеспеченность тылов, развернутый и хорошо подготовленный фронт. Не так ли и надо? Так необходимо! А если не так? Тогда трудно? А кто и когда обещал им легкую жизнь? Никто, нигде, никогда.

Получается, что трудности — и неожиданные и которые предвидеть редко удается (например, с тем же кабелем. «Это твой переход, Колесников?» «Я за него не отвечаю») — выработали в Колесникове... «обратные» реакции! Он, подобно улитке, втягивается в раковину своих запрограммированных обязанностей, и формально и по существу отказываясь от гибкой тактики действий, вызванных необходимостью, применительно к этим неожиданным обстоятельствам.

Неужели общительный, бескорыстный, во многом пуританский нрав Колесникова подточила своенравная и неразумная сила, с которой единоборствуют многие коллеги Колесникова? И он запаса: «Вот мой кран, на моем участке, куда его? Не дам!» Не потому ли молодой прораб, выругавшись однажды, вскопал в кабину «Сатурна» и погнался на соседний, чужой участок? «Окопались!» — крикнул своему начальнику, когда тот хотел встать поперек пути, рискуя быть раздавленным гусеницами крана-гиганта. Но ведь на том простаивающем участке

готовили фронт работ для... Колесникова!

Может, он жадный? Ну, уж нет! А может, вовсе другое? Гипертрофированное чувство хозяина? «Я хозяин. Это мой участок». Опять же и это неплохо, если разобраться... А на деле получается... Н-да!

Нет, не отпускают Кузнецова мысли о Колесникове, но он старается на время отодвинуть их в «запасник» и восклицает:

— Макаров! Что там за флаг у тебя?
— Хороший флаг, Иван Петрович, — говорит неторопливо Макаров, — поставлен на стыке двух потоков: справа идут мои, слева — «Саратовстрой»...

Массивная фигура Макарова надвигается на Кузнецова. Неожиданно он начинает хохотать, и даже пот выступает на лбу:

— Ты погляди, Иван Петрович. Ты только погляди! Гусь лапчатый за лопату взялся!

Действительно, из кабины «Сатурна» выскочил парень, схватил лопату и с утиной перевалочкой — к откосу. Ну, уж если этот... Его-то знают! Фрукт...

— Там ведь тысяча рубликов на блюдечке — тем, кто придет первым.

— Как же так! — вскидывается Колесников. — Разные тресты, люди справа ваши, слева — чужие. Чужих поощрите, ваши что скажут?

— Чужие-то кто? — Макаров расстигает пуговку размахайки у горла. Жарко. — Чужие-то, они ведь тоже советские!

И Кузнецов впервые за весь день смеется.

И другие тоже смеются.

А Колесников смотрит на них, не мигая. Настороженный, с заостренным лицом. Обхватив тяжелыми ладонями острые, как у мальчишки, колени.

III. МАКАРОВ

Макаров говорит, преодолев мгновенное веселье, снова не умея скрыть тяжелой своей одышки:

— Здесь не будет побежденных. Все победители.

Кузнецов, верно, забыв о флаге и не вслушиваясь в глубокомысленный вывод Макарова, неожиданно восклицает:

«Погоди-ка!» И прижимается к левому боку начальника ПМК.

— Что же ты, Макаров? Разве так можно? Опять не долечил?

— Удрал из больницы 29-го, в День молодежи! — потеплевшим голосом вставляет Колесников.

— Это почему же именно в этот день? — недоумевает Кузнецов, расстроенный одышкой старого своего товарища.

— Больница у нас в Ершове, можно сказать, одна молодежь. Они кружком у транзистора в ординаторской, а я ноги в тапки! — ухмыляется Макаров.

— Как в плохих фильмах и книжках, — хмурится Кузнецов.

Пожалуй, Кузнецову становится очевиднее происходящее с Колесниковым. Он пока «недомелиоратор» (мудреный термин, не Кузнецовым, а Макаровым однажды придуманный), то есть канал для него чуть ли не самоцель! Не дано ему, не выработалось еще, не вошло в плоть и кровь сущее: зачем канал? Ведь коварна засуха. Не навалимся на нее всем миром — обуглит, омертвит жизнь...

А Макаров иной. Таких, как Макаров, искал, плачивал вокруг главка Кузнецов...

В дальнейшем и глухом углу Ершовского района начинал Макаров.

Колхоз на богаре, а он председатель. В котях у засухи. Через каждые два-три года врывалась она черным смерчем, выколачивала землю, негде взять и тех двух дождей за лето, которые худо-бедно, а 18 центнеров всегда обещали.

Потому и трудно люди жили в Надеждине.

С чего начинать? Поставил посреди деревни первый дом. Многие наблюдали исподтишка, как привезли котел парового отопления и батареи, как к большому красному баллону присоединили газовую плиту и включили газ. А на предложение председателя заранее оплатить стоимость газового баллона ответили дружным ропотом. И в дом никто не торопился поселиться. Выжидали. Но бригадир, согласившись сделать почи, вскоре стал притчей во языцех. К нему похаживали в гости, грелись у батареи, пили чаек, в минуту приготовленный на газе... И смех и грех! Успевай строить! А ровно через три года старуха, ко-

торая раньше гнала вон от своего порога газовщиков, попросила ей вне очереди выделить «этот красненький».

Росла новая улица, а в трех местах работали бурильщики. И встали в деревне три колонки. Журчала в утробе чугунных тумб вода, о которой не могли и не умели мечтать: прежде была она привозная, по шесть литров на сутки!

Это была пора, по выражению Макарова, «врастания крестьян в живую жизнь».

Шла невиданная подготовка к новой судьбе богарных, засушливых земель — к рождению мелиорации. Тогда-то и познакомился Макаров с видным инженером Шашкиным — тот уже принялся в Ершове за Саратовский канал. А Макаров у него то брошюрку, то книжку возьмет про мелиорацию. Вскоре и Колесников объявился в Ершове, молодой специалист, щедрый на знания.

Инфаркт — первый «звоночек оттуда» — помешал Макарову начать строительство водовода в своем колхозе. Лежал он на спине долгие недели и с горьким непониманием («За что меня так?») размышлял о прожитом и пережитом. «Не тужи, — сказал ему Яков Игнатьевич Бабешка, первый секретарь Ершовского райкома, — из больницы выйдешь, я тебе работу полечке подберу...»

И подобрал «полечку». Стал Макаров начальником передвижной механизированной колонны. Но в этом назначении на новую и, в сущности, еще более беспокойную должность была своя логика. Познавший муки засухи вместе со своим поволжским людом, он теперь должен был врачевать свою жажду обновления земли и большое свое сердце мелиорацией!

При знакомстве с Кузнецовым рассказал ему один-единственный эпизод про засуху. Кузнецов спросил его: «Как думаете комплектовать ПМК?» «У нас природные специалисты, — сказал Макаров. — Однажды пробурили скважину, а вода соленая. Я в панике, бурильщики рукавицы под ноги швырнули, «высказываются», лаборантки пробу берут. А дед подходит ко мне и говорит: «Не волнуйся, председатель. Вон корова пьет!» Вот тебе и дед, чем не главный мелиоратор для моего ПМК?»

ШОФЕР.
ЗА 25 ЛЕТ РАБОТЫ ВОДИТЕЛЬ ПРЖЕВАЛЬСКОЙ АВТОБАЗЫ К. КАДЫРОВ ПЕРЕВЕЗ ТЫСЯЧИ ТОНН ГРУЗОВ ПО СЛОЖНЫМ ГОРНЫМ ТРАССАМ ТЯНЬ-ШАНЯ. ОН УДОСТОЕН ВЫСОКОГО ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА.

АППАРАТЧИЦА.
НАСТАВНИК МОЛОДЕЖИ С. И. СТЕПАНОВА ПРИНИМАЛА УЧАСТИЕ В СООРУЖЕНИИ РОВЕНСКОГО ХИМКОМБИНАТА ИМЕНИ 50-ЛЕТИЯ СССР—УДАРНОЙ СТРОЙКИ 9-Я ПЯТИЛЕТКИ, А СЕЙЧАС РАБОТАЕТ ЗДЕСЬ, В ПРОИЗВОДСТВЕННОМ ОБЪЕДИНЕНИИ «АЗОТ», СТАРШЕЙ АППАРАТЧИЦЕЙ. ЕЕ СМЕНА ДОСРОЧНО ВЫПОЛНИЛА ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН.

КУЗНЕЦ.
МАСТЕРОМ, ПРЕВЗОШЕДШИМ УМЕНИЕМ САМОГО ЛЕВШУ, НАЗЫВАЮТ НА ВОРОШИЛОВГРАДСКОМ ТЕПЛО-ВОЗОСТРОИТЕЛЬНОМ ЗАВОДЕ ИМЕНИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ БРИГАДИРА КУЗНЕЧНО-ПРЕССОВОГО ЦЕХА Ф. Л. КУРИЛО. ВЫПОЛНЯЯ САМЫЕ СЛОЖНЫЕ ЗАКАЗЫ, ОН ДОСРОЧНО ЗАВЕРШИЛ ПЯТИЛЕТКУ.

Фото ТАСС

Ударил по рукам. И к Шашкину. Это под его началом предстояло Макарову участвовать в строительстве Саратовского канала...

IV. ШАШКИН

Конструировали вертолеты, а о Шашкине не подумали. Пригибает он свою голову, как иной великан в микроавтобусе, теснится рядом с Кузнецовым у иллюминатора, вспыхивают недобрый блеском рыжеватые глаза его под прозрачным козырьком пляжной кепочки.

— Где твой студенческий отряд, Шашкин? — спрашивает Кузнецов, обнаружив на многолюдном откосе пустынную плешь вязкой земли, еще не покрытой плитами.

— Как видишь, плиту мне не дали, — ухитрившись приклебнуть из термоса, нехотя отвечает управляющий трестом «Саратовканалстрой», — и я приказал ребятам спать. В обязательном порядке. До обеда.

— Хватит чай пить, Шашкин, — не на шутку сердится Кузнецов, добренький за чужой счет. Макаровский флаг видел? А он — «спать приказал!».

— Не соглашались. Петушились. А мне ребят жалко. Чего на солнцепеке валяться? Не пляж ведь. А насчет флага... Собрали и мы людей. Сказали: задержим канал хоть на полнеделю, в районах начнут скот племенной резать. Тоже подействовало. Может, приземлимся?

— Погоди, — Кузнецов трет по привычке переносицу, — значит, мы не жалеем людей, а ты один жалеешь?

Сказал и осекся. А Шашкин как будто издалека на него смотрит, снова приклебнув из термоса. И повянуло ему с расплавленной болью незаживающей: это осекся Иван Петрович, потому что вспомнил, как хоронили они сына Шашкина, двенадцатилетнего Петьку, и тогда сказал над маленьким холмиком Иван Петрович: «Молодых жалеть надо. И задить». Ничего больше не сказал, а запомнилось. Ничего и не надо больше...

— Ты со мною всегда так, ты мне и девятого мая выдал! — вздыхает Кузнецов.

— Такой день, Иван Петрович, а ты

нас всех на коллегия в Саратов! — упрекает добродушно Шашкин. — Не накрыл бы ты после коллегии праздничный стол, я бы на тебя с пресс-папье пошел.

— Что-нибудь еще вспомни, а? — язвит Кузнецов и вдруг впивается ладонью в острый ободок иллюминатора: к откосу, закрепленному за студенческим отрядом, движется «МАЗ», груженный плитами. — Что я говорил? — накаляется он.

— А я что говорил? — завинчивает термос Шашкин.

Из-за горы щебня показываются зеленые куртки. Студенческий отряд...

Строительная индустрия для них — проблема номер один.

И вслед за нею требовательно встает другая, не менее важная — совершенствование самого строительства каналов. Если, к примеру, они бы соорудили свой Ерусалимский строго по традиции, согласно инструкциям, никогда бы, ни при какой погоде не уложились в два месяца.

Тут всегда решает дерзновенное «сотворчество» рабочего и инженера.

Может быть, именно потому в тот день, когда крановщик Душкин положил на пленку откоса 153 плиты, «осенило» и Шашкина — он нашел выход из положения: втрое удалось сократить расход монолита и бетона!

Конечно, неплохая штука — теоловая мастика. Заделывают ею швы давно, скрепляют жгутом — пористой резиной — и проверено, и надежно, и любому разнорабочему известно. Однако представим себе, что «на мастике» стоит бригада не семь, а четырнадцать часов. От «мастичных» испарений иной человек в обморок упадет. А напасть этой мастике? Производство ее — дело деликатное, неторопливое. И снова Шашкин! Изготовили асфальт мягкий, жирный, с добавкой битума. 423 тонны асфальта.

И когда пикировались Кузнецов и Шашкин в вертолете, неотрывно смотрели вниз, «на донку», неизбежно об одном думали: удержит ли воду тот асфальт? Не поднимется ли плита, распираемая с обеих сторон «подтычкой»?

Нет, ни одна не поднялась, а воду держал асфальт не хуже той мастике.

Вот Кузнецов и размышлял, что подобных находок у них пруд пруди, но почему-то они остаются яркими эпизодами трудных дней стройки, а не осваиваются, «не идут» на другие стройки, в другие трудные дни...

И, наверное, никогда не доведется мне больше увидеть Кузнецова таким счастливым, каким был он, когда вертолет совершил посадку возле «шашкинского водобоя»... Узкое это было место — перепад. Монтаж и установка фильтров и труб перепада — на это времени не было. Небольшое ирригационное сооружение стало препятствием на скором пути воды. И Шашкин придумал «водобой». Вероятно, ясно, что перепад — это как бы порожек в канале, эдакий необходимый спуск, по которому вода должна беспрепятственно, несмотря на коварство грунта и изменение глубины, пройти дальше. А «водобой»? Перепад — временка. Блоки и щебень (крупные фракции щебня уплотняют мелочь, блоки регулируют уровень воды). Просто? Все гениальное просто...

К тому же Шашкин на чертежике показал, как можно будет дня за три потом заменить этот «водобой» стабильным перепадом. Разумеется, при полном ходе воды...

— Где же твой бетонщик, Шашкин? — поинтересовался Кузнецов, когда они вновь сели в вертолет.

— На три с половиной часа отправлены к Макарову. Мы хотим соединиться к утру, — Шашкин показал за кромку раскаленной земли, — вон там...

И Колесников задержался у вертолета, потупился.

Ему не мешали.

И даже минуты полторы ждали, пока он стоял там, внизу, под крылом.

«Может быть, — окидывая начало этого дня, думает Кузнецов, — несуетливый по своей натуре Шашкин оказывается на высоте положения, потому что ему интересно все это. Он изобретатель. Административные обязанности как бы сами собой разумеются. Вот ведь ребятам спать приказал и оказался прав. Ишь, как они принялись за дело! А что сказал парень в тельняшке? Он сказал: «Нам бы в педагогический такого ректора». Любопытно...»

V. КОЗЛОВ

Юрий Дмитриевич Козлов — единственный из всех в этом вертолете, кого Кузнецов не вызывал и вызывать не мог. Он селекционер, давний знакомый Ивана Петровича, сам прибыл с Ершовской опытной станции орошаемого земледелия. И немедля был приглашен к этим «шести окошкам с видом на канал»...

— А я с вами не без корысти. — На ширококулое лицо Козлова падает тень — совсем сумрачно за бортом, первый за полугодие дождь! — Прослышал, что одновременно с каналом монтируете на бережках «Волжанки», ставите «Фрегаты». Хорошо ведь! Посмотреть хочу.

— Так было задумано обкомом партии, — говорит Кузнецов, — сегодня вода в канале, наутро — в поле!

— Всегда бы так! — поддерживает Козлов. — А то сколько денег в земле зарыто! Пока соберемся, пока возьмемся, сидим у воды, а жажда точит.

— У вас на опытной «Фрегат» есть? — разглядывая сквозь сетку дождя высвечившийся внизу поливальный агрегат, спрашивает Кузнецов.

— Нет, к сожалению, — смущается Козлов.

— А как же вы? — интересуется Кузнецов. — Ведь известны все ваши к нам претензии: воду экономить не умеем, режимом полива владеем худо, давление в сети не соблюдаем... А вы еще о главном сами не знаете — как и какая техника при орошении контактирует с новыми сортами!

— Знаем, отчего же... Козлов задумывается. — Действительно, тут произошло странное размежевание: наше дело, мол, зерно, а станция техники орошения пусть техникой и занимается! И нам бы не мешало! И нам бы!

— Вот о «Фрегате» сказал, как старую рану ковырнул, — размышляет Кузнецов, — нам позарез нужен регулятор давления. Высоконапорные насосы. Автоматика. У нас ведь даже импульсного сигнала нет! И мы не знаем, что там стряслось, если встал «Фрегат».

Будто нарочно затянуло канал дымкой грянувшего ненадолго дождя, и Кузнецов в эти короткие минуты «ушел» как бы с откоса канала в поле,

РЕШЕНИЯ XXV СЪЕЗДА КПСС ВЫПОЛНИМ!

Уроки жизни

Алексей ВИТКОВСКИЙ,
директор Воронежского ордена Ленина
завода тяжелых механических прессов,
предприятия
коммунистического труда.

Анатолий СОБОЛЕВ,
бригадир
комсомольско-молодежной бригады
сборочного цеха ВЗМП.

ФОРМУЛА ЭФ

А. ВИТКОВСКИЙ. Трудно было бы назвать более актуальную тему, чем та, которую мы сегодня обсуждаем. На партийном съезде вопрос о качестве работы стоял как один из главных, программных вопросов десятой пятилетки. Это не случайно. Мы научились создавать прекрасную технику, управлять производством, решать сложные народнохозяйственные задачи, и все же качество работы, как таковой, а отсюда результат ее — продукция — довольно часто оставляют желать лучшего. Почему? В этом и давайте разбираться.

А. СОБОЛЕВ. Качество работы, насколько я понимаю, формируется из множества составных...

А. ВИТКОВСКИЙ. Согласен. Попытаюсь их обозначить. И, конечно, рассчитываю на вашу подсказку. Вы-то ведь знаете проблему не понаслышке, а как руководитель первичного рабочего коллектива — бригады.

А. СОБОЛЕВ. Проблема качества работы волнует меня не только как бригадира, я заинтересован в результативности нашей беседы чисто по-человечески: даже дома из головы не выходят мысли о работе. Думаю, что и у моих товарищей их профессиональная заинтересованность преобладает в жизни над любой другой.

А. ВИТКОВСКИЙ. Ну, в таком случае видели ли вы среди директоров предприятий людей, которые заинтересованы в производстве меньше, чем рабочие?! Из двадцати пяти лет моего директорства вряд ли сыщется день, прошедший без волнения за план, качество, себестоимость и так далее. Впрочем, мы отклонились от темы...

Итак, качество работы определяется, на мой взгляд, прежде всего уровнем организации производственного процесса, степенью осознания каждым членом коллектива личной ответственности за выполнение задания, профессиональной подготовкой рабочих, правильной расстановкой сил внутри бригады... Говорю — бригада, потому что именно бригада есть первое и во многом решающее производственное звено любой отрасли. Далее. Качество работы зависит от правильной организации социалистического соревнования, умелого сочетания материальной и моральной оценок результатов человеческого труда, внедрения передовых методов работы, согласованности действий общественных организаций и руководства предприятия в главном — повышении творческой активности коллектива. И, конечно, плохи те руководители, которые при всем при этом не думают о досуге рабочих, полноценном отдыхе, развитии спорта на предприятии.

Вот, пожалуй, важнейшие составные.

А. СОБОЛЕВ. Хочу добавить одно: качество работы в немалой степени зависит от качества взаимоотношений руководителей всех звеньев производства (начиная от брига-

ды и кончая заводским КБ, директором), от того, насколько каждый из руководителей умеет видеть в своей работе главные, перспективные задачи предприятия, насколько считается с ними...

А. ВИТКОВСКИЙ. По сути, та же самая профессиональная ответственность...

А. СОБОЛЕВ. Не совсем. Вот пример: наша бригада перевыполнила план и ушла вперед, обогнав другие. Соседняя, где менее опытный коллектив, зарывается со сложной сборкой. Мы можем предложить им помощь, а можем не предложить, ведь со своей задачей-то мы справились. Как быть в этом случае? Думаю, что помощь обязательна, конечно, если наша бригада не получила еще более срочное задание. Согласны?

А. ВИТКОВСКИЙ. В принципе да. Но тут много всяких приводящих элементов. В конце концов вопрос может решить начальник цеха.

А. СОБОЛЕВ. Предположим, он не догадался об этом.

А. ВИТКОВСКИЙ. Мне нравится, что вы рассуждаете по-государственному.

А. СОБОЛЕВ. Конечно. Ведь задачи бригады и предприятия общие, я уж не говорю бригады и цеха. Почему бы бригадире не проявить в этом случае государственную заинтересованность!

А. ВИТКОВСКИЙ. Для этого прежде всего необходимо, чтобы каждый бригадир был информирован о ходе дела в своем цехе.

А. СОБОЛЕВ. Именно эту мысль я и хотел высказать сначала в голом виде, но потом решил на примере. Да, часто бригадире не хватает информированности, и не только о работе цеха, но и о работе завода, отрасли. Дело, конечно, не в том лишь, чтобы сориентироваться в производственном процессе, в конце концов я могу спросить у начальника цеха о том, что меня интересует. Но бригадир, организуя работу, воздействует на сознание товарищей, подчиненных, как воспитатель. Так почему все производственные проблемы для него должны замыкаться на очередной машине? Сколько таких машин нужно стране, как решается задача по их выпуску, насколько они устраивают потребителей — все это не просто интересно знать, но и нужно знать тем, кто отвечает за выпуск этих машин. Нужно знать для того, чтобы

ПОСВЯЩЕНИЕ В РАБОЧЕЕ.

Фото Виктора САККА

работать еще лучше. Ведь если от нас требуется государственный подход к делу, то мы обязаны знать, чем живет наша отрасль сегодня и чем будет жить завтра. А то ведь, что греха таить, бывает так: выполнило ли твое предприятие месячный план, зачастую узнаешь только по тому, начислена ли премия.

А. ВИТКОВСКИЙ. Интересная мысль, надо продумать...

А. СОБОЛЕВ. Вспомните свою молодость, первые комсомольско-молодежные бригады. Разве не волновало вас каждое известие о результатах общего труда?

А. ВИТКОВСКИЙ. Волновало. И еще как! Помню, в тридцатых годах мы строили Вяземский льнокомбинат. Каждый день комсомольский штаб обсуждал итоги работы, нам зачитывались телеграммы из наркомата о положении дел в нашей отрасли. А дела эти были тогда не блестящи. Копая котлованы под фундаменты цехов, мы горели желанием дать стране льняных тканей столько, сколько нужно. И ради этого готовы были жить по десять человек в пятнадцатиметровой комнате, ходить зимой и летом в одной паре ботинок и вообще терпеть всякие неудобства. Нас вела идея, которая своим величием побеждала любые трудности.

А. СОБОЛЕВ. Вот. Эффективность нашей работы во многом стимулирует высокая идея, цель. Примеров сколько угодно. Первые пятилетки... Цель — создать индустриальную базу страны.

А. ВИТКОВСКИЙ. Великая Отечественная война — защитить Родину, победить врага. Завод, который я возглавлял, в конце войны выпускал снаряды. Каждый наш снаряд пусть на мгновение, но приближал победу. Работала на заводе в основном молодежь, девушки, подростки. В невероятно тяжелых условиях, по десять—двенадцать часов не отходя от станков, они били врага в тылу ударным трудом. Помню, как в приказном порядке мне пришлось отстранить от работы девушку, которая стояла третью смену подряд, за себя и

больную подругу. Она буквально падала от истощения, но упрямо продолжала точить детали на револьверном станке, каждая из которых весила около тридцати килограммов.

Послевоенные годы — надо было восстанавливать разрушенное. Возродились лозунги первых пятилеток, когда от каждого требовался максимум того, что он мог дать на своем рабочем месте...

А. СОБОЛЕВ. Продолжаю вашу мысль. БАМ — это тоже высокая идея, эмоциональный фактор, влияющий на эффективность работы тысяч людей сильнее, чем экономические выкладки, сильнее, чем материальная заинтересованность. Потому что БАМ — новая эпоха Восточной Сибири, возможность для тысяч моих сверстников проявить себя подлинными гражданами, людьми идейными, государственными. Словом, я за высокую идею, как один из главных стимулов качества труда.

А. ВИТКОВСКИЙ. А история нашего завода разве не характерна в этом смысле! Двадцать лет назад мы освоили выпуск первого прессы К265. Маленький, трехсотсильный, неказистый, но... наш. Первый. Его пустили в конце смены, за полчаса до партийно-хозяйственного актива. Собрание пришлось отменить. Зато прямо в цехе, рядом с работающей машиной, возник митинг, на котором качали по очереди сборщиков, конструкторов, технологов. Все радовались, как дети. И мечтали, что когда-нибудь наши машины будут работать по всей стране.

Сейчас вы собираете четырехтысячники, в перспективе выпуск прессы мощностью 12 тысяч тонно-сил. Наши машины работают на КамАЗе, на Волжском и Горьковском автомобильных, Волгоградском тракторном. Марку завода знают в тридцати странах мира, наши прессы покупают крупнейшие западные фирмы. Завод добился присвоения ему звания предприятия коммунистического труда, предприятия высокой культуры. И это через двадцать лет после первого прессы! В

годы девятой пятилетки наш коллектив работал напряженно, слаженно. По итогам соревнования в завершающем году пятилетки завод награжден Памятным знаком ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «За трудовую доблесть в девятой пятилетке» и переходящим Красным знаменем. Имя завода занесено на Всесоюзную доску почета на ВДНХ СССР.

А. СОБОЛЕВ. Я и мои ребята гордимся тем, что работаем на таком заводе. Мы понимаем, что сегодняшние успехи коллектива были бы невозможны без самоотверженного труда ветеранов предприятия, наших предшественников... А ведь у нас особые условия: не успеваем освоить выпуск одной модели, как тут же переключаемся на другую. Специфика. И все же удалось добиться присвоения Знака качества нескольким машинам. Все ли рычаги в повышении эффективности мы используем в должной степени?

А. ВИТКОВСКИЙ. Основные — безусловно. Мы одинаково внимательно относимся к вопросам трудовой дисциплины, внедрения новой технологии, соцсоревнования, экономии материалов, повышения производительности труда, потому что так или иначе они влияют на главное — эффективность и качество работы.

А. СОБОЛЕВ. Но в связи с этим мне хотелось бы сказать еще об одном рычаге в борьбе за эффективность производства — трудовых починах. Как правило, в начале года мы принимаем личные и бригадные обязательства. Продумываем их, согласовываем с планирующими органами. Эти обязательства становятся законом для каждого, кто их подписал. Вдруг через два месяца кто-то выдвигает новый почин. Может быть, он окажется полезным. Но это еще не проверено на практике. И вместо того, чтобы дать возможность испытать жизнеспособность почина самому автору, мы торопимся превратить его в массовый. Прижился он — хорошо, не прижился — тоже не беда, можно заменить другим. В итоге люди начинают относиться к таким вещам настороженно. А

ЭФФЕКТИВНОСТИ

ведь почин — движение, которое захватывает всех целиком и полностью, — могучий фактор повышения эффективности нашей работы. И если трудовой порыв направить на решение насущной задачи, то ему нет цены.

А. ВИТКОВСКИЙ. Пожалуй, так. Прекрасным, благородным, очень эффективным в экономическом отношении стало движение молодежи «За себя и за того парня». Резко выросла производительность труда в период, когда завод встал на трудовую вахту в честь XXV съезда партии. 25 недель, объявленных ударными, бригады и смены большинства цехов работали без брака. Это лишний раз доказывает, что трудовой энтузиазм людей, если он подчинен высокой цели, дает превосходные результаты.

А. СОБОЛЕВ. Кстати, говоря о результатах, нельзя не коснуться вопросов морального и материального стимулирования. Мне кажется, что на нашем предприятии найдена золотая середина — разумное сочетание того и другого.

А. ВИТКОВСКИЙ. Мы пошли на это сознательно. Я больше других ратовал за такую постановку дела: серьезный урок как-то в жизни получил. Случилось это в первые годы моего директорства. Решили мы отметить довольно большую группу отличившихся рабочих денежными премиями. Провели торжественное собрание, в своей речи назвал я несколько фамилий передовиков, а премии — из соображений такта — распорядился вручить после собрания в одном из кабинетов.

В конце торжественного вечера подходит ко мне один из старейших рабочих и протягивает пакет. «Возьмите, — говорит, — обратно, не надо мне денег». Я спросил его, почему он не хочет получать честно заработанную им премию. «Эх, директор, — отвечает он, — зачем ты людей обидел? Работаем мы на виду у всех, вот и сумей нас отметить так, чтобы все это видели, а не втихомолку. Да и запомни: слово доброе бывает дороже денег». Переживал я страшно. Но запомнил зато урок на всю жизнь.

А. СОБОЛЕВ. Прав был тот рабочий. Без денег, конечно, пока не обойтись, но справедливая моральная оценка труда каждого, несомненно, выше. Вот ввели у нас на заводе звания и значки «Отличник качества», «Мастер I класса», «Мастер — золотые руки» и другие. Ребята себя не жалеют, чтобы добиться этих званий и надеть соответствующий знак. И не потому вовсе, что каждое звание прибавляет к зарплате лишние двадцать — тридцать рублей, а потому, что вручают ему этот знак на глазах всех его товарищей: «Смотрите, ребята, завидуйте по-доброму, учитесь мастерству у этого человека». А для самого рабочего оценка его труда коллективом — высшая оценка, государственная.

А. ВИТКОВСКИЙ. Кстати, вопросы морального и материального поощрения решаются прежде всего бригадиром. Мы считаем, что это работает на повышение его авторитета. Как работает на авторитет командира производства и предоставление ему права решать вопросы укомплектования бригады нужными специалистами, распределять работу внутри коллектива по своему усмотрению и так далее. Мы идем на это сознательно, ибо понимаем, что в борьбе за качество бригадир — одно из главных действующих лиц.

А. СОБОЛЕВ. Кому много дано, с того много спросится...

А. ВИТКОВСКИЙ. Вы разве против? Бригадир — доверенное лицо. Предоставляя ему широкие права, мы требуем от него деловой инициативы, самостоятельности в решении производственных вопросов. Конечно, это относится к тем, кто имеет солидный бригадирский опыт. Высокая ответственность, возлагаемая на руководителя первичного рабочего звена, служит интересам дела. Иначе нельзя. Перестать доверять бригадирам — значит остановить творческий процесс в рабочем коллективе, взвалить на мастеров и начальников цехов дополнительные заботы, обречь инженерный состав на мелочный контроль за работой каждого подразделения.

А. СОБОЛЕВ. Сколько, на ваш взгляд, нужно времени для полной адаптации в роли руководителя бригады?

А. ВИТКОВСКИЙ. Бригадир, выдвинутый из числа рабочих высокой квалификации, разворачивается в полную силу года через два. Это может произойти и раньше при условии, что он прежде занимался общественной работой, разбирался в планировании, схемах, экономике...

А. СОБОЛЕВ. Почему нужно знать планирование и экономику — понятно. Но при чем здесь общественная работа? Разве бригадиру недостаточно быть просто тактичным, контактным, болеть за производство?

А. ВИТКОВСКИЙ. Общественная работа развивает организаторские способности, учит находить общий язык с людьми, а это необходимо руководителю любого уровня. Молодой человек с опытом комсомольской работы, выдвинутый в командиры производства, при известной профессиональной грамотности уже через полгода начинает приносить ощутимую пользу на новой должности. Не беда, если он в чем-то на первых порах ощущает недостаток специальных знаний, помочь ему разобраться в схеме проще, чем научить понимать людей, работать с ними, видеть завтрашний день бригады. Мне приходилось рекомендовать даже опытным рабочим сдать бригаду другому только потому, что они при всей своей профессиональной эрудиции были не в состоянии руководить товарищами так, как это требуется сейчас.

А. СОБОЛЕВ. Вы хотите сказать, что раньше, ну, скажем, в годы вашей молодости, к бригадирам предъявляли меньше требований?

А. ВИТКОВСКИЙ. В общем, да. Бригадиром зачастую назначался передовой рабочий, у которого было побольше опыта, чем у других. Тогда просто не было соответствующих условий подготовки руководителей бригад. Теперь они есть. Мы можем готовить людей на эту должность без спешки, тщательно изучая их деловые и человеческие качества. Это почти исключает ошибки в выборе кандидатуры. Я, например, не помню за последние годы случая, чтобы нам пришлось кого-то отстранять от руководства бригадой как не оправдавшего доверия. Хотя работать бригадиру сейчас не в пример сложнее — у него двойные функции: организация производства и выполнение личной производственной задачи.

А. СОБОЛЕВ. Мы затронули интересную тему, и я, пользуясь случаем, хочу спросить вот о чем. В какой ситуации, на ваш взгляд, лучше всего проверяются бригадирские качества?

А. ВИТКОВСКИЙ. В непредвиденной. В ней отчетливее проявляются и организаторские и человеческие качества руководителя. Вспомните хотя бы тот пресс, что мы должны были поставить КамАЗу осенью прошлого года. Честно говоря, я сомневался в том, что ваша бригада сумеет его собрать с опережением графика на неделю. Именно неделю мы тогда потеряли из-за литейщиков. Хотел даже передать его на сборку бригаде Букатина.

А. СОБОЛЕВ. Я тогда заметил ваши колебания, но нарочно не стал бить себя в грудь, доказывать, что мы справимся. Считал, что если нашей бригаде доверяют полностью, то сборку поручат нам, а если сомневаются в наших возможностях, то убедить в обратном можно только работой, но не словами.

А. ВИТКОВСКИЙ. Что ж, тогда вы еще раз доказали, что молодежи доверять можно и нужно. А как вам удалось закончить сборку так быстро?

А. СОБОЛЕВ. Алексей Петрович, бригада сейчас трудится в счет декабря 1976 года, лично я — в счет 1978 года... Так вот, тогда ничего особенного не происходило. Работая в своем обычном ритме, мы почти вывели пресс в нормальный график. Нужно было еще лишь одно усилие. Договорились с диспетчером о том, чтобы наши заказы на кран, инструмент, дежурных электриков выполнялись вне очереди, четко распределили обязанности между собой, каждому поручались те операции, которые он делает особенно быстро и качественно, отказались от перекуров и вообще от любого вида отдыха. Вот и управились своевременно.

А. ВИТКОВСКИЙ. Стало быть, обошлись без аврала?

А. СОБОЛЕВ. Обошлись. Я вообще считаю авралы пережитком, нервующим людей и приносящим больше вреда, чем пользы. Любая штурмовщина не что иное, как дефект в управлении производством. Культивируя ее, мы приучаем себя к экономической и организационной недисциплинированности.

А. ВИТКОВСКИЙ. Ну, относительно авралов тут двух мнений быть не может. А вот по поводу внутрибригадной специализации думаю, что превращать ее в систему не следует. Производству нужны универсалы, люди, технически широко образованные. К сожалению, бывает так, когда выпускника профессионально-технического училища год, а то и два держат на элементарных, однообразных операциях, боясь поручить ему более сложную работу. Не так давно у меня на приеме был такой паренек, жаловался на мастера. Отлично окончил училище и полтора года... гнет кронштейны. Пришлось вмешаться. Я спросил того мастера, почему он не поручал парню другой работы. «Молод вроде, — отвечает, — ему восемнадцать лет, разве можно...» Вот ведь какими древними категориями мыслит человек. А у того парня, кстати, прекрасно дело пошло.

Не надо бояться ставить перед молодежью трудные задачи, не надо специализировать талантливых ребят на какой-то одной серии операций, это снижает их творческий потенциал, сужает профессиональный кругозор. Тот, кто прекрасно знает все тонкости сборки одного узла и плохо представляет машину в целом, еще не творец, не создатель в полном смысле слова, а подмастерье. Современному же производству нужны именно творцы, мастера, которые, взяв в руки одну из десяти тысяч деталей, видели бы машину завершенной, готовой к испытаниям.

А. СОБОЛЕВ. Двумя руками за самую разностороннюю техническую эрудицию. На собственном опыте знаю, как много значит в начале рабочей биографии оказаться рядом с человеком, который бы научил тебя мыслить широко, показал специальность «от и до». Таким человеком был для меня мой первый бригадир Алексей Федорович Букатин. Учил как надо и требовал тоже. «Смотри, — говорил, — Толя, как я это делаю, и делай сам, но так, будто ты здесь один». Вот тогда я научился смотреть на свою работу глазами ОТК. Или соберет молодежь и спрашивает, как собрать такой-то узел, если отказал подъемный механизм. Время на ответ — пять минут. Сидят нас пятеро, и каждый выдает свое решение. Почти все, чем в КВН, получалось. И полезнее для ума.

Однако я считаю, что при особых обстоятельствах бригадир имеет право расставить людей так, чтобы от каждого

была максимальная польза. И если я доверяю тому же Саше Чалых монтировать приводы прессы, а Толе Подсекаеву — шабровку, то должен быть уверен на сто процентов, что они это сделают лучше других и быстрее. Потому что это и есть в конечном итоге эффективность и качество нашей работы. А когда те же обстоятельства позволят нам поменять их местами, то, будьте уверены, мы это сделаем тут же.

А. ВИТКОВСКИЙ. Теперь понятно, почему к вам в бригаду охотно идет молодежь: знают, что не придется полтора года гнуть кронштейны.

А. СОБОЛЕВ. Молодежь вообще идет в сборочный с удовольствием, да и на завод в целом — тоже...

А. ВИТКОВСКИЙ. Как директор я, разумеется, доволен, что текучесть кадров на нашем заводе в два с лишним раза ниже, чем на предприятиях области, даже отрасли. Но как коммуниста, как члена обкома меня беспокоит неблагоприятное на других заводах. Ведь текучесть снижает эффективность работы, бьет по карману предприятие и государство, страдает от нее и сама молодежь. И знаем вроде, как бороться с этим злом, боремся как будто одинаково, а все равно с одного предприятия молодые люди уходят, а с другого — нет.

А. СОБОЛЕВ. Встретил я как-то приятеля, учились вместе. Третий завод меняет. Я, конечно, спрашиваю: почему? Он мне: ездить далеко, разряд не повышают. А главное, говорит, скучно. Закончил смену, вышел из проходной — и как отрубленный помать, ощущение, будто ты нужен заводу только в качестве рабочей силы. Обидно. Ну, стали разбираться по порядку. Выяснилось, что базы отдыха там нет, спорткомплекса тоже, соревнование запущено. Хотя заработок очень неплохой.

Он меня тоже спрашивает: как, мол, у вас? Рассказываю о том, как организовано соревнование, о спортзале, пансионате... Удивляется, как это мы успеваем ежедневно на доске показателей выставлять результаты работы каждого. Объясняю, что следят за этим сами рабочие и при необходимости поправят нормировщика. В общем, уговорил, пришел он к нам.

А. ВИТКОВСКИЙ. Не удерет?

А. СОБОЛЕВ. Не думаю.

А. ВИТКОВСКИЙ. Что касается спорта, баз отдыха, то с этим ясно. Крупному предприятию строить их необходимо. Хотя не всегда это просто. Хорошо, если завод новый и в смете заложены эти объекты с самого начала. А если завод уже не первой молодости, то надо обладать большой настойчивостью, чтобы построить тот же спорткомплекс или клуб. Пока еще некоторые планирующие органы нелегко идут на финансирование объектов, которые не имеют прямого отношения к производству. И порой бывает, что у завода средства на клуб есть, а построить он его не может, нет такой статьи в его бюджете.

А. СОБОЛЕВ. А по-моему, как раз и клуб, и спорткомплекс, и база отдыха имеют прямое отношение к производству.

А. ВИТКОВСКИЙ. Конечно. Значительно снижает текучесть кадров и доброжелательное отношение к молодежи, понимание руководством предприятия ее настроения, запросов, как духовных, так и материальных. Точнее, не просто понимание, а материализация этого понимания. И мой жизненный опыт позволяет мне сказать, что любые затраты на удовлетворение нужд молодежи окупаются многократно, выражаясь в цифрах той же эффективности производства. В создании же атмосферы доброжелательности, организации соревнования, контроле за профессиональным ростом молодежи огромную помощь может оказать администрация комсомол. В его возможностях я убеждался не раз. Может быть, я говорю так, потому что мне везло на толковых комсомольских работников.

А. СОБОЛЕВ. Скорее всего им везло на директора...

А. ВИТКОВСКИЙ. Когда люди видят в своей работе средство для достижения одной главной цели, то им не из-за чего конфликтовать. Спорить — пожалуйста, но это уже другое дело. Кстати, именно комсомол предложил и внедрил таблицы ежедневных показателей производительности труда каждого рабочего. Честное слово, при всем уважении к новому мне было решиться на это не просто, представил, сколько дополнительной работы будет у нормировщиков, и задумался. И все-таки мы ввели эти таблицы, потому что посмотрели, так сказать, на дело с психологической точки зрения. Человеку, особенно молодому, свойственно стремление к состязанию, к тому же собственное достоинство не позволяет ему работать хуже товарища.

А. СОБОЛЕВ. Как говорится, закон рекорда...

А. ВИТКОВСКИЙ. Закон жизни. Нашей жизни, Анатолий. Мы должны и будем побеждать вчерашний день днем сегодняшним. Этот закон сформулировали мы еще тогда, в годы первых пятилеток. Не следуй мы в своем каждодневном труде этому закону, не было бы многого из того, чем мы сейчас гордимся...

А. СОБОЛЕВ. Если я вас правильно понял, одна из гарантий эффективности — в строгом соблюдении этого закона?

А. ВИТКОВСКИЙ. Вы меня поняли правильно.

память

Поворот на Хатынь

Он сразу за душу берет —
У партизанского кургана
Крутой дорожный поворот,
Как будто оклик партизана.

Земля — под яркой синевой.
Но кто в тревоге не застынет?
Ведь начинается с него
Молчанье скорбное Хатыни.

Он не рассеял
Горький дым.
И обнаженно и сурово
Застыло прошлое
Над ним
И вихрь вала огневого.

Года в слезах, в огне, в дыму,
Он позабыл,
Когда был светел:
Навстречу людям по нему
На магистраль
Выходит пепел.

И я привел к нему тропу.
В войну
На дымной той орбите
Он бросил стон
В мою судьбу,
Я из Орла Хатынь увидел.

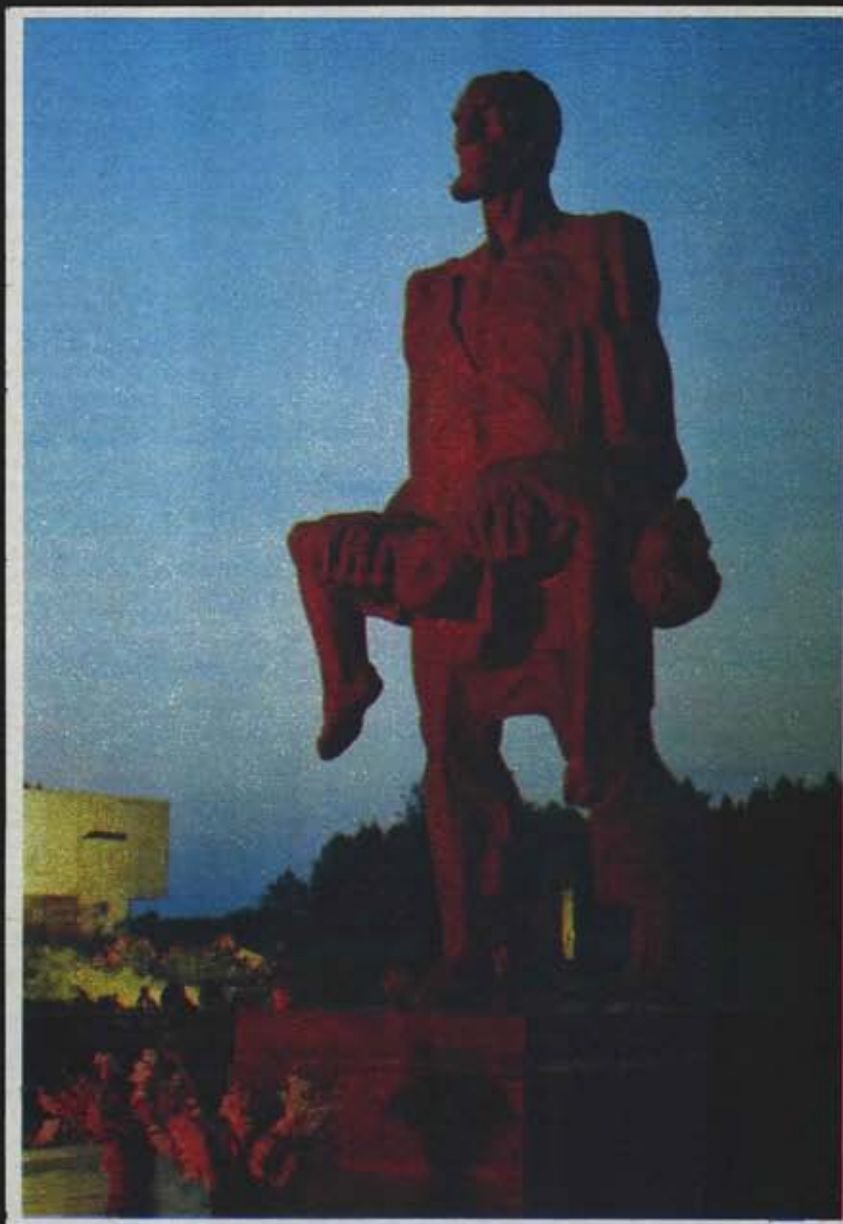
Он властен,
Поворот крутой,
Где жизнь —
В огне забыли люди.
Я знаю:
Мирный опыт мой
Тем поворотом
Взвешен будет.

Тружусь,
И в дружбе и в любви
Учусь ходить,
Летать
И мыслить,
Заботы и мечты свои
Стремясь по мере сил
Возвысить.

Ведь нас грядущее
Во всем
Зовет, влечет к большому делу.
...На повороте горьком том
Иду я
За советом
К пеплу.

В травы некому лечь,
К песне некому встать,
Не дожидаться зари.
Свежий хлеб не испечь.
Целину не вспахать.
Пустыри.
Пустыри.
Свет не в силах найти,
Зашаталась сосна:
Годы бьется о тьму,
И дожди — не дожди,
И весна — не весна.
Почему?
Почему?!
Ни ребят, ни девчат
У колодцев немых.
Песня — хоть бы одна...
И ни птиц, и ни хат.
В скорби замерший миг.
Боль — на все времена.
Ночь на землю легла.
Как в Хатыни черно!
Вся — слепое окно.
Вся — ко-ло-ко-ла...

Двадцать шесть

26 их было!
26.
Сергей Есенин.

В сожженной Хатыни
было 26 хат.

Двадцать шесть!
Не число, а крик.
Вижу вас в песках, комиссары.
Двадцать шесть!
И в краях лесных
Свили гроб огневой пожары.
Двадцать шесть!
Живой, не кричи.
Кто услышит их, крики ваши?
Гробр с людьми
Воздели в ночи
Над собой автоматы вражьи.

Смялся в крике
Клубок сердец.
Но не всех берет огневина:
Этот гроб
Проломил кузнец —
К ветру мертвого вынес сына.

Двадцать шесть!
Изошли огнем
Непомерным дома Хатыни.
Было ночью
Светло, как днем.
Там темно даже в полдень
ныне.

Двадцать шесть!
За верстой верста
Смерть теснили мы не
впервые.

Каждый дом
Комиссаром стал.
Кем же стала сама Россия?..

Бейте, колокола!
Скупым
Скорбным звоном своим
Сквозите.
Я, до первой дойдя трубы,
Перестал
Остальное
Видеть.

Привалилась Хатынь
Ко мне.
Что за остовы
Ходят в небе?
Я дотронулся до камней —
И во мне
Закружился
Пепел.

Жизнь моя
Повернула вспять.
И, о детство свое
Споткнувшись,
Я увидел его опять
В чадном
Пламени
Потонувшим.

Бейте, колокола!
Хатынь,
От тебя
Не вершу я бегство.
Меж сгоревших твоих святынь
И мое
Пало праэм
Детство.

Отзовись, деревня!
Просветлей.
Так хочу,
Чтоб ты всегда стояла,
Вынимала хлебы
Из печей.
Словно хлебы,
Свадьбы выпекала.

Встречи
В озорном березняке,
Руки молодые
На бересте...
Я стою
На черном сквозняке,
Трубы ходят
Молча
На погосте.

У кого тут
Не сломилась стать?
Кто в крови
Не чувствовал железа?
Разве
Невозможное
Понять?
Мир стоит,
А ты в огне исчезла.

Пионерские галстуки Хатыни

Застыл, потрясенный: надгробные
решетки кладбища деревни Хатынь
увиты пионерскими галстуками.

Среди черноты могильной
На скорбной земле Хатыни
Увидел я красный галстук,
Как пламя, пробился он
К родимым лесам и зорям,
К сияющей мирно сини,
Собою прорвав железу,
Собою прорвав бетон.

На свежем ветру трепещет.
Он пламенем жжет ненастье.
С какого мальчишки галстук
Сорвался, чтоб так лететь?
Метался среди овчарок.
Не развязался в пастях,
И пули не исклевали,
Не растерзала плеть.

Как звали того мальчишку,
Какие любил он песни?
Подмяли огнем мальчишку
Враги, чтоб не смог уйти.
Суровой войны свидетель,
Мой сбитый огнем ровесник,
Я вижу, как плещет галстук,
Летящий с твоей груди.

Давно отгремели битвы,
Фашистские орды смяты.
А галстук летит над пеплом,
В Хатыни ища друзей.
Ему салютуют снова
У скорбных могил отряды,
Его целовал Гагарин,
С орбиты сойдя своей.

Я снова стою в Хатыни
И галстуков вижу трепет:
Еще сорок пять пробилось
К нему, не истлев в земле.
Верны они юной дружбе,
Сердцам, обращенным в пепел.
И я салютую сильной
Их молодой семье.

Фото Александра ГРУЗДЕВА

КАНЬОН АТАККИ

ходства над другими осталось. Это чувство опиралось, во-первых, на их высокую физико-математическую подготовку. Во-вторых, на внутреннюю собранность, стремительность мышления, без которых, как я понял уже позже, ракетчиком не станешь. Техника, которую доверила им страна, требует, кроме огромной профессиональной культуры, полного подчинения всех человеческих чувств и энергии делу, за которое они отвечают.

Сталкиваясь в различных ситуациях со старшим лейтенантом Владимиром Хаюстовым, я убедился, что на первом месте у него в жизни ракеты, на втором — опять же ракеты, потом — все остальное. Не слишком отличаются от него и командир батареи капитан Игорь Вовтаник и многие другие. Столь естественной гармонии между людьми и техникой, столь полного взаимопонимания я не встречал больше нигде. Впрочем, рассказывая о ракетчиках, мне думается, нельзя отрывать их от свойственных военной жизни обстоятельств, а обстоятельства в тот день сложились следующие...

Батарея Вовтаника прошла порядочное количество километров по горным склонам и, наконец, получила приказ нанести ракетный удар. Когда все уже было подготовлено, воздушная разведка предупредила, что цель ушла. Батарея снялась с позиций и спустилась в долину. Собственно, это была даже не долина, а каменистое, усеянное треснувшими валунами поле с крохотным озером посередине. Технику надо было закопать, замаскировать, пусть даже ей предстоит здесь находиться совсем недолго.

Несмотря на то, что расчет прекрасно справился бы с этим делом без него, Хаюстов поплевал на ладони и тоже принялся за работу. И ребята, не желая отставать от командира, кромсали сухую, твердую землю так же упрямо и быстро, будто схватились с ней в рукопашной и от исхода схватки зависит нечто очень

НА ТАКТИЧЕСКИХ УЧЕНИЯХ —
КОМСОМОЛЬСКОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ
ВОИНОВ-РАКЕТЧИКОВ

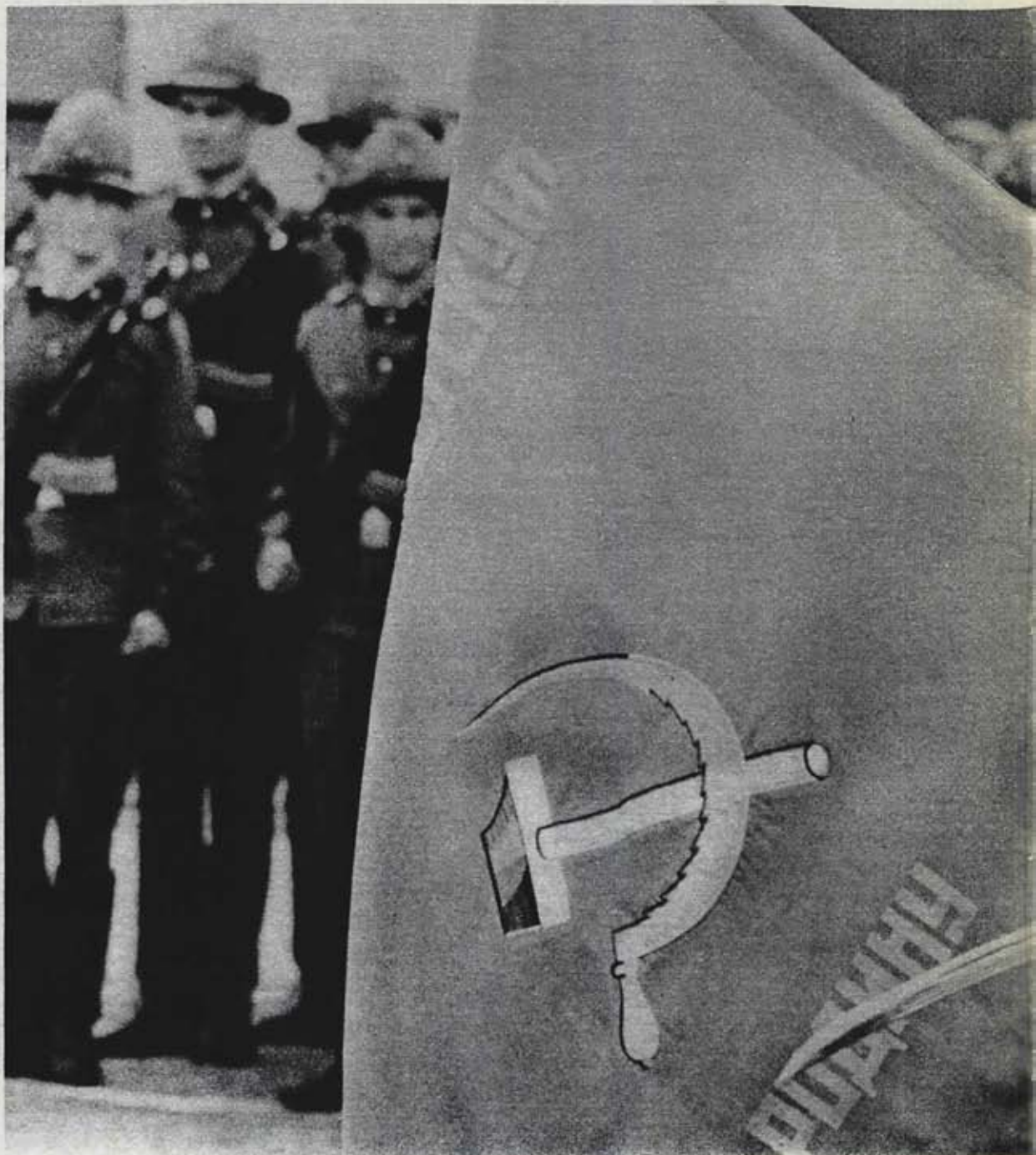
Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты «Смены».

Люди, которые приводят ракеты в действие, всегда казались мне людьми необычными. Я, как и все, смотрел на огромные сигарообразные тела, катящиеся во время октябрьских парадов по Красной площади, со смешанным чувством удивления, восторга, трепета. Даже когда был уже

совсем взрослым. Все, что касалось прочего оружия, было предельно ясно: работал с ним сам, будучи солдатом. Ракеты же, сколь бы теоретически полными ни были знания о принципе их работы, оставались вне понимания. Может быть, этих знаний не хватало. Потому что те, кто знает их по-настоящему, по вполне понятным причинам не стремятся популяризировать эти знания.

Но одно они могли бы засвидетельствовать: современные ракеты, какого бы назначения они ни были, — оружие колоссальной мощности и возможностей, их разрушительная сила вне сравнения с чем-либо еще. И пусть они никогда не выйдут на боевую траекторию, но мы должны уметь наводить их на цель. В интересах обороноспособности нашей страны, мира, спокойствия матерей. Люди, о которых мы расскажем, учатся этой трудной науке сами и учат других. Потому что пока это необходимо.

Ощущение, что нам предстоит познакомиться в ракетной части с людьми, каждый второй из которых чуть ли не профессор, было довольно устойчивым. И даже когда уже познакомились и выяснилось, что ракетчики так же, как и все прочие, стреляют друг у друга сигареты, рассказывают бородатые анекдоты, занимаются строевой — словом, делают все, что делают обычные военные люди, ощущение их превос-

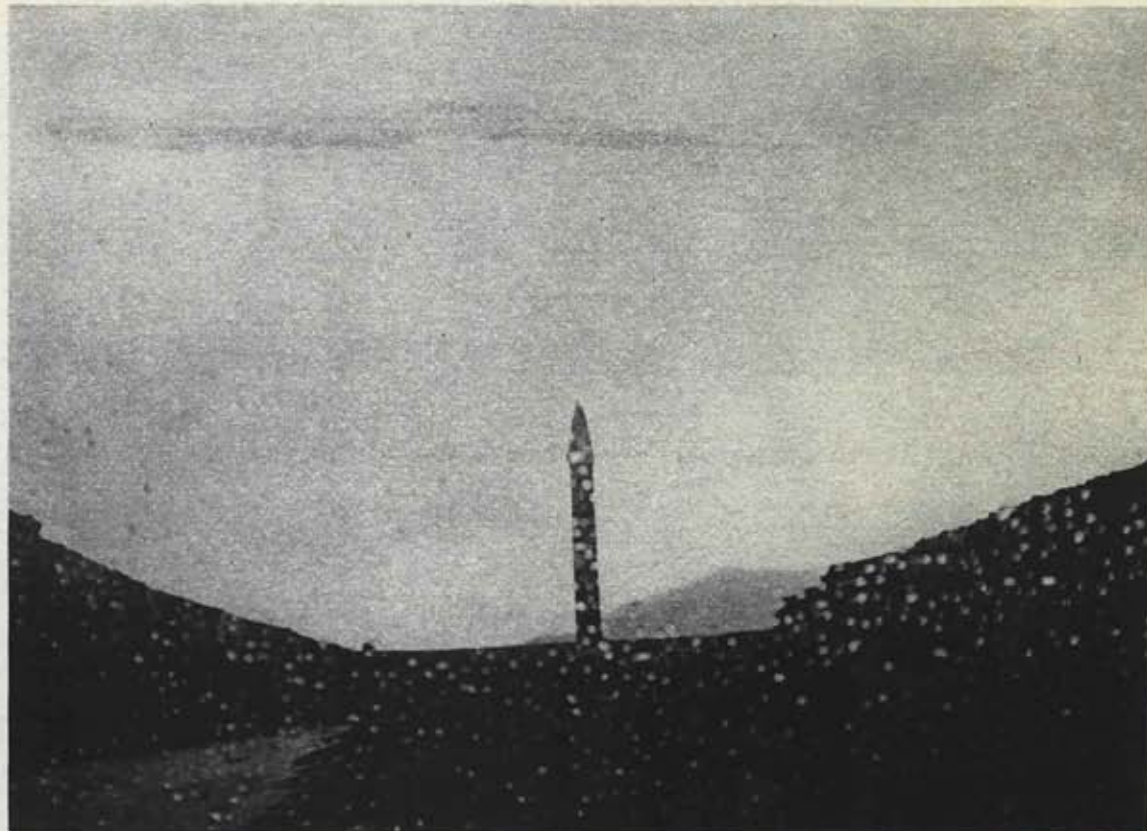

важное. Они не давали себе передышки до тех пор, пока дело было не кончено. Пусковая установка Хаюстова стояла, закопанная по самую кабину, укрытая сверху маскировочной сетью.

Хаюстов отошел на несколько метров, оглядел дело своих рук, словно закончивший полотно художник, видимо, остался доволен, улыбнулся и разрешил ребятам перекурить. Они расселись прямо на земле, усталые, с мокрыми от пота лицами, словно по команде, пахнули «Примой», а командир остался стоять, сцепив за спиной пальцы и запрокинув к небу голову.

К тому времени я уже знал Хаюстова достаточно, чтобы понять это его состояние. Уходя целиком в какую-то работу, он переставал существовать для иных, не относящихся к делу ощущений. Особенно это заметно, когда Хаюстов работает с ракетой. Если он и разговаривает, то только на своем «ракетном» языке. В те минуты он — нервный центр движения нескольких пар рук и глаз, дирижер, который в отличие от настоящего сам и руководит оркестром и исполняет труднейшее соло. Кажется, произойди рядом извержение вулкана, он даже не обернется. Потому что вулканы не по его специальности, потому что все на свете сейчас не по его специальности, кроме ракеты, которую он должен послать в цель. А потом он будет молча стоять и смотреть в небо — подзаряжать, как выражается сам, психические аккумуляторы.

Не сиделось, вернее, не стоялось на месте только командиру батареи капитану Вовтанику. Загорелый,

РАВНЕНИЕ НА ЗНАМЯ!

В КАНЬОНЕ.

скуластый, плотный, он быстрыми шагами мерил взад и вперед позицию батареи, цепляя взглядом каждую мелочь, казавшуюся ему нарушением инструкции, коротко ронял приказание и спешил дальше. Следом за ним, шаг в шаг, ходил батарейный старшина Минасян. Ветеран части, большой знаток воинских законов, он в который раз уже повторял, чтобы «нз» не распечатывали: «Без команды нельзя и вообще не положено». Минасян уважали и побаивались, был он человек крутой и дотошный, любил, чтобы все было «по форме». Отдав армии почти три десятка лет, он тем не менее на равных с другими выполнял самую тяжелую работу. Как старшина, он образцово вел батарейное хозяйство и многому мог научить молодых офицеров.

Причины нервозности Вовтанюка понять было нет-

рудно: переведенный недавно из другой части, он первый раз вел на учения эту батарею. И на сто процентов был уверен только в расчете Хаюстова. Это совсем не значило, что другие специалисты работали сегодня хуже, но они могли ошибиться в какой-нибудь мелочи, ерунде, и это было бы в порядке вещей, ибо почти невозможно учесть все. Хаюстов же делал невозможное — никогда не ошибался. Мало того, его ребята умели выполнять любую работу не только слаженно и точно, но и красиво. Будь то подготовка ракеты к старту или наряд по кухне — безразлично. Это проверено на учебно-боевых пусках, на тренировках, в повседневной военной жизни, которая главным образом состоит из повторяющихся изо дня в день дел. И по твоему умению управляться с ними судят о том, какой ты солдат и какой у тебя командир.

Хаюстов не отбирает себе ребят специально, как иногда делают другие, пытаясь выяснить у новичков уровень их теоретических знаний по физике или

математике. В ракетные войска приходят люди, в принципе достаточно подготовленные, исключения редки. К тому же способность к вычислению не всегда живет в человеке вместе с быстротой реакции, собранностью, самоконтролем и так далее. Так что, отбирай не отбирай, главное все-таки чисто человеческие качества бойца. Остальное приложится. Поэтому метод Хаюстова-воспитателя в том, чтобы помочь молодому солдату как можно быстрее почувствовать себя связанным с коллективом одной целью, обрести личную ответственность за общее дело. Хаюстов с первого дня доверяет новичку и не придирается, если у того что-то не ладится; он не мелочен, но и не спускает, если видит халтуру. Он может пять раз подряд повторить для примера одну и ту же операцию и остаться спокойным; если понадо-

РАСЧЕТ ПОЛУЧАЕТ БОЕВУЮ ЗАДАЧУ...

ПОДГОТОВКА УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ НАКАНУНЕ МАРША.

РАКЕТЧИК ДОЛЖЕН УМЕТЬ ПРЕОДОЛЕВАТЬ ПОЛОСУ ПРЕПЯТСТВИЙ НЕ ХУЖЕ СОЛДАТА ЛЮБОГО ДРУГОГО РОДА ВОЙСК.

В МУЗЕЕ БОЕВОЙ СЛАВЫ ЧАСТИ.

бится, сделает то же самое в шестой и в седьмой. Пока всем не будет все до конца ясно.

При этом он совсем не ангел и не тихоня. В нем, может быть, даже больше внутренней юношеской ярости, чем в ком-то другом. Но Хаюстов очень четко знает, когда и как нужно сказать: поигрывая словами, легко, шутя или сухо, резко, коротко. Он умеет повышать голос не хуже Минасяна, но всегда к месту, по делу, чтобы кого-то отрезвить, вернуть уверенность.

Помню, при очередной подготовке к пуску он сказал солдату, работавшему за первого номера: «Не так, пробуй еще раз». У того снова не получается. Идут секунды, идут впустую.

— Не могу,— произносит срывающимся голосом парень,— не получается.— Пот заливает ему лоб.

глаза влажные, еще немного, и он сорвется, заплачет от обиды, бессилия.

— Можешь! — крикнул Хаюстов. — Делай!

Все получилось со следующей попытки.

...Покури, стартовика от нечего делать взялись подначивать пристроившегося неподалеку от них связиста, который был придан подразделению на время учений.

— Сделай доброе дело, позвони любимой девушке в Горький, привет передай...

— Не-е, лучше на фабрику-кухню, закажи пять порций солянки в кредит...

— Зачем солянки, хаши закажи...

— Не пойму, в чем дело. — Связист положил трубку. — Утром катушки прозванивал, все было нормально, четверть часа назад «Форель» отвечала... Ребята, только без смеха, стадо никто не видел поблизости?

— Ходили тут буренки за холмом, а что?

Связист чертыхнулся, крикнул напарника и велел ему идти по проводу, пока не найдет обрыв.

— Сожрали опять, значит, — рассудительно проговорил он и полез за сигаретой.

— Кто сожрал?

— Коровы, кто же еще? Вчера два раза жрали. Метра четыре не доставлять пришлось, обмотка им по вкусу, что ли?

— ...Газы! — крикнул вдруг Вовтанюк и бросился к машине.

Белое плотное облако шапкой катилось по земле прямо на позицию батареи. Кто-то очень точно рассчитал направление ветра, облако скользнуло по поверхности озера, обволокло замшелые валуны, просочилось сквозь лабиринт скальника, рванулось на нас. Через стекла противогаза были видны контуры установки, окутанной дымом, серые фигуры людей, замерших на земле, ватман незаконченной походной стенгазеты... Все на несколько секунд утонуло в густой пелене и вновь обрисовалось во всей четкости лишь после того, как порыв ветра сдернул с нас «смертоносное» покрывало и погнало его дальше в степь. И хотя мы лежали, почти не двигаясь, лица — после того, как сняли противогазы, — у всех были мокрые. Это, конечно, очень надежная штука, но малоприятная. Я вообще не встречал человека, отосившегося к противогазу с любовью или хотя бы переносившего его спокойно. Уж на что противная вещь — морская болезнь, но и к ней можно привыкнуть, к противогазу же привыкнуть пока никому не удавалось.

Потом, когда костюмы и технику обработали спецвеществами, я услышал такой разговор между Вовтанюком и Хаюстовым.

— Я понимаю, — говорил Хаюстов, — что вы можете не знать всего, что нам предстоит сегодня, но в общих чертах вам должно быть известно главное. Например, будем ли мы выполнять боевую задачу?

— Будем. Это точно. Когда это произойдет, не знаю. Но завтра мы должны быть отсюда далеко.

— Товарищ капитан, я уже воевал на этой местности и, если нам придется готовить пуск сегодня, знаю, где он произойдет. Вернее, догадываюсь. Нам прикажут спускаться в каньон и делать это там, внизу, на самом дне.

— Каньон так каньон, наше дело — уложиться в нормативы.

— Все так, но спускаться в каньон лучше, пока светло, в сумерках техника пойдет как слепая, там поворот на повороте, дорога — почти овечья тропа, узкая, отвесная.

— Володя, я ведь не бог, а только комбат. Будем ждать.

Два часа, минувшие от момента разговора до телефонного звонка из штаба, Хаюстов и его расчет не потеряли зря. Они провели контрольную подготовку к пуску, разобрали несколько тактических задач. Старший лейтенант не нервничал перед учениями, постоянная работа на тренажерах, ночные марши, боевые пуски в самых разных условиях сделали его расчет лучшим в части, стартовика не знали оценки ниже «отлично». Но расчет еще не батарея. Достаточно какому-нибудь звену ошибиться, опоздать, пропустить команду — насмарку пойдет многочасовой труд всего подразделения. Можно оправдаться: мои-де работали нормально, виноваты другие. Но Хаюстов никогда не будет оправдываться, для него нет «других», есть его расчет, его батарея, его ракетные войска, честь которых для Владимира дороже всего. Поэтому Хаюстов не нервничает, но он беспокоится, просто беспокоится за успех дела, общего для них всех.

... — Капитана Вовтанюка к телефону! — крикнул связист.

И пока комбат бежал к щели, где был установлен аппарат, связист успел сказать Иванцову из расчета Хаюстова: «А ведь точно — связь-то коровы порвали, чтоб им подавиться тем проводом...»

Лицо Вовтанюка просветлело, как только он поднял трубку к уху, и, коротко кивая: «Есть... есть... есть», — комбат закрутил в воздухе левой рукой, что означало «заводи».

Моторы рванули воздух густым сердитым рыком, прежде чем Вовтанюк последний раз выкрикнул «есть» и положил трубку.

— Направление на юго-запад, высота 1323,5. — И Хаюстову: — Ты был прав, к каньону.

Колонна поднялась на узкую спину холма и поползла по ребрам каменных гребней. Впереди валко шла машина комбата, слева и справа — серые склоны высот, далекие снежные пики. Слышно, как дробятся под гусеницами мелкие камни, ударяя осколками в дно «пусковой». Ребята сидят тихо, думая каждый о своем. И только когда машина вдруг подпрыгивала, ударившись гусеницей в крутой камень, Иванцов или Дарьянов протяжно охали и беззлобно поругивали водителя Сашу Балахтина. А тот знай себе улыбался, помалкивал, понимая, что шутка есть шутка, без острого слова жизнь скучна, тем более что кого же тогда еще ругать, если не водителя.

Рыжеволосый, с веснушчатым добрым лицом Володя Дарьянов — один из самых молодых солдат отделения. Обладая замечательным качеством никогда не падать духом, Володя все делает с увлечением. Даже ошибается вдохновенно. Он может, к примеру, до хрипоты в голосе доказывать, что Дон — приток Волги, или рассчитывать угол наведения ракеты, взяв неправильные исходные данные, а потом убеждать, что ошибся кто угодно, только не он. Но он же может в так называемое личное время решать одну за другой задачи по наведению на цель и потом приставать к Капшаю с просьбой проверить правильность ответа. Сержант Володя Капшай для него высший авторитет (конечно, после Хаюстова). Сложилось так потому, что именно Капшай сделал из Дарьянова неплохого специалиста, хотя стоило это ему немалых физических, моральных и умственных усилий.

Несколько месяцев назад, став лучшим командиром вычислителей в части, Капшай не успокоился. Он продолжал учиться сам и учить своих ребят — Дарьянова и Иванцова — и добился того, что отделение почти в полтора раза стало перекрывать нормативы времени, отведенные на те или иные операции. Но это было ох как нелегко — держать форму и первенство, значительно труднее, чем однажды стать лучшим. Кроме того, Владимир Капшай — секретарь комсомольской организации батареи, и это отнимает у него порядком энергии. Но, может быть, именно общественная работа и не позволяла сдать позиции, когда-то взятые им, комсоргом... Учения, которые начались утром, должны были оставить за его отделением звание лучшего или определить новых победителей.

— Каньон! — крикнул Балахтин, кивая на открывшуюся внизу широкую расщелину с обломанными краями.

Каньон тянулся параллельно хребту, пропадая за соседними высотами и выныривая вновь узкой неровной линией у самой черты горизонта. Подъехав ближе, мы зачарованно прикинули к окнам, разглядывая удивительное и величественное зрелище: внизу, меж почти отвесных двухсотметровой высоты стен каньона, билась сильная река. Сверху она казалась причудливо выходящей серебряной лентой.

— У этого каньона есть легенда, — сказал Хаюстов. — Я слышал ее от пастуха, когда попал сюда впервые. — Он обернулся, желая убедиться, что все готовы слушать, и, перекрывая голосом рокот мотора, начал: — Как-то в старину княжеские охотники гнались за черным оленем редкой красоты. Раненный стрелой, олень терял последние силы, казалось, еще немного, и охотники на быстрых лошадях догонят его. Вдруг прямо перед собой олень увидел горную реку. Он оглянулся: охотники, предвкушая добычу, смеялись и натягивали тетивы луков. Решив, что лучше погибнуть в бурном потоке, чем от стрел, олень бросился в воду и поплыл.

Хаюстов неожиданно прикинул к окну и замолк.

— Ну и что же, товарищ старший лейтенант? — не выдержал паузы Иванцов.

— Тогда владыка мира сжалился над гордым зверем. Он придал ему сил и помог достигнуть противоположного берега. А перед охотниками внезапно расступилась земля, между ними и оленем открылся глубокий каньон, преодолеть который было невозможно... Прошло время, горная река упала в каньон и понеслась по нему, пробивая себе дорогу к далекому морю. После этого каньон назвали «каньоном спасения». Вот и вся легенда.

Мы некоторое время молчали, находясь под впечатлением услышанного. Потом кто-то сказал: «Да-а», а еще кто-то: «Придумают же».

— Ну и что же, что придумаю, — обиделся вдруг Дарьянов, — зато красиво — «каньон спасения».

— Внимание! — передал по радиации комбат. — Начинаем спуск.

Он повторил команду еще раз, и его голос, лишенный всяких интонаций, вернул нас к действительности.

В каньон можно было спуститься только одной дорогой. Ее пробил многие десятки лет назад, когда еще не было в помине техники вроде той, на которой

пришли сюда мы. Но все равно нам надо было спускаться.

Порядок следования колонны тот же. Впереди маячит кузов машины комбата, потом мы.

Первый поворот мы берем с ходу, нависая правой гусеницей над обрывом. Балахтин не новичок, но и он сейчас на пределе напряжения, пальцы мертвой хваткой на рычагах, губы сжаты, глаза неотрывно прощупывают каждый метр дороги. Мы идем вниз под очень острым углом. И хотя ни на секунду не допускаешь мысли, что Балахтин может ошибиться, по спине противно ползет холодок. Второй поворот Саша берет постепенно, раскручиваясь по полметра, пока не выползает носом точно в центр дороги. Вот где пригодился опыт горных маршей со всеми их неожиданностями. Не зря каждый водитель-ракетчик проходит специальную тренировку в горах и труднодоступных районах, прежде чем сесть в боевую машину. Каждый, невзирая на то, какой у него класс вождения, потому что у горных дорог свои законы и правила «уличного» движения.

Последний поворот, потом спуск, еще покруче предыдущих, да и сама дорога как бы опрокинута набок. А рядом — тридцатиметровая пустота. Балахтин давит педаль газа и рывком бросает машину вниз, прижав ее к самой стене. Камни чиркают по дверце и скокам, в кабину влетает щепень, вырванный из почвы отвесной стены. Но все это пустяки, главное — мы внизу.

— Медленно было нельзя, гравий на дороге, могло повести машину к обрыву, — словно оправдываясь, говорит Балахтин.

— С тобой можно ехать на Эльбрус и обратно, — улыбается Дарьянов.

Потом мы идем прямо по руслу реки вверх километра два-три и, наконец, останавливаемся. Вовтанюк строит батарею и командует: «К бою!» — одновременно нажимая кнопку секундомера. Такую же кнопку нажимает высокий, чуть сутуловатый подполковник из штаба. Он контролирует весь ход выполнения боевой задачи.

Я с трудом успеваю следить за ребятами Хаюстова...

Вот слетает чехол с установки, обнажая стальной остов ракеты. Многометровая, узкая, как карандаш, она ложится точно в гнездо и крепится специальными стяжками к «столу»... Движения стартовиков отработаны до автоматизма, каждый из них сейчас — сама собранность. Только по каплям пота на их лицах догадываюсь, какое напряжение испытывают ребята, как нелегко даются эта безошибочность и своеобразная пластика движений. Сотни операций, которые они выполняют, должны быть строго последовательны, предельно коротки, а контрольные показания приборов — зафиксированы с точностью до мельчайших делений. А главное, все это нужно делать быстро, максимально быстро. Потому что ракетчикам необходимо остаться не замеченными противником хотя бы до момента выстрела.

Как они не похожи сейчас на тех царственно спокойных повелителей самого грозного оружия, какими мы видим их седьмого ноября на Красной площади. Мокрые, запыленные лица, руки перепачканы маслом, ноги по колено в грязи. Только теперь приходит истинное понимание их труда, тяжелого, очень напряженного и высокого, как всякий труд, у которого благородная цель. Цель их труда — охранять покой миллионов мирных людей. Что может быть выше ее?!

Ракета в вертикальном положении, проверены системы. Но еще раньше вычислители, расставив свои приборы, начали готовить данные для пуска ракеты. Все шло как положено. И тут вдруг Иванцова отстранили от работы. Он не понял, переспросил:

— Почему, разве что-нибудь не так?

— Вы «убиты» или, если хотите, «отравлены» газом. Ваше место займет Дарьянов.

Иванцов хотел сказать, что Дарьянов не готов к этому, что он в конце концов не хочет в самую ответственную минуту выходить из строя. Но посмотрел на Капшай и ничего не сказал. Спорить с посредником не положено. И Капшай дал ему это понять, сделав соответствующее выражение лица. Только Володя Дарьянов воспринял это как должное, так, будто он не сомневался, что ему придется сегодня отдуваться за двоих. Он перешел к прибору Иванцова и молча принялся за дело.

И Володя сделал все в лучшем виде, несмотря на то, что он служил всего несколько месяцев. Он объяснил потом это присутствием в нем в ту минуту высокого напряжения, которое якобы совершает чудеса с людьми. Наверное, он прав. А может, все проще — за полгода службы Дарьянов сотни раз видел, как это делает Иванцов, и не растерялся в нужный момент.

Пальцы Хаюстова скользнули к кнопке «выстрел»...

Мы лежали в укрытии за каменным завалом, и Иванцов произнес:

— Каньон спасения.

— Каньон атаки! — поправил его Капшай.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Она закурила папиросу, вторую с тех пор, как сошла с поезда. Стоя на лестнице подле своей квартиры, вдруг почувствовала холодок в груди, словно перед прыжком с большой высоты.

На лестничной клетке было темно, но она разглядела дверь, обитую дерматином, и притронулась к холодной кнопке звонка. И тут же отдернула руку. Нет. У нее ведь есть ключ.

Едва слышно щелкнул замок, и дверь распахнулась. Она на цыпочках прошла по коридору к кабинету отца. Дверь в кабинет была приоткрыта, оттуда доносилось приглушенное покашливание, шарканье ног, шуршание бумаги.

Вероника неслышно прошла по ковровой дорожке в глубь кабинета и остановилась за спиной сутулого, узкоплечего человека в мягком просторном халате.

Человек обернулся на шорох и вскрикнул:

— Вероника!

— Папка,— ответила она негромким шепотом.

Худой, тонкой рукой он поворошил волосы дочери.

— Телеграф в дороге не работал, правда?

— Правда.

Вероника прижалась к его плечу.

— Ты совсем... вернулась?

— Совсем...

И, как бы скрывая свое смущение, Вероника тут же спросила:

— Ты много работал?

— Не больше тебя.

— Там было трудно. Я однажды заблудилась в степи...

— Конечно. Там всегда трудно...

— А ты откуда знаешь?— снова улыбнулась она.

— У меня тоже была юность...

— А я думала, ты всегда был старым.

— Ника, нужно что-то выпить. Так полагается.

— Я хочу смотреть Москву,— негромко попросила Вероника.

— Сейчас?

Она кивнула. Он набрал номер телефона и сказал адрес.

Такси вынесло их на Садовое кольцо. Ночная Москва стремительно надвигалась десятками неоновых реклам. Знаменитая магистраль столицы лежала выпуклая, как поднятая дыханием грудь. Вероника открыла боковое окошко и поймала ветер. Он взъерошил волосы и, стиснутый мягкими стенками, забился в полотняных складках чехлов, словно в капкане. Она тихо и счастливо рассмеялась и тронула шофера за плечо:

— Пожалуйста, по Арбату...

Они сидели в полумраке машины, и теплый свет улиц на мгновения заглядывал к ним, разбрасывая по стенкам блики, и убежал назад, назад.

Москва затухала, как огромный факел. Все меньше огней становилось на улицах, угасал ливень вольтовых дуг, и одинокие трамваи спешили домой.

Шофер свернул в незнакомый узкий переулок. Дома здесь были старые, штукатурка с них поосыпалась, и в свете фар стены, покрытые цементными лишаями, казались неизлечимо большими.

— Время потрудились,— сказал отец,— а они ведь мои ровесники.

Он покачал головой, переживая какое-то воспоминание.

— Дома не бывают седыми, а ты седой,— рассмеялась Вероника.

Он улыбнулся и пригладил волосы. Вероника вглядывалась в редкие огоньки над подворотнями, пытаясь прочесть название переулка.

— По Москве можно ездить целые сутки и находить новое. Никогда не была здесь,— прошептала она, близко наклоняясь к его плечу.

— А там?

— Там нет такси, там нет еще улиц,— ее дыхание снова коснулось его уха,— там меня спрашивали, как их называть, когда они будут.

— И ты называла?

— Конечно.

— Счастливая.

Он искоса посмотрел на нее и успел заметить, как дрогнул ее подбородок.

Вероника уснула в машине, положив отцу голову на плечо, и Колыбельников попросил шофера ехать тише. Шофер, пожилой угрюмоватый на вид человек, осторожно спросил:

— Дочь?

Колыбельников едва заметно кивнул.

— Домой поедете?

— Нет. Пожалуйста, по кольцу.

— Набежит...

— Ничего.

Антон Александрович смотрел на дочь и думал о жене. Они были похожи. Похожи во всем. И он вспомнил, как шестнадцать лет назад его Лида вот так же спала у него на плече в машине. Над землей клубилась беспокойная военная ночь, госпиталь срочно эвакуировался. Стоял душный июль. Фашисты бомбили дороги ночью, ориентируясь на ракеты диверсантов. Этот ослепительный белый свет был страшен: он раздвигал дорогу донга, высвечивал дрожание под ветром травинки. Потом свист бомб и глухие удары. Врачи оставались в машинах с тяжелоранеными. А Лида спала у него на плече. Война не исключала переутрачивания.

Колыбельников вздрогнул и открыл глаза. Москва текла мимо, сонная, тихая.

Утреннее солнце тяжело поднималось, задавленное громадами домов, и когда золотые нити протянулись в комнату Вероники, был уже час рабочей побудки. Вероника лежала с открытыми глазами и слушала забытую музыку родной улицы. Это была несложная мелодия, в которой приглушенное урчание моторов перекликалось с ручейковым говором сотен людей.

Тень от оконной рамы крестом падала на пол. Солнце поднималось все выше,— и крест передвигался по комнате. Вероника встала и распахнула обе створки окна.

За окном урчали голуби. Домохозяйки выносили на балконы бледные от пыли ковры, дворники скребли метлами асфальт и привычно ругали голубей за беспорядок.

По улице прошел пожилой человек с кислородной подушкой. Пробежал мальчишка, волоча за спиной длинную цветную ленту.

Вероника отошла от окна к дверям, распахнутым в коридор, и еще раз оглядела свое жилище. Комната походила на сундук, до отказа набитый старым добром. Посредине стояла огромная двухспальная тахта— «слон». Она была покрыта концом такого же огромного, дотянувшегося до самого потолка штучного ковра. Возле «слона» приютился маленький дамский письменный столик карельской березы, раскошавшийся, скрипучий.

«Это уж точно— тут жила тетушка Капитолина,— подумала Вероника, трогая закрытые на замок дверцы шкафа.— Куда же она мои книги переложила?»

Тетка Капитолина, сестра отца, поселилась в комнате Вероники сразу же после ее отъезда. Мебель она привезла со старой квартиры из Замоскворечья и порядки в доме завела свои. Отец рассказывал в письмах, что в доме появилось много красивых вещей и теперь негде сплестись гопачка.

Веронике не удивляло обилие ненужных вещей: она знала тетю Капу и всегда относилась к ней снисходительно. Только поразалась, как отец разрешил все это. Он не терпел безделушек и обитых шелком кресел. Вероника представила себе, как он равнодушно взирал на нашествие всех этих ковриков, пуфиков, и подумала, что Антон Александрович постарел... И дом как-то обветшал за это время, двор зарос акациями, только разжиревшие московские голуби по-прежнему прогуливались по карнизам.

Вероника ходила по квартире, как гостя, заглядывая в белую ванную с кафельными стенами, зажигала и тушила газ и, наконец, добралась до телефона. Он висел на стене в коридоре.

Потекли обычные отпускные дни. Сначала звонила она. Потом стали звонить ей.

Почти все ее однокурсники работали в Москве. Они радовались ее приезду и наперебой приглашали в гости. Все задавали один и тот же вопрос: «Ну, как там?» Это «там» звучало так, словно она побывала в подземном царстве. «Там хорошо»,— отвечала Вероника, и тогда следовал другой вопрос: «Ты будешь работать в клинике отца?» «Не знаю, еще не решила». «Ты оперировала сама?» «Конечно». «Любила кого-нибудь?» «Всех,— со смехом отвечала она и, делая ударение на первом слове, добавляла:— Там, между прочим, живут чудесные, добрые люди».

На другом конце провода пожимали плечами— Вероника чувствовала это— и после долгой паузы бормотали: «Так ты приедешь?» «Приеду»,— обещала Вероника.

Она и в самом деле отправилась к Тонюшке Варгиной, с которой когда-то училась в одной школе, а потом в медицинском. Ее звали Тонюшкой за добрый и мягкий характер. Да и сама она была пухлая, мягкая и выглядела всегда старше своих лет. Сразу после окончания института вышла замуж за военного, слушателя академии. Раньше Варгина жила на одной улице с Вероникой, теперь нужно было долго ехать на метро в другой конец Москвы.

Тонюшка сама открыла дверь. Вероника ахнула: подруга стала еще шире, солиднее.

Они расцеловались. Тонюшка положила на плечи Вероники свои мягкие руки. Она посмотрела в загорелое твердое лицо подруги, и по щекам ее катились слезы.

— Викушка, Викушка-фигушка,— бормотала она забытую кличку и давила на плечи руками, словно хотела Вероникой проломить блестящий паркетный пол прихожей.

— Как ты живешь?— спросила Вероника, вытирая со щеки Тонюшкины слезы.

— Хорошо, у нас три комнаты, и живем без родителей.

Бархатная драпировка и ковры скрывали стены. В массивном немецком серванте светился хрусталь. В каждой его грани бился пойманный кусочек солнца, и от этого он казался живым и теплым.

В комнатах было уютно. Наверное, люди приложили немало усилий, чтобы расставить мебель и вещи удобно и красиво.

— Игорь сейчас придет,— сказала Тонюшка,— а мы пока ананас разделаем.

Тонюшка вдруг заметалась по комнате.

— Хочешь, я магнитофон включу, сестер Андерс послушаем. Или вот альбом, Игорь долго служил за границей.

Вероника смотрела альбом с открытками и фотографиями, слушала сестер Андерс и мучительно думала: «На кого же стала походить Тонюшка?» Она кого-то сильно напоминала ей, но Вероника никак не могла вспомнить, кого.

Тонюшка вошла и, вздохнув, присела на край тахты. Ей тяжело было носить себя.

Вероника отложила альбом и выключила магнитофон.

— Ну, как ты?— спросила она, глядя в лицо подруги.

— Как видишь...— Тонюшка вдруг смилка.— Не работаю. Два года скальпеля не держала. Сама знаешь, что это такое... для хирурга...

— А он?

— Он хороший, скоро подполковника получит. А работать не разрешает. Не любит, когда в доме пахнет больницей.

Тонюшка мало изменилась, но все же появилась в ней какая-то нежность, доверчивая откровенность и еще что-то, что делало ее похожей, конечно же, на тетушку Капитолину. И оттого, что подруга напомнила ей добрую тетушку Капу, Вероника сделалось грустно.

Тонюшка все говорила, говорила. Она жаловалась на скуку и московскую жару.

Из прихожей позвал телефон. Тонюшка вышла. Вероника положила на язык кусочек холодного ананаса и включила магнитофон. Хорошо вот так сидеть и ждать мужа, хлопотать на кухне и мечтать о том времени, когда можно будет приобрести дачу и не сидеть все лето в душной Москве.

...Это было совсем недавно, месяц-полтора назад. Молодую женщину привезли поздно ночью. У нее начались преддрозовые схватки. Проливной дождь вползал в медпункт темными холодными змейками. Вероника попросила больных перейти в другую палату. С ней осталась лишь рыжая Тоська. И тут выяснилось страшное: ребенок лежал поперец. Роженица потеряла сознание. Вероника действовала быстро и собранно. У нее не было времени волноваться. Она запомнила только голос за брезентовой стенкой:

— Зоя, почему ты не кричишь?

Голос звучал, как метроном, через каждые две минуты, потом он перешел в крик:

— Зойка, кричи! Зойка-а!

Этот юный, мальчишеский голос ободрял Веронику. Тишина была бы страшна для нее. Когда ребенок заплакал, Вероника услышала за стеной хриплый шепот:

— Зойка, Зойка!
Она поняла, что все это время под проливным дождем стоял он, отец этого крупного крикливого младенца.

Рыжая Тоська умело запеленала мальчика, подула ему в личико, и он умолк. Она вышла из палатки, и Вероника услышала, как Тоська сказала отцу ребенка:

— Чего ты орал, Барсуков?
— Так ведь...
— Медведи вы все. Чуть что, так реветь на всю степь. Иди спать. Придешь днем.
— Мне пахать с утра. Покажи, Тоська. Покажи. Я тебе... Я тебе термос китайский подарю.
— Ну и дурной же ты, Барсуков. И за что тебя Зойка любит? Ладно, заходи. Только сапожки свои здесь оставь.

Огромный, плечистый, перепачканный соляжкой Барсуков на цыпочках вошел в палатку и замер у входа. Тоська ткнула его кулаком под бок и что-то шепнула.

— Здравствуйте,— просипел Барсуков.
Вероника кивнула и показала на крайнюю раскладушку. Она видела широкую склоненную спину тракториста и удивлялась, как долго можно стоять в такой неудобной позе. Сама она ощущала боль во всех мышцах. Наконец, Барсуков оторвался от кровати и, судорожно глотнув воздух, босиком стремительно выскочил из палатки.

Тоська качнула головой, выставила сапоги в клапан палатки, пробормотала:
— Термос китайский...

Она поцеловала Веронику в щеку и твердо сказала:
— Я тоже доктором буду...

Вероника вспомнила все это с такой ясностью, как будто только что покинула операционную. Вернулась Тонюшка.

— Звонят, звонят, а чего звонят?— сказала она, зевая.
— Как фамилия твоего мужа?— вдруг спросила Вероника.
— Шорыгин Игорь Алексеевич,— олешиш, растерянно проговорила Тонюшка.
— Красиво... А помнишь,— оживилась Вероника,— «Клянись богами и богинями, беря их в свидетели, что нигде и никогда... нигде и никогда не оставлю больного без помощи... и, куда бы ни забросила меня судьба, буду вести чисто и непорочно свою жизнь и свое искусство».

— Клятва Гиппократова,— удивилась Тонюшка,— мы учили ее всем курсом, как таблицу умножения.

— Мы все много и красиво говорим в юности. А потом забываем эти красивые слова...— неожиданно сухо ответила Вероника.

— Ты вот помнишь,— с грустью произнесла Тонюшка.
— Я знала клятву с детства, от отца... Он читал мне ее наизусть вместо сказок.

Тонюшка смикла, виновато взглянула в глаза подруги:
— Не все же могут быть героями, Ника. Есть ведь просто рядовые люди...

— Ты знаешь, они зовут меня обратно. Вчера получила письмо... Кто-то не приехал там вместо меня. Зато привезли рентгеновский аппарат, и он стоит прямо на улице под брезентом. Никто не знает, что с ним делать.

Вероника встала, тяжело оперлась о край стола.
— Устала я что-то. Пора домой...

Она быстро оделась. Тонюшка ее не задерживала, все так же грустно и виновато смотрела в глаза подруги.

— Все хорошо...— Вероника чмокнула Тонюшку в мягкую щеку и, не оглядываясь, зашла по лестнице вниз.

Воспоминания уже не оставляли ее. В переполненном и душном вагоне метро Вероника вновь переживала свою первую встречу со степью. Она сошла под вечер на незнакомой маленькой станции. Умытый дождем перрончик был пуст. Холодный, затоптанный огонь листьев метался на путях. Вероника задержалась на подножке и окинула взглядом станцию и степь за ней. Ее должны были встретить, но на перроне было тихо и пустынно. Вероника сняла туфли и пошла по путям. Мокрые теплые шпалы грели босые ноги. Давно, пожалуй, с самого детства, не ходила она вот так.

Дорога в совхоз вела через ковыльную степь. Вероника обулась и зашагала по ухабам, то и дело оскальзываясь в раскисших краях глинистой колеи.

В степи после дождя было тихо и солнечно. Серебряно светился ковыль. Вероника, завороченная увиденным, сошла с дороги и побрела по колени в мягком, легком, как пух, серебре, смущенно трогая его руками, как бы пытаясь понять, отчего это так... Узенькая тропка вела все дальше и дальше и вскоре нырнула в гущу дрожащего от ветра желтого океана. Шершавые литые кисти пшеницы царапали руки. Вероника остановилась, поймав один из колосков, легонько сдавила его. И тотчас в ладонь брызнуло твердое, похожее на крупинки золота зерно. Вероника сжала пальцы в кулак и долго не решалась бросить на землю маленькие горячие золотинки.

...Она так и не выбросила хлеб. И теперь, идя от метро к дому, с удивлением обнаружила обкатанные крупинки в кармане старого плаща. И долго рассматривала их. Потом уронила зерно под ноги и вдруг увидела, каким жалким и беспомощным выглядело оно на черном, лоснящемся от дождя асфальте.

«Им никогда не прорасти здесь»,— подумала она, усмехнулась, поймав себя на мысли, что, выбрасывая зерна, хотела избавиться от воспоминаний.

Улица пахла разломленным арбузом. Так пахла когда-то степь, только сильнее и чище.

Вероника наклонилась и собрала с асфальта зерна. Она с удивлением ощутила в себе чувство, похожее на легкую досаду. Ей вдруг захотелось пережить все сначала. И она опустила на первую попавшуюся скамейку, закрыла глаза и увидела себя на криво сколоченной табуретке в белом халате поверх ватника. Больные лежат на раскладушках по углам просторной палатки. Вокруг голое поле и такие же палатки. Их много. В каждой своя жизнь. Свои беды и свои радости. Вечером свободные от пахоты парни и девушки собираются на невысоком кургане и поют песни.

Тяжелобольной директор совхоза Сечин лежит у себя в низком саманном домике с земляным полом. У него острые головные боли и потеря речи. Больного срочно нужно везти в районную больницу за триста километров. Но как его в таком состоянии повезешь?..

В двери барабанит дождь. От земли тянет сыростью. Маленькая печурка чадит. Сечин лежит бледный, скрытый болью, и, не мигая, смотрит на Веронику. Она по глазам видит, что он хочет что-то ей сказать. Директор жестом просит карандаш и бумагу. Большими, неловкими буквами пишет: «Не волнуйтесь».

Вероника перебрала все, что знала о подобных случаях, но диагноз поставить не могла. Ее угнетала собственная беспомощность. На третий день Сечин заговорил и сразу успокоил ее. Это был один из припадков, периодически повторяющихся после тяжелой контузии. Вероника знала, что у него в далеком большом городе остались семья, родной завод, товарищи. И, наконец, врач, который знал, как бороться с этими страшными болями. Зачем же он, зная о своей болезни, приехал сюда, где первый деревянный дом находится за двести километров? Она не удержалась и спросила об этом. Сечин долго испытующе смотрел на нее и, не отвечая на вопрос, спросил сам:

— Вы ведь живете ожиданием встречи с Москвой?
Вероника посмотрела в глаза Сечина и тихо сказала:

— Да.
— Вы уедете,— скорбно сказал он,— и так многие.
— Я уеду домой.

— А что такое дом?— спросил, усмехнувшись, Сечин.
— Это место, где я росла, жила, училась.

— Это дом прошлого. Знаете, Вероника Антоновна, самые ценные, самые настоящие вещи люди делают сегодня здесь, на пустых огромных землях, в заболоченной комариной тайге. А там, куда вы собираетесь ехать, все давно сделано. Я всегда завидовал русским первооткрывателям, таким, как Дежнев, Бегичев, Хабаров, Арсеньев. Мы с вами шагаем по их следам и города называем их именами. Представьте себе, через десять лет к нам в совхоз, а может быть, и город приедут новые люди. Они будут спать в гостинице на том самом месте, где мы с вами сейчас разговариваем. Не верите?

— Почему же, верю. Только это ведь будет не скоро.
Сечин закрыл глаза, и она испугалась, что он опять потеряет сознание. Но Сечин тихо сказал:

— А вы учились и думали, что будущее откроется вам, как занавес в театре. И жизнь пойдет, как в современных пьесах. А тут неустроенность, слякоть, дом брезентовый и больные старики вроде меня.

— Я так не думаю.
— Думаете. И я вас прошу никому не говорить о моей болезни. Меня отправят отсюда немедленно. А я не хочу этого. Мне здесь хорошо.

Улица просохла. Фонари, словно бусы, нанизанные на туго натянутую нить, уходили в глубину проспекта. Где-то взвизгнула сирена «Скорой помощи». Она кольнула сердце. Вероника поднялась и неловким оцепеневшим шагом пересекла улицу.

Дома было тихо и пусто. В кабинете отца старинные венгерские часы прозвонили шесть раз. Вероника обошла все комнаты, трогая вещи, обнимая шкафы и шкафики, посидевшая на пуфиках и диванах. Она сложила ладони рук рупором и громко крикнула: «Ау-у!» Эхо погасило ковры.

— Ничего, ничего, все правильно,— пробормотала Вероника и толкнула дверь в комнату матери.

Здесь все осталось по-старому. Тетка Капитолина здесь отступила. Она только снесла сюда все книги из комнаты Вероники, и теперь они лежали на полу, как рассыпанный псыанс. Застекленные стеллажи делали комнату похожей на огромный аквариум. Ни портретов, ни ковров, ни слоников. Письменный стол и шкаф. Два жестких стула, кушетка у свободной стенки. Два кувшина с засохшими цветами. Осколок авиабомбы на столе.

Вероника со дня смерти матери чувствовала тяжесть этого осколка. Он причинял ей боль, когда она смотрела на него. Она слышала резкий свист и тысячу раз представляла его себе в полете, раскаленный, с острыми рваными краями, тяжелый кусок железа. В ее сознании он летел, как в замедленном кино. И всякий раз, когда он приближался к матери, она останавливала его и отводила в сторону...

Вероника открыла шкаф. За долгие годы пыль толстым слоем опушила старые, ненужные вещи— жакеты, исцарапанные, со сбитыми углами чемоданы, бочонок из-под вина, кожаное вытертое полупальто, горку поношенной обуви, рюкзак...

В одном из чемоданов она сразу наткнулась на толстый, давно забытый фотоальбом. Вероника полистала его, вглядываясь в пожелтевшие фотографии. И вдруг увидела мать и отца вместе— молодые, в небрежно брошенных на плечи ватниках, они стояли у допотопного «фордика».

Вероника бережно отложила альбом и взялась за туго перетянутые бечевой бумажные свертки. На них были надписи, сделанные красным маркером: «Первый двубортный костюм Антона», «Мое свадебное платье», «Викины ползунки», «Комбинезон бетонщика Колыбельникова».

Вероника читала надписи на свертках, не разворачивая их.

«Боже мой,— думала она,— а ведь я плачу. Какие они были хорошие... Сколько сделали они на земле! Магнитка, «Уралмаш»... Там надо искать их следы... А вот лежат мои ползунки, сшитые из непромокаемого брезента,— значит, и я, маленькая Вика, вдыхала пропахший бензином воздух строительства, и я слышала грохот машин и шорох застывающего бетона».

Вероника сложила свертки в чемодан и, забыв вытереть пыль, закрыла шкаф, прилегла на кушетку. Что-то поблекло в радости возвращения. Все неясное беспокойство, странная пустота последних дней стали остро осязаемыми, давящими. Она опять вспомнила рыжую Тоську и ясно представила себе ее, маленькую, с задиристыми косичками, со смешными кустистыми бровями над круглыми, всегда удивленными глазами. «Я тоже буду доктором...»

В комнату натекли сумерки. Вероника лежала без сна, с открытыми глазами, слушая глухой шум города и думая о том, что было с ней совсем недавно, неделю назад.

Ее провожали до кургана всем совхозом. Барсуков нес чемоданы. Он был сильный, этот парень, болгарские пестрые чемоданы в его руках казались двумя плоскими смешными черепахами. Тоська шла сбоку, то и дело прикладывая к глазам уголок косынки.

Сечин, прихрамывая, шел впереди. Он всегда шел впереди всех, словно прощупывая дорогу, словно проверяя собой ее прочность и безопасность.

На кургане все остановилось.
Сечин первый подошел к ней.

— Прощайте, Вероника Антоновна. Много вы добра сделали людям, и за это вам спасибо. А степь... она еще позовет вас.

В просторной кабине «Зилла» над ветровым стеклом висела мандолина. Шофер, знакомый парень из совхоза, сосредоточенно крутил баранку.

Они долго ехали по широкому пыльному проселку. Степь была очень большая и очень тихая. Иногда Веронике казалось, что она не едет, а плывет по серому ковыльному морю. Круглое красное солнце пряталось от машины за край горизонта. Его затягивало вечерней пеленой, воздух густел, и оставшаяся часть солнца, похожая на соломенную шляпу китайского рыбака, блекла и из ярко-красной превращалась в фиолетовую.

Вероника чувствовала, что водитель осуждает ее отъезд и поэтому молчит.

— Хотите, я вам пришлю из Москвы ноты для мандолины?— неожиданно для себя сказала она.

Парень покосился на нее, добродушно пробормотал:
— Пришлите, коли не забудете.

— Я не забуду,— обрадовалась Вероника,— я пришлю обязательно.

— В совхоз «Тургайский», Семакину,— назвал ее он.

...В коридоре мягко стукнула дверь. Одиночество растворилось в сумерках. Вошел отец. Он долго стоял, прислушиваясь к ее дыханию, потом присел на край тахты. Где-то сонно ворчала вода.

— Тебе сколько лет?— спросила Вероника.

— Сто,— шуточно ответил он. И добавил:— Это не важно для науки.

— А для жизни?

— Это не важно для жизни в науке.

— Ты хитрый.

Они тихо рассмеялись.

— А помнишь, я была маленькой и жила в Магнитогорске. И мне в день рождения подарили ползунки из брезента...

Его рука дрогнула.

— Помню.

— А помнишь, как я болела скарлатиной и меня долго везли на машине в больницу?

— Это тебе рассказывала мама?... У нас там был переносный домик, куда мы бегали в морозы греться. А жила в нем старая казашка. У нее всегда был полный казан горячего, крепкого чая. Когда мы уходили дальше, мы брали домик с собой. И казашку тоже. Очень любили мы этот чай. Я потом никогда не пил такой. Знаменитая старуха была. Померла, должно быть, сколько лет прошло.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Свет от машинных фар скользнул по комнате, сломался о стекла стеллажей и пропал.
— Скажи, а вы с мамой были до конца строительства и видели, как запаливали первую домну?

— «Запаливали»,— усмехнулся он.— Домны не запаливают, а задувают. Вика, Вика... Это был самый большой праздник мой, и Лидин, и всех других, кто приложил там свои руки. Я ношу его в себе всю жизнь...

— Скажи, я похожа на маму?

Она почувствовала, как он пытался в полутьме комнаты рассмотреть ее. Потом его худые пальцы коснулись ее щек, лба, подбородка.

— Очень похожа,— услышала она словно издали чужой вздрагивающий голос.

— Во всем?— жестко спросила она.

Он помолчал. Тяжело поднялся и отошел к окну.

— Она была самой доброй и самой честной. И ее всегда где-нибудь ждали... такой она была.

Голос отца стал глуше...

— Она никогда не думала о себе. Когда налетели «юнгерсы», она оперировала сердце. Покинуть раненого на столе значило убить его. И она осталась... Такой была она...

Отец провожал Веронику до поезда. Они приехали рано. Посадка еще не была объявлена, и в здании вокзала стоял смутный гул, как в гигантской раковине моря. Иногда вспыхивала гармоника и тут же гасла, словно стыдилась великого многолюдья.

Наконец объявили посадку. Толпа хлынула на асфальтированный перрончик. Узкий, стиснутый с двух сторон путями, он не вместил ее сразу, и она вытянулась в длинную плотную волну и покатила вперед, захлестывая подножки, тамбуры, обтекая фонарные тумбы. На гребне волны, над головами плыли тяжелые сундуки, громадные плетеные корзины с железными замками, мелькали невероятных размеров, обитые голубой и зеленой клеенкой чемоданы.

У первых вагонов гремел оркестр, колыхались плакаты— провожали большой молодежный отряд. Кудрявый веселый парнишка, посаженный десятками рук, выводил на тендере паровоза мелом: «Нам нет преград».

Машинист, такой же молодой черноволосый парень, беззлобно грозил кудрявому кулаком из будки и смеялся, оглядывая бушующую толпу провожающих. Ему, видимо, нравилось, что его поезд провожают вот так, с песнями и оркестром.

Антон Александрович нес один из плоских болгарских чемоданов и небольшой, вытертый до желтизны кожаный баульчик и, как показалось Веронике, с удовольствием подставлял себя под толчки снующих вокруг людей.

Проводник, пожилой остролицый человек в форменном кителе, глянув на билет, добродушно спросил:

— По путевке, что ли?

— По собственному желанию,— улыбнулась Вероника.

— Тоже бывает,— согласился проводник,— ваше место четырнадцатое, проходите.— И подмигнул Антону Александровичу:— Гвоздики... Сами себя в дело заколачивают.

Колыбельников, соглашаясь с проводником, пробормотал что-то и протянул дочери кожаный баульчик.

— Это мой набор хирургических инструментов. Не потеряй. Ему тридцать лет. Я купил его еще студентом.— Он грустно покачал головой.

— Спасибо.

Они помолчали.

— Ты иди в вагон. Так будет лучше,— сказал он и, склонив голову, поцеловал Веронику в самую переносицу, туда, где сходились густые, удивленно взлетевшие брови.

— Иди, доча,— тихо попросил Колыбельников,— иди уж...

Она вздрогнула от этого забытого с детства слова и вдруг поняла, как же трудно и больно отцу. Вероника живо представила его себе одиноко сидящим в старом вольтеровском кресле, представила пустоту комнат за его спиной и горько и беззвучно заплакала.

— Гвоздики...— пробормотал проводник и отвернулся.

Поезд тронулся неслышно. И пока он покидал станцию, Вероника все видела седую, высоко поднятую голову отца и его руку с белым вздрагивающим платком.

Потом поезд, простучав на стыках, вырвался в мир солнца и гулких, тронутых осенним золотом просторов, и Вероника закурила папиросу, третью после возвращения.

В ПОИСКАХ ФРЕСКИ ЛЕОНАРДО

Ценители искусства эпохи Возрождения могут надеяться, что скоро будет обнаружено еще одно знаменитое произведение Леонардо да Винчи — большая фреска «Битва при Ангиари». Фреска, как полагают, находится в флорентийском Палаццо Веккио. «Мы убеждены, что найдем ее на одной закрытой стене», — заявил доцент истории искусств Калифорнийского университета Карло Педретти, который руководит работой поисковой группы. По его мнению, фреска, которая исчезла четыре века назад, имеет такую же художественную и историческую ценность, как и знаменитая «Тайная вечеря». Леонардо начал работу над ней в 1503 году в честь победы флорентийских войск. Сохранившийся эскиз показывает, что на фреске изображены бой кавалеристов. Предполагаемые размеры изображения — четыре на восемь метров.

По неизвестным причинам рабо-

та не была окончена. Но в свое время она получила широкую известность и считалась одним из самых выдающихся произведений. Однако в 1563 году архитектор и художник Джорджо Вазари по заказу герцога Тосканского перестроил зал дворца, где находилась фреска. Перед стеной с фреской Леонардо он поставил новую стену, которую потом сам расписал и украсил. Искусствоведы убеждены, что фреска Леонардо не может быть сильно повреждена, ибо

Вазари оставил между двумя стенами воздушный промежуток. Открыть фреску будет нелегко, ибо надо сохранить, разумеется, и стену с росписью Вазари. Но сначала следует убедиться, что эта фреска действительно существует. Окончательное решение будет принято после исследования стены специальным прибором. Этот прибор был недавно отправлен из США во Флоренцию.

«ПАНОРАМА», ИТАЛИЯ

РИСУНКИ ИСЧЕЗНУВШЕГО НАРОДА

Несколько лет в горах близ итальянского городка Капо ди Понте продолжаются исследования, в ходе которых уже обнаружено более 130 тысяч наскальных рисунков. Эти рисунки повествуют о загадочном народе, жившем здесь еще в пятом тысячелетии до нашей эры. Исследованиями руководит крупный специалист в этой области Эммануэль Анати, который отметил, что в Европе еще не было аналогичных подробных свидетельств жизни древнего народа. По мнению Анати, этот народ является потомком обитателей Центральной Европы времен палеолита и пришел сюда, в горы, в конце ледниковой эпохи. Согласно сведениям, полученным при анализе рисунков, эти люди оставались здесь вплоть до XVI века до нашей эры, когда сюда проникли римские легионы, которые после жестокой борьбы истребили их.

ДОРОГИ ИЗ ДЕРЕВА

Жители Сомерсет Левелс в Восточной Англии не удивляются, когда их лопаты или кирки наталкиваются на нагромождение кусков дерева, однако никому еще не удавалось объяснить, для чего служил этот деревянный материал, зарытый на небольшой глубине торфянистых болот. Лишь недавно английские археологи провели раскопки в болотах и обнаружили дороги из дерева, построенные в неолитическую эпоху.

Первую дорогу из дерева, сооруженную более 4 тысяч лет назад, открыла группа ученых Кембриджского университета, возглавляемая доктором Джоном М. Колумом. Длина дороги оказалась равной 20 тысячам метров. Затем была обнаружена вторая дорога, расположенная севернее первой и параллельная ей. Она сооружалась иным способом, чем первая. Четыре слоя из поленьев и веток ясеня и березы, накладываемых один на другой, достигли общей толщины в 45 сантиметров.

Последнее открытие — самое интересное. Это дорога, построенная в четвертом тысячелетии до нашей эры и названная

«Свит Трек». Сооружалась она опять-таки отличным от прежних способом. В землю врывались на расстоянии трех метров друг от друга столбы. По линии этих столбов прямо на поверхность торфа помещались впритык продольные куски дерева. А на них клался деревянный настил, закрепляемый с помощью деревянных колышков, которые вбивали в торф.

Открытия в Восточной Англии выявили существование неизвестной цивилизации, названной английскими археологами цивилизацией «эпохи дерева».

«СЬЯНС Э АВЕНИР», ФРАНЦИЯ

НЕРАВЕНСТВО ПЕРЕД ЗАКОНОМ

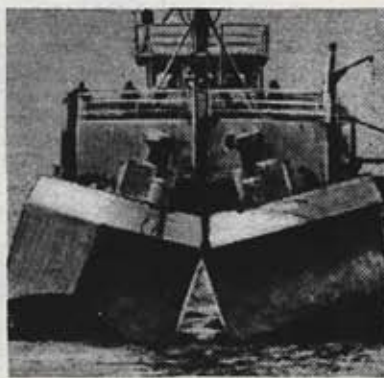
Сирийская печать с гневом пишет о неравенстве перед законом в государстве Израиль еврейских граждан и палестинских беженцев.

«Для вас нет места в Палестине» — такова подпись к фото. Неизвестный палестинец и его дети, убегающие от израильских оккупантов, присоединятся к полумиллиону беженцев, ожидающих возвращения домой, в Палестину, вот уже четверть века.

«ФЛЕШ», СИРИЯ

СУДА, КОТОРЫЕ РАЗЛАМЫВАЮТСЯ НАДВОЕ

Оригинальные суда можно увидеть сейчас на реках ФРГ. На них нет ни транспортеров, ни каких-либо других разгрузочных приспособлений. В нужный момент под действием гидравлических рычагов судно «разламывается» надвое, и весь груз вываливается на дно реки или озера. 250 кубических метров земли, например, выгружают всего лишь за 40 секунд. Система обслуживается одним человеком прямо из капитанской рубки. Секрет конструкции в том, что половинки корпуса имеют герметические отделения, благодаря которым они не теряют плавуче-

сти. А в закрытом положении половинки соединяются настолько плотно, что на судне можно перевозить жидкие грузы, например, отходы химической промышленности, илстую почву, извлеченную землечерпалками. Производство речных судов необычной конструкции освоено на верфи «Дагендорф». Предназначаются суда-«самосвалы» для строительства водохранилищ, дамб и других гидротехнических сооружений.

«НАУКА И ТЕХНИКА», БОЛГАРИЯ

САМАЯ СТРАННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Чарльз Дэвис обладает одной из самых необычных коллекций в мире: у него есть альбом, в котором хранятся... волосы слонов.

Но поскольку, как известно, волос у этих гигантов совсем немного, то расширение коллекции требует титанических усилий. Дэвис, живущий в Хартфорде, штат Коннектикут, не раз уже объяснял, как пришел он к столь странному хобби: «Слоны все-

гда волновали и привлекали меня. Я начал с составления каталога книг, посвященных этим замечательным животным, а потом собрал несколько сувениров, связанных со слонами, выступающими или выступавшими в цирках. Позже я пришел к мысли еще более расширить мое увлечение. Должен, кстати, попутно заметить, что обычно владельцы и дрессировщики слонов — люди чрезвычайно щедрые».

Но вот сами слоны не столь добры. Им вовсе не нравится, когда кто-то вырывает их совсем немногочислен-

ные волосы, растущие пучком на хвосте.

Дэвис хранит каждый волос, похищенный у слона, в отдельном конверте, рядом с фотографией того животного, которому принадлежал прежде этот необычный сувенир.

Сейчас в этой ни на что не похожей коллекции более пятисот единиц. Создается впечатление, что однажды наступит такой день, когда Дэвис сможет заполнить собранными экспонатами весьма вместительный хобот слона.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

Рисунки рассказывают, что первые жители этих гор были наделены большой физической силой, были хорошими охотниками и рыбаками. На охоте и в войнах они пользовались луком и стрелами, копьями, мечами и, что весьма любопытно, бумерангом. Свою одежду они изготавливали из звериных шкур, шерсти и растительных волокон. Жили они небольшими группами по 20—30 человек. Каждая группа сама строила себе дом со многими помещениями и укрытиями для скота. Невозможно определить, на каком языке говорили эти люди. Ученые, однако, установили, что в последнее столетие своего существования они пользовались этрусским алфавитом, в который внесли ряд изменений.

Все эти 130 тысяч наскальных рисунков сфотографированы и каталогизированы, что позволило выяснить множество сведений о жизни древнего народа. Ученые продолжают внимательно изучать этот объемистый и необычайно ценный материал.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

МАРТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

ОТПУСК, ЩЕКОЧУЩИЙ НЕРВЫ

Жители гималайской деревни Таркуркат пришли к выводу: все 15 членов группы западногерманских туристов — самоубийцы или сумасшедшие. Еще бы: только безумцу могла прийти в голову мысль спуститься в легких пластмассовых лодочках вниз по течению бурной горной реки Марсианди, изобилующей водопадами, перекатами и водоворотами. Речь при этом шла вовсе не о научной экспедиции, а о щекочущей нервы авантюре. Спустя 23 дня туристы вернулись с полпути, бросив где-то свои разбитые лодки. Судьба была милостива к ним: все остались живы.

А вот Петеру Целлеру не повезло: при попытке совершить восхождение на одну из гималайских вершин он, не имея должной подготовки и соответствующего снаряжения, сорвался в пропасть и разбился насмерть.

Отпуск, проведенный в рискованных ситуациях, нынче у западногерманских снобов в моде. Они всюду побывали, все видели, все им наскучило. Туристские агентства неплохо зарабатывают на подобных отпусках. Прибыли агентства составили свыше ста миллионов марок. Все, кто желает про-

вести отпуск с опасностью для жизни, могут поохотиться на медведей в лесах Канады или попытаться счастья в поисках крупниц драгоценного металла в гористых районах США, где некогда пышно цвела золотая лихорадка. А можно спускаться по водопадам грозной реки Колорадо, лететь на сомнительно устойчивом воздушном шаре над Швейцарскими Альпами, тащиться на собачьей упряжке среди ледяных торосов Гренландии, бродить в джунглях Новой Гвинеи в обществе весьма далеких от европейской цивилизации племен... Опасность же может грозить туристу-снобу со всех сторон. Так, например, некий турист, находясь где-то в среднем течении Амазонки, чистил у воды зубы. Увидев идущую изо рта пену от зубной пасты, группа местных индейцев решила, что он сошел с ума, и тут же засыпала его градом отравленных стрел.

Все это происходит в то время, когда множество людей вынуждено подтягивать потуже пояса и ограничивать свои расходы на отпуск. Богатые же снобы швыряют, не задумываясь, деньги на рискованные и бессмысленные авантюры.

«ШТЕРН», ФРГ

ВДОВА ИЩЕТ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Миссис Мириам Ли, шестидесятилетняя вдова, живет сейчас в городе Кесон на Филиппинах. В марте 1944 года она доверила свои деньги отделению банка Иокотамы в Маниле. Когда в Манилу вступили американские войска, банк был закрыт, и с тех пор миссис Ли могла только оплакивать утраченные средства. Но вот сравнительно недавно она обратилась в департамент общественной информации с просьбой помочь ей вернуть утраченные тридцать с лишним лет назад деньги. Чиновник департамента вынужден был согласиться, что просьба не лишена оснований, но... воз и ныне там.

Миссис Ли объясняет, что сейчас она больна и деньги ей нужны,

чтобы попасть в больницу и оплатить лечение. Кроме того, ей придется заботиться и о своем зяте.

Вдова вела также длительную и безрезультатную переписку с японскими правительственными агентствами, призывая их помочь ей получить обратно деньги, но и тут ее попытки успеха не принесли. Тогда вдова решила просить помощи у правительства Филиппин. Ей подсказали пути, по которым она должна идти, и теперь у нее наконец появились надежды добиться своего — получить средства, которые были утрачены в годы второй мировой войны.

«ФОКУС ФИЛИППИНС»,
ФИЛИППИНЫ

НЕССИ И «СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК» ПО-ПРЕЖНЕМУ БУДОРАЖАТ УМЫ

Существуют ли в действительности экзотическая рептилия Несси и «снежный человек»? Или это только плод не в меру разгоряченного воображения и фантазии «очевидцев»? Спор вокруг этих загадок природы, то затихая, то разгораясь с новой силой, продолжает будоражить умы.

Американский зоолог Кронин после досконального изучения следов «снежного человека», обнаруженных его экспедицией в отрогах Гималаев на высоте 3650 метров, недавно выступил в журнале «Атлантик» со статьей, где он доказывает реальность существования так называемого «снежного человека». Анализ показывает, как пишет Кронин, что загадочные следы ног (23 сантиметра в длину, 13 сантиметров в ширину с одним очень большим и четырьмя маленькими пальцами и округлой

пятой), по-видимому, могут принадлежать только неизвестному существу с приблизительным весом в 75 килограммов, передвигавшемуся в вертикальном положении. Ученый предполагает, что речь может идти об одном из видов человекообразных обезьян, вымерших 100 тысяч лет тому назад. Свою гипотезу он подтверждает, в частности, показаниями молодой местной пастушки, видевшей, по ее заверениям, в июне 1974 года приземистое, заросшее шерстью и схожее с обезьяной животное. Пастушка утверждает также, что на совести этого существа пять забитых коров из ее стада. Версию Кронина поддерживает руководитель польской экспедиции, побывавшей в Гималаях несколько позднее и тоже обнаружившей загадочные следы.

«ВОХЕНПОСТ», ГДР

НОВЫЙ ПРЕПАРАТ

Исследования, проводившиеся одновременно в ряде стран, дают основания утверждать, что если гепарин — препарат, препятствующий свертыванию крови, — регулярно вводить пациентам как накануне, так и после серьезной хирургической операции в области грудной клетки или брюшной полости, то это поможет дополнительно спасти жизнь четырем — восьми тысячам больных в год в одних только Соединенных Штатах.

Как показывает практика, у многих пациентов после операции образуются сгустки крови, особенно часто тромбы возникают в венах ног. Вырвавшись на свободу, эти сгустки путешествуют по венам через все тело, проходят через сердце и попадают в легкие, где они могут застрять в узких кровеносных сосудах. Если такие сгустки блокируют вход в легкие, то это может привести к летальному исходу.

Доктор Сол Шерри в журнале «Нью Ингленд джорнал эв медицин» обращает внимание на опубликованный недавно отчет о тщательном контролируемых опытах использования гепарина в малых дозах более чем четырьмя тысячами больных, подвергшихся хирургическим операциям. Исследования велись в двадцати восьми клиниках двенадцати стран. Смерть больных, принимавших гепарин, только в двух случаях была объяснена легочной эмболией (закупоркой кровеносных сосудов), а среди тех, кто не использовал гепарин, таких фактов было зарегистрировано шестнадцать.

Сол Шерри настаивает на применении малых доз гепарина в тех случаях, когда трудная операция предстоит пациентам, которым сорок или более лет.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

ЗАКОНУ О МОЛОДЕЖИ — ЧЕТЫРЕ ГОДА

Недавно Государственная комиссия по делам молодежи ВНР опубликовала доклад о ходе реализации закона о молодежи, принятого четыре года назад.

Молодежные проблемы, говорится в докладе, все это время были в центре внимания правительственных органов. Вопросы выполнения закона о молодежи 14 раз обсуждались на заседаниях Совета Министров. Было принято постановление о дальнейшем развитии системы школьного образования. В школах и высших учебных заведениях значительно расширен диапазон действия органов самоуправления учащейся молодежи. Внедрена в жизнь программа подготовки той части рабочей молодежи, которая, хотя и не имеет законченного среднего образования, обладает потенциальными возможностями для поступления в вуз. Для юношей и девушек, занятых на производстве, существуют бесплатные курсы подготовки в институт, которые уже окончили 60 тысяч человек.

Последние четыре года принесли также быстрый рост процента моло-

дых людей среди руководящих кадров. Сейчас в Венгрии около 1400 председателей местных народных советов, директоров предприятий и председателей кооперативов, которые еще не исполнилось тридцати лет. В 1974 году начали функционировать так называемые молодежные парламенты, которые являются органами самоуправления молодежи на больших предприятиях. В 1971—1975 годах в Национальном собрании был 21 депутат в возрасте до 30 лет. После выборов 1975 года их число увеличилось до 37. В составе народных советов количество молодежи удвоилось.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

НЕУЛОВИМЫЙ АИВАЗОВ

БУДНИ РАБОЧЕГО СПОРТКЛУБА

Виктор ПУШКИН,
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты
«Смены».

Автор очерка, писатель, в прошлом известный советский спортсмен, мастер спорта, побывал по заданию редакции в одном из лучших рабочих спортклубов страны — на Невинномысском химкомбинате. Вот что он там увидел.

Людской поток, направлявшийся от автобусной остановки к химкомбинату, вел себя как-то странно. Вместо того, чтобы сразу вливаться в проходную, он задерживался на некоторое время перед висющим на стене большим листом бумаги.

Я протиснулся к листу и увидел турнирную таблицу, только вместо названия команд там стояли номера цехов или их краткие обозначения. Спросил парня в джинсах, который со смехом ткнул в бок стоявшего рядом с ним крепыша, чему он радуется.

— Так мы ж вот этим куркулям прикурить дали! Они целую неделю звонили, что их команда причешет нашу, а вышло наоборот!

— Это вы о футболе?
— Не только. И по многоборью ГТО мы их обошли, и по велосипеду, и по волейболу. А теперь и по легкой атлетике!

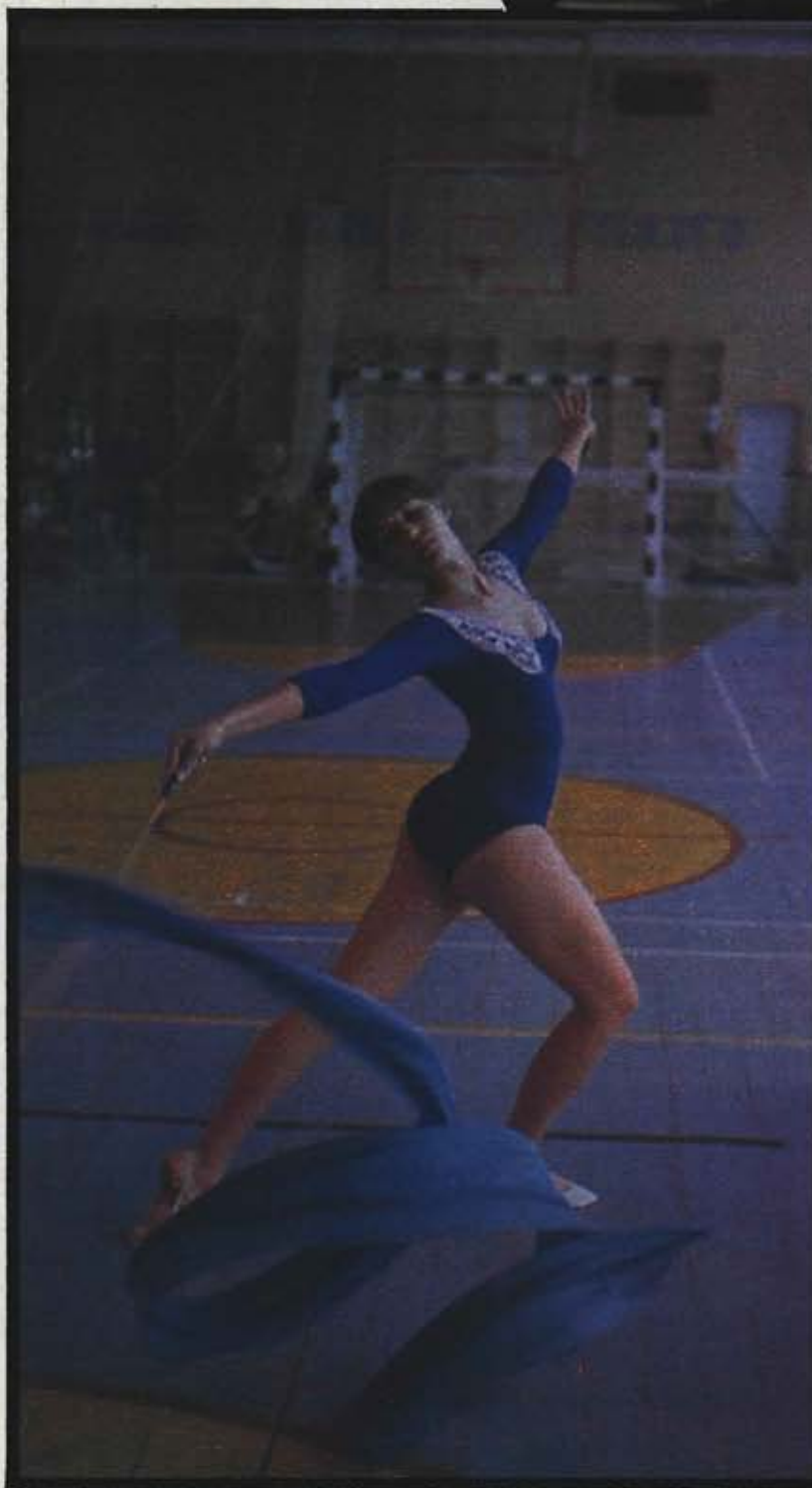
— Ничего, ничего, — мрачно пробурчал крепыш, — у нас еще туриада, баскетбол и кросс впереди...

Я понял, что речь идет о спартакиаде «Здоровье», которая вот уже седьмой год проводится в фабрично-заводских физкультурных коллективах страны. А мне как раз требовалось поговорить об этом, но задерживать ребят было нельзя, и я спросил, где найти председателя их спортклуба. Парень в джинсах ответил, что минуту назад видел, как тот шел в комбинатууправление, и указал на светло-серое, весело сверкавшее широкими окнами здание. Я поспешил туда.

Секретарь комитета комсомола, уже загорелый русоголовый богатырь сказал, что я взял на себя нелегкую задачу — в дни спартакиады найти председателя спортклуба, но все же посоветовал начать поиски со стадиона «Химик» и объяснил, как до него добраться.

Выйдя на улицу, я кинул взгляд на турнирную таблицу, возле которой все еще толпились люди, и направился к стадиону.

Невинномысск очень походит на приморские курортные города. Много зелени, балко-

НА ЭТИХ ФОТОГРАФИЯХ—ЛИШЬ МАЛАЯ ЧАСТЬ ОБЪЕКТОВ «СПОРТИВНОГО ЦЕХА» НЕВИННОМЫССКОГО ХИМКОМБИНАТА. ЗА КАДРОМ ОСТАЛИСЬ СТАДИОН И МНОЖЕСТВО ОТКРЫТЫХ ПЛОЩАДОК. А СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ АЙВАЗОВ И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРОФКОМА ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ КОЖЕВНИКОВ ОБСУЖДАЮТ ПРОГРАММУ РАЗВИТИЯ ФИЗКУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ. ДЕВИЗ НЫНЕШНЕГО ГОДА ПОНЯТЕН И БЛИЗОК КАЖДОМУ ХИМИКУ: «ОЛИМПИЙСКИЙ ГОД—НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ ОЛИМПийЦЕВ».

ны домов сплошь в цветах. А вот и массивный, с широкими каменными ступенями Дворец культуры химиков, за ним — парк. Пройдя его насквозь по усыпанной свежим песком аллее, я оказался на взорке и сразу же увидел высокую бетонную трибуну стадиона и две огороженные площадки. Одна, судя по разметке, была приспособлена для игры в волейбол, баскетбол и теннис, а вторая — с какими-то детскими домиками — поначалу вызвала недоумение. Однако, различив три пары квадратов, я понял, что это городошная, а домики — судейские будки.

Доидя до стадиона, я невольно задержался. Полускрытые деревьями и кустами, в обнесенном сеткой прямоугольнике тренировались акробаты-подростки. Они разбегались по длинной упругой дорожке и непринужденно выполняли кувырки, фляки, сальто. Рядом стоял тренер — невысокий стройный молодой человек в спортивном костюме — и страховал юных спортсменов. Прильнув к сетке, следил за всем происходящим мальчишки с соседних улиц.

Вот по дорожке стремительно разбежалась девочка лет двенадцати. Она легко и изящно выполнила целую серию фляков, затем, сделав сальто, четко приземлилась на прямые ноги и застыла...

Я стал спускаться по покатою тротуару вниз. За акробатической площадкой сквозь деревья и кусты сверкала стремительная Кубань, от которой легко шагал мужчина лет пятидесяти с полотенцем на плече.

— Ну, и как вам наша смена? — кивнув на акробатов, спросил он, сразу же признав во мне приезжего.

— Очень, очень хорошие ребята! — искренне сказал я. — И вообще у вас все здесь здорово: и стадион и площадки.

— Да, с этим делом у нас теперь порядок, — согласился мужчина и кивнул в сторону стадиона. — Более шестнадцать тысяч зрителей вмещает. А Дворец культуры наш видели? Там еще для волейбола и баскетбола прекрасный зал есть, раздевалки, душевые. Шахматный клуб свой имеем, лодочную станцию, спортивно-оздоровительный лагерь в Теберде.

А ведь каких-нибудь восемь-девять лет назад ничего этого у нас не было. Да, собственно, и сам-то комбинат тогда только только мощь набирал. Помню, осаждали ребята дирекцию: мячи нужны, велосипеды, городки, залы для тренировок зимой. А где взять? Выезжали на голом энтузиазме. Рабочие сами площадки строили, инвентарь мастерили. А какой не могли, на свои деньги покупали.

Особенно упорными были велосипедисты, штангисты, да вот они! — Он кивнул на акробатов. — Ни на какие трудности внимания не обращали. А где тренировались? В подвалах, в старых складских помещениях. И, заметьте, ведь не платили!.. Конечно, мы старались, кое-что все же выкраивали: то на десяток велосипедов, то на штангу или гимнастические маты. А там футболисты стали о себе заявлять, волейболисты, легкоатлеты, шахматисты. Состязания у них пошли, начали они с другими коллективами встречаться. Ну, как тут быть? С намятыми боками-то ходить неохота!.. А, главное, конечно, все прекрасно видели, что в тех цехах, где лучше поставлена спортивная работа, производственные показатели выше. Так что спорт комбинату не только в моральном, но и в материальном плане немало пользы приносит. В 1968 году построили мы стадион и сразу почти все вопросы разрешили. Правда, для художественной гимнастики и штанги до сих пор залы снимаем. Но недолго и им терпеть осталось: скоро свой Дворец спорта построим. Мы теперь богатые. Комбинат ежегодно 24 тысячи рублей на спорт отпускает. И, надо сказать, ребята нас не подводят: в городских спартакиадах, например, восемь лет подряд первенствуют, в крае постоянно на призовых местах. Футболисты у нас неплохие: четыре года назад краевой кубок завоевали, потом трижды в финал выходили. Штангисты тоже сил набрались. Валентин Данилович Окопный у них тренер, слесарем на комбинате работал. В секции человек пятьдесят, из них тридцать — разрядники. Четырех мастеров спорта подготовил... Не отстают от них и акробаты. Тренер их, Виктор Волошко, кроме того, еще директор нашей детской спортшколы. Более четырехсот мальчиков и девочек во всех секциях занимают. С утра до вечера работает, хотя и не все часы ему оплатить можем.

Говорит, мол, сейчас иначе нельзя, результатов не добьешься. Вообще-то все тренеры так же рассуждают. С новичками еще можно три раза в неделю заниматься, а уж с разрядниками — каждый день необходимо. А с некоторыми и по два раза...

Мимо нас прошли немолодые, тоже в спортивных костюмах и с полотенцами мужчины.

— Это все из моей предпенсионной команды, — с улыбкой пояснил мой собеседник. — Зарядку вместе делаем, не жалею от молодежи отставать. Да и нельзя: и в цехах, и в столовой, и в профкоме — всюду плакаты о пользе спорта висят! — закончил он и двинулся за своими товарищами.

Я посмотрел на него с удивлением: всех знает, все его знают. Крикнул с надеждой:

— А вы не скажете, где председателя спортклуба найти?!

— Сергея Михальчука Айвазова? — обернулся он и, взглянув на часы, кивнул на трибуну стадиона. — Там он сейчас! Туда идите!

По-утреннему безлюдный стадион оказался вполне современным спортивным сооружением с двумя солидными бетонными трибунами и высокими мачтами для прожекторов. Директора, Андрея Афанасьевича Менжулова, коренастого человека лет тридцати, в прошлом футболиста, игравшего за команды мастеров Ставрополя и Кисловодска, я нашел на непривычной для моих ног, упругой, светло-коричневого цвета беговой дорожке. Он внимательно осматривал ее, даже ощупывал руками.

— Прекрасная вещь! — без всякого вступления начал он и пояснил: — Вместо гари изолом покрыли. Резино-битумная в подметки не годится: при солнечной погоде страшно нагревается; упадешь — ссадины долго не заживают. А эта мягкая, эластичная, легко красится. Видите: будто новая. А ведь по ней уже столько народу пробежало!

Узнав о цели моего визита, Менжулов сказал, что Айвазов, наверное, у велосипедистов, и направился к двери, ведущей под трибуну.

Мы очутились в просторном, светлом, с высоким потолком помещении, казавшемся тем не менее небольшим от тесно стоящих на полу и висевших на стенах, в специальных станках, велосипедах. Громявшие чем-то в дальнем углу двое парней и крупный, мускулистый человек не заметили нашего прихода.

— Это старший тренер детско-юношеской спортшколы Николай Иванович Галушко, — шепнул мне проводник. — Работал слесарем на комбинате. Лет тринадцать назад увлекся велоспортом и стал самостоятельно тренироваться на стареньком дорожном велосипеде. Тогда ведь у нас ни стадиона, ни этих машин не было. Где-то отыскал учебник — и по нему шарил. Потом к нему еще ребята присоединились, комбинат купил десять велосипедов, и организовалась секция, в которой Галушко стал играть ведущую роль. Конечно, нелегко ему приходилось: и работал, и тренировался, и жена жаловалась, что от него даже дочка отвыкла. А он до того упорно взялся за дело, что норму мастера спорта выполнил. Потом поступил в Ставропольский пединститут, на факультет физвоспитания, заочно окончил его и стал профессиональным тренером. Теперь ему сборную края поручают. Работает, скажу вам, фанатично. Вечно окружен учениками. Но и ребята, конечно, в долгу не остаются, на глазах растут. Особенно хорошо братья Николай и Анатолий Лагода. Анатолий стал чемпионом края, Николай занял второе место. А потом Анатолий на состязаниях «Олимпийские надежды» выполнил норму мастера спорта международного класса. Вон тот, что колесо смазывает... В общем, сейчас у нас более восьмидесяти велосипедов и сто десять занимающихся, из которых семьдесят семь — разрядники. В первенствах города и края постоянно ведущие места занимают.

Я полез за блоком — уронил ручку. Галушко вскинул голову, строго посмотрел.

— Николай Иванович, — обратился к нему мой спутник, — а где же Айвазов? — На лодочную станцию пошел, — ответил Галушко и снова склонился над лежащими на полу деталями.

— Сейчас ведь у нас самое горячее время, вот он всюду и носится, чтобы какой-нибудь заминки не вышло, — как бы оправдывая Айвазова, пояснил Менжулов, когда мы вышли на улицу.

Лодочная станция — небольшой зеленый домик и пристань с тридцатью лодками для народной гребли — располагалась в пяти минутах ходьбы от стадиона, на берегу просторного водоема. Но разбиравшие весла ребята сказали, что Айвазов направился к стрелкам. Тир оказался рядом. Однако и там нас ждал тот же ответ: забегал, только что убежал к шахматистам.

Шахматный клуб помещался на втором этаже небольшого, похожего на кафе здания. В затененных светлыми занавесками залах чинно стояли десятка два столиков с расставленными на них шахматами. Над тремя, несмотря на ранний час, в задумчивости застыли игроки. Нас встретил крупный, больше походивший на борца-тяжеловеса, нежели на шахматиста, старший тренер клуба Валентин Павлович Тараканов.

Я залюбовался стоящими в шкафу его кабинета кубками.

— Вот эта наша детская команда за первенство края получила, — пояснил хозяин кабинета. — А эти взрослые завоевали в отраслевой спартакиаде и первенстве города. Приходите к нам через неделю. У нас открытое первенство клуба начнется. Из Нальчика, Волгограда, Ставрополя, Кисловодска и Новороссийска мастера приглашены.

В приоткрытую дверь кабинета я увидел, что за один из столиков бесшумно уселись два мальчугана лет по десяти, их ноги даже пола не касались.

— У нас закон, — взглянув на них, понизил голос Тараканов, — все имеют право!.. А места хватает. — Он провел нас на веранду, помещавшуюся на крыше. Там стояло еще около тридцати столиков.

Об Айвазове он сказал, что тот направился в комитет комсомола.

— Так работники же комитета — наши вернейшие помощники, — пояснил мне по дороге Менжулов. — Нормы сдавать первыми выходят. В комбинатских состязаниях все за какие-нибудь цеха выступают. И тон, между прочим, секретарь комитета Валерий Ключников задает. Разносторонний спортсмен! Прекрасный волейболист, легкоатлет, в ручной мяч классно играет, в футбол — за чужой компрессии, в котором раньше работал. Очень болеет за спорт. Раз мы с Айвазовым обнаружили, что комсорги некоторых цехов плохо нормы ГТО сдают. Так Ключников собрал экстренное совещание. «Да вы что?! Спорт же — наше кровное дело! Мало того, что он помогает окрепнуть, он же еще — это не менее важно! — надежно заполняет досуг, отвлекает от вредного влияния улицы, от дурных поступков! Так что мы должны быть яркими пропагандистами спорта! Ну, а какой же ты пропагандист, если сам ни пробежать, ни прыгнуть, ни по мячу как следует ударить не умеешь?!» — упрекнул он их, а на следующий день привел всех комсоров на стадион сдавать нормативы ГТО. Сам-то золотой значок имеет, почти по всем видам не ниже третьего разряда результаты показал.

Я вспомнил атлетически сложенного парня, его крепкое рукопожатие, подумал: «Что такое спорт!»

— У нас на комбинате, между прочим, вообще народ очень спортивный, — продолжал Менжулов. — Десять секций с полной нагрузкой работают: вело, тяжелой атлетики, баскетбольная, акробатическая, художественной гимнастики, легкоатлетическая, волейбольная, футбольная, шахматная и туристическая. Почти все тренеры с высшим образованием. В 1971 году нашему физкультурному коллективу за высокие спортивные показатели присвоено звание спортклуба. Шефствуем над общеобразовательными школами, профессионально-техническими училищами, тянем ребят в свои секции, и очень многие из-за спорта на комбинате работать приходят. Как-то спрашиваю нашу велосипедистку Людю Игнатченко — чемпионку спартакиады химиков: «Куда после школы-то пойдешь?» Отвечает: «В наш химтехникум, чтобы только от секции не отрываться».

Мы поднялись в комитет комсомола. Но и на этот раз Айвазов ускользнул от нас.

— Как вы только не столкнулись с ним! — удивился Ключников; прошелся по комнате, нервно потер руки.

— Волнуешься? — подмигнул ему Менжулов.

— Вообще-то да, — признался тот и обернулся ко мне: — Понимаете, сегодня у нашей

команды игра с очень сильным девятым цехом. Никак не привыкну.

— А к этому и не привыкают, — успокоил я его. — Это же естественная подготовка организма к поединку.

— В общем, советую вам сейчас где-нибудь подкрепиться, а часам к пяти заявляйтесь на стадион, — сказал нам на прощание Ключников. — Уж в такое время наверняка этого неуловимого Айвазова настигнете!

Когда мы после обеда подходили к спортивному комплексу химкомбината, там было многолюдно и празднично. Волейбольную и городошную площадки окружали плотные кольца зрителей, оттуда доносились звонкие удары по мячу, стук бит, дробь разлетающихся городков и дружные вскрики болельщиков. От стадиона, сверкая спицами, стремительно вылетела армада велосипедистов, легко преодолела крутой подъем и покатила в сторону Черкесского шоссе.

Мы протиснулись к волейбольной площадке, и я сразу же увидел Ключникова: он, выпрыгнув почти по грудь над сеткой, бил по мячу. Удар был очень сильным, и мяч пошел, как говорят, «колом». Но защитник команды соперников каким-то образом принял его.

— Это начальник девятого цеха Амианцев, — сказал мой спутник, кивая на поднимавшегося с земли игрока. — И у нас таких начальников, между прочим, много.

«Вот и попробуй кто-нибудь из цеха на игру не явиться!» — подумал я, следя за Амианцевым. Он выглядел несколько старше своих партнеров, но был так же резок и подвижен. Вот мяч отпасовали ему, он резко подпрыгнул, замахнулся — с той стороны мгновенно возник блок, — тогда Амианцев легонько направил мяч мимо блока, и тот до обидного прозачно ударился о площадку. В общем, Ключников не зря перед игрой волновался...

На стадионе тоже кипели страсти. Там проходила финальная встреча футболистов химкомбината. В спор вступило двадцать две команды, и вот осталось две.

— Но где же Айвазов? — спросил я.

— Так вот же он! — показал Менжулов на загорелого, черноволосого, хорошо сложенного защитника. — Он ведь у нас, кроме того, играющий тренер. Из большого-то футбола ушел, а вот за сборную работников спортклуба все еще сражается. Встречи у нас состоят из двух таймов по пятнадцать минут, перед которыми команды бегут эстафету одна за другой по сто, чтобы в случае равенства голов определить победителя по лучшему времени. Если же и тут показатели одинаковые, все решают одиннадцатиметровые штрафные удары.

Немолодой сухощавый человек в белой рубашке, сидевший в первом ряду, окликнул Менжулова.

— Это Николай Прокофьевич Мордовин, начальник цеха газовой компрессии, председатель нашей секции футбола. Заядлый болельщик и сам пример подает: первым из своего цеха нормы ГТО сдал, — негромко пояснил мне Менжулов.

Мы подошли к Мордовину, кое-как втиснулись рядом с ним на скамью. Подле него, так же напряженно следя за играющими, сидел тот самый человек, с которым я разговаривал возле акробатической площадки.

Я спросил о нем.

— Председатель профкома Владимир Павлович Кожевников. Очень предан спорту. Во всем нас поддерживает.

В это время нападающий команды спортклуба сильно пробил, мяч влетел в ворота команды цеха газовой компрессии, и вратарь спортклубовцев пошел колесом.

— Рано, рано кувыряться! — обиженно воскликнул Мордовин. — Цыплят по осени считают!

— А ты напрасно, Прокофийч, так близко к сердцу-то принимаешь, — благодушно обратился к нему Кожевников. — Ведь в этих же состязаниях никто не проигрывает.

— Конечно! — поддержал его Менжулов и обернулся ко мне: — В общем, еще минут семь-восемь — и вы получите исчерпывающее интервью. Если только, конечно, к штрафным прибегнуть не придется.

Я смотрел на азартно игравшего Айвазова. Теперь, когда я, наконец, нашел этого неуловимого, неуловимого человека, оказалось, что, сам того не ведая, он помог мне, как говорится, изнутри познакомиться с физкультурным коллективом Невинномысского химкомбината.

ШЕСТЬ ОКОШЕК С ВИДОМ НА КАНАЛ

в свою молодость (он агроном, брат — комбайнер, другой — на агронома учится, а отец и мать — полеводы).

Мелиорацией он увлекся позже — в бытность свою секретарем горкома партии, в городе Марксе. Там форпост мелиорации Поволжья, Волжская оросительная система с зовущими башенками насосных станций...

— Высокие урожаи возможны при совершенной технике и мастерстве полива. — Козлов внимательно смотрит на Кузнецова. Давно, однако, не виделись, очень давно. — Кстати, о «саратовской-36» слышали?

— Хороша пшеничка, — говорит Кузнецов, — да, по моим сведениям, не очень в ходу.

— Берут те, у кого много орошаемой земли, — вздыхает Козлов. — Вот Царев Александр Петрович, председатель «Комсомольца», охотно берет и даже диссертацию защитил. Остерегаются иные — земли мало, морочи много. Посеешь — гляди в оба, вези на станцию контрольные всходы, отчитывайся в урожайности.

Кузнецов слушает. Молчит. Стало быть, это о главном?

— Выходит, мы с вами — рука об руку — только начинаем... Четыре миллиона богарных земель в области, и только семьдесят тысяч гектаров — поливные.

— Мелиорация, Иван Петрович, заставляет круглый год работать. Это не сон в летнюю ночь на богаре! И все-таки со временем — и очень скоро! — это будет естественно: орошать, как сеять. Сеять легко, важно вырастить. Но сеять надо — это с молоком матери в человеке. И орошать — тоже придет в сознание необходимости.

— Вы над чем сейчас, Юрий Дмитриевич, там, в лаборатории, и в поле, а? — с увлечением перебивает Кузнецов. Ему это перед пуском канала необходимым оказалось! Увидеть родное поле в новом, нынешнем свете.

— Проектная урожайность «саратовской-36» — без полегания, при 5—6 умелых поливах — 30 центнеров. Но это уже сделано. Сейчас иду вот что. — Они отстранялись от иллюминатора — солнце полосуло по стеклу, ударило в глаза, а Козлов наклоняется к Кузнецову доверительно и сокровенно: — Нужен сорт пшеницы, который бы экономно расходовал влагу. Пусть не жметса, пусть платит полновесной монетой за каждый куб воды из Ерусланского канала.

А можно ли в конечном итоге оторвать дела главка от селекции на этих землях? Их, напротив, надо сблизить, как составные одного грандиозного дела современности. И тогда проблемы развития и освоения техники орошения станут гармонично сочетаться с развитием селекции Поволжья, с рождением «умных сортов».

VI. ПИНЕГИН

— Чистая работа! — Кузнецов снова прикип к иллюминатору. Все повскакали с кресел, теснясь рядом с ним.

Действительно, было на что посмотреть. Ровная, четкая линия канала врезалась в степь.

— Можно нитку тянуть, — довольный, улыбнулся Шашкин. — Угол среза везде точен, днище канала хоть пленкой обтягивай — ни одной неровности!

— По почерку видать — Пинегин это, а? — говорит Кузнецов.

— Он самый... Николай Иванович Пинегин, комсомольско-молодежная ПМК.

— Он у нас Героя Соцтруда за что получил? За Саратовский? — Кузнецов наблюдал, как ритмично работают экскаваторы, готовые русло канала для облицовки плитами.

— Да, — сказал Шашкин, — это была молодость Коли, «пора любви, пора дерзаний», как он сам выразился на комсомольской конференции.

— А сейчас что же? — прищурился Кузнецов. — Успокоился, что ли?

— Ну, нет! — Шашкин сдернул с головы пляжную кепочку. — Тут другое. То, что на Саратовском было рекордом, здесь уже стало нормой... Творческая зрелость — вот как это называется, Иван Петрович. «Жизнь входит в берега...» Вот и грустит Коля Пинегин, вспоминая ночные бдения со своими экскаваторщиками, поиски твердого режима высокой выработки, учебу тех, кто теперь в асах ходит...

— А что они там делают, черт побери! — взъерепенился Кузнецов. — Этот, у водозовки, Пинегин?

— Он самый!

— А ну, распорядись приземлиться! Происходящее внизу, на бровке канала, действительно могло бы вывести из равновесия любого — цепочка рабочих протянулась от водозовки к руслу канала. Зачерпнув ведро воды из цистерны, рослый парень передавал его по цепочке вниз, и там... выплескивали воду на плиты! Это при жесткой норме воды на каждого человека, когда иной раз и помыться нечем!

Они все вылезли из вертолета и двинулись к водозовке. Плотный, среднего роста, Пинегин объяснял что-то столпившимся вокруг молодых ребята. Кузнецов первым шагнул к нему, сжал руку...

— Воды пожалели, Иван Петрович? — Уголками губ улыбнулся Пинегин. — А зря!

Николай махнул рукой, и цепочка распалась, шофер по лесенке взобрался на цистерну, чтобы завинтить массивную, поблескивающую на солнце крышку.

— Все глядите! — неожиданно повысил голос бригадир, и все они — рабочие с деревянными колотушками в руках, экскаваторщики, шоферы, прибывшие с вертолетом прорабы и начальники участков — увидели, как между швов, «защитных» битумом, уходила вода. Медленно всасывал ее огненный песок даже под плитами, раскаленный песчанник!

— Здесь пикет 240, — снова обернулся к Кузнецову Пинегин, — а мы так и шли — от пикета сто девяносто сюда. Вчера на планерке наш «комсомольский прожектор» дал сигнал: плохо

кладут плиту на этом участке... Вплотную к нашему подошли — сегодня у нас начнут... Мы качественно делаем, а зачем? Чтобы в чистое русло кое-как набросали плиту?

— Собери людей, Шашкин, — распорядился Кузнецов, — молодец, Пинегин. И вовремя и наглядно у тебя получилось! И воды на такое дело не жаль!

240-й пикет... Трое суток до пуска...

Кузнецов спит на бровке канала, напротив ННС (наплавной насосной станции). Он спит, вжавшись в пористую, ослепительную белизну плиты. И темное от щетины лицо — уставшее, с поперечными и продольными морщинами — выделяется на белом...

Ему нет еще и пятидесяти. А это для некоторых было обидно узнать. Он как бы отнимал у этих «некоторых» последнюю надежду, за которую держатся слабые: «Еще успею!...»

Но вскакивает Иван Петрович столь же стремительно, сколь забывается мгновенным сном, на четыре минуты.

— Гаврилов! — хрипло вскрикивает Кузнецов, уставившись на экипированного молодого человека, безупречно выбритого, в хорошо сшитом кримпленовом костюме. Надо же! Юрий Александрович замешкался, увидев начальника главка в столь щекотливом положении.

— Я действительно задержался, — смущается Гаврилов.

— Он задержался! — негодует Кузнецов. — Его насосная заваливает пуск, а он задержался... — Начальник главка рубит рукой. — Уходи отсюда, Гаврилов. Приказываю, чтобы ноги твоей здесь не было.

Юрий Александрович с достоинством поправляет очки (мечта мотоциклиста, «во все лицо»), плавно поворачивает на тропинку, в сторону от своей насосной.

Кузнецов трет лицо руками. Рывком бросает свое тело на тропинку:

— Гаврилов, слышишь, нет?

Колесников и Гаврилов этот — почти мальчишки. Зачем он так? Устал, наверное. Дьявольски устал!

...Безупречная репутация. Аналитический ум. Сдержан, знающ. Разве не он помог вскрыть и разработать одну из главных проблем — все, что касается насосов и насосных станций? Насосные приходится строить, не дожидаясь всего проекта. И вообще проектная документация — тормозок... Ведь надо, чтобы документация «шла вперед», а то времени подумать нет. Это особенно сказывается на судьбе насосных. А потому думай, Гаврилов. Давай, Гаврилов. Что же ты, Гаврилов? Он не подвигал. И думал, и «давал», и на свой страх и риск принимал решения... А в решающий час там, на канале, его не оказалось. Почему?

Иван Петрович, что там говорить! Одни вообще готовы ночевать в поле или в цехе, а другие считают десяток дней дома — с насморком или гриппом — подарком судьбы. Но это к Гаврилову не относится. Я вот что думаю, Иван Петрович. Быть может, он страшится переступить ту грань разумного и рассчитанного чередования дел и забот, жизни, за которой...

Признайтесь, Иван Петрович, вы хоть один свой отпуск провели — от звонка до звонка — в санатории? А ведь там курс лечения. Там который год хотят что-то сделать с вашей язвой желудка, да не могут. А на работе вы как? С вечера и до утра пользают неоновым светом окна третьего этажа главка. Это ваш штаб. Это вы и ваши ближайшие помощники...

Часто ли видят вас сыновья? Пожалуй, гораздо чаще жены и дочери, потому что выбрали отцовскую профессию...

Я бы и не напомнил о дочери. Но тут у меня собственные сче́ты к моему родителю: в десятом классе Констан-

тина Николаевича, в ту пору директора НИИ геологии, я видел... четыре раза (на Новый год, на день рождения матери, в субботу и воскресенье в ноябре, когда там, в НИИ, делали ремонт). А как он был необходим мне в том самом пятидесятом, когда я готовился к экзаменам на аттестат и к вступительным (дочь ваша тоже в десятом и, верно, смягчит ваш гнев против этих строк, защитит меня, опираясь на жесткую правду трудных дней нас всех фактов). Вот я и говорю: может, Гаврилов не хочет и опасается всего этого? А как иначе — не знает... И появляется эдаким именинником, свежим и розовощеким, среди измотанных штурмом людей.

VII. ПОСЛЕДНИЕ ЗАПИСИ, СДЕЛАННЫЕ У КУЗНЕЦОВА ДОМА

В его рабочем кабинете Собрание сочинений Владимира Ильича, воспоминания о Ленине. Он делегат XXV съезда партии.

Общаясь с ним, я часто думал: он старше меня всего на пять лет. Но разве я, литератор, смог сказать людям столько же или хотя бы приблизительно столько, сколько он успел сделать? Суть не в том, что слово и дело трудно или почти непоставимы. Важно, что подобное желание сопоставить непременно появляется.

Такие люди, как Кузнецов, своим нравом и незаурядностью толкают нас к самокритическому анализу.

...Он набрал по автоматике номер санатория в Ялте. И сразу же стал таким же беззащитным, как и большинство мужчин, отправивших из дому домочадцев.

— Пускаем Ерусланский послезавтра в три часа! — сказал он. Его морщины на лбу разгладились, и брови, черные, густые, нависшие над глазами, покорно замерли. Он слушал ее голос. О чем она говорила? Она знает — только она на всем свете, — что нужно сказать ему в эту полночь, за 46 часов до пуска канала. И это услышит он, только он, и никто больше. Разве что еще дочь услышит — она ведь наверняка стоит рядом с матерью, прижавшись к ее плечу.

Его милые, единственные, необходимые женщины знают, что он совершенно не в состоянии обойтись без них...

— Скоро пуск, — скажет он перед сном, — наконец-то пуск!

И вот пуск. Вертолет садится у самой площади, образованной десятками автолавок, в которых пользают апельсины, мотаются на ветру рукава медных костюмов, сверкают лаком дорогие туфли.

Назначили на три, а начнут в семнадцать тридцать — полетела у Гаврилова труба, по которой должна вода пойти, перекачанная насосами. Зрелище, между прочим: из-под импровизированной трибуны («МАЗ» с открытым кузовом, ковер, микрофоны на плотине, а в теле плотины — труба) ударит плотная струя и закипит, и встреч ей полетят бутылки шампанского, золотистое вино вспенится и померкнет в мощном потоке...

Вместо торжественных слов Кузнецов заявит, что вот, мол, виноваты — не будет впредь такого безобразия — объявили пуск на пятнадцать ноль-ноль, а пустили... И член ЦК, первый секретарь Саратовского обкома партии Алексей Иванович Шibaев с укоризной посмотрит на дорогого ему человека. И скажет, что раз столетиями ждали, то двухчасовая задержка не в счет. И еще добавит: работать мелиораторам надобно с расчетом на 1995 год. Начали дело великое. Земля ждет. Быть Поволжью землей изобильной — от края до края!

ПОЗНАТЬ СЕБЯ И ВЕСЬ МИР

Дмитрий МЕНДЕЛЕЕВ

ГЕНИЙ И ГРАЖДАНИН РОССИИ

Конец девятнадцатого и начало двадцатого века — золотая эра в развитии русской науки. Циолковский и Сеченов, Павлов и Чижевский, Лобачевский и Менделеев — фигуры под стать героям Возрождения: по новизне идей, по универсальности знаний, по широте человеческих интересов, по тому факту, что каждый из них на многие десятилетия обогнал в своей мысленной работе практические возможности времени. Семена их прозрений дали обильнейшие всходы и проросли далеко еще не все.

Дмитрий Иванович Менделеев — великий русский ученый. Открытый им Периодический закон химических элементов является естественнонаучной основой современного учения о веществе. Знакомство Менделеева с Добролюбовым и Сеченовым, с кружком людей, близких Герцену, и изучение его философских трудов, чтение «Колокола» — все это содействовало формированию материалистических и диалектических взглядов Менделеева на природу.

Таблица Менделеева — гениальнейшее открытие мировой науки. Но ведь она — лишь малая часть всего, что

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ В МАНТИ ДОКТОРА ЭДИНБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ПОРТРЕТ РАБОТЫ И. Е. РЕПИНА, 1885 ГОД.

рождено ее автором, поистине феноменальным человеком.

Возьмите, например, его книгу «К познанию России» — блестящее социологическое исследование результатов первой всероссийской переписи населения 1897 года. Книга была издана в 1906 году и в течение полутора выдержала несколько изданий. Мысли, насыщающие книгу, настолько значительны и современны, что их можно найти чуть ли не в каждой нынешней дискуссии о миграции населения, о демографическом взрыве, о национальной политике, о научно-технической революции. За всеми этими рассуждениями, сохраняющими свое значение по сей день, стоит фигура не просто гения, но Гражданина, болеющего за будущее родины, желающего видеть ее процветание и могущество. Им владела «одна, но пламенная страсть»: «Нашу страну, богатую землей, народом и хлебом, сделать богатой в промышленном смысле, потому что это есть единственный путь для умножения блага народного и для удовлетворения его стремлений к просвещению, прогрессу и миру во всем мире».

Масштабы его любознательности были безграничны. За 50 лет Менделеев написал почти 500 работ самого разного характера. «Бакинское нефтяное дело», «Заметки о на-

родном просвещении России», «Коммерческая политика России», «Об исследовании Северного полярного океана», «О доходности молочного скотоводства», «Проект поднятия уровня Азовского моря запрудой Керченского пролива», «О происхождении и уничтожении дыма», «Стеклоплавильное производство», «О развитии железной промышленности» — вот перечень нескольких наугад взятых названий из его обширнейшей библиографии.

За непостижимо короткий срок он, как истинный гений, мог изучить ту или иную отрасль жизни, интересующую его, и нарисовать перспективы ее развития. Он работал для будущего России. Ее недра: уголь и железо, нефть и лес; ее просвещение и образование, ее земля и скот, ее военная мощь и наука — все волновало его. За все он чувствовал себя лично ответственным. Сколько идей Менделеева опережали время — не сосчитать! Тут и мысли о том, что нефть — драгоценнейший минерал земли, и прозрения о роли для России Северного Ледовитого океана и земель, к нему прилегающих, и боль за хищнически сведенные леса, и проекты их восстановления, и предсказания о том, что «угля из земли вынимать не будут, а там, в земле, сумеют превращать в горячие газы и их по трубам... распределять на далекие расстояния». Д. И. Менделеев никогда не оставался удовлетворен

своими теоретическими выкладками. Сделав их, ученый тотчас же искал пути воплощения в жизнь своих взглядов. Его гениальность умножалась на волю, на решимость доводить любое дело до конца. Порой эта одержимость граничила с полной беспощадностью к себе. Так, например, в 1887 году Менделеев поднялся во время солнечного затмения на воздушном шаре и выполнил всю программу исследований. Полет был весьма опасен, потому что шар из-за дождя намок и был не в состоянии поднять двух пассажиров. Менделеев попросил остаться на земле специалиста-пилота, чтобы полететь в верхние слои атмосферы одному.

В конце жизни Д. И. Менделеев издал книгу под названием «Заветные мысли». Книга написана рукой великого гражданина. Но, в сущности, все, что он написал, можно назвать «Заветными мыслями».

Охарактеризовать более или менее полно личность ученого и его деятельность практически невозможно, поэтому мы выбрали из разных сочинений его любимые рассуждения, характеризующие его как человека и ученого, мысли, к которым он возвращался постоянно и которые навсегда оставят за ним право называться истинным сыном Отечества.

Станислав КУНЯЕВ

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

«Впереди несомненна тесная связь всех людей»

Прежнее понятие о человечестве было чисто отвлеченным, так сказать, идеальным, теперь же оно становится реальным для каждого сколь-либо вдумчивого человека, а впереди несомненна тесная связь всех людей... Обычные требования пищи, семьи и народной защиты остались и останутся на прежнем месте... но требованиями этими, казалось, прежде определялись все главные отношения — внутреннего и внешнего государственного и частного быта, а теперь и эти оказались чуть ли не на втором плане, зависящими от отношений, почивших первоначально лишь побочными следствиями основных потребностей. Таковы города, фабрики и заводы, образованность, пути сообщения, флоты, улучшение земли и т. п. Если они ныне страдают, всем становится — а чем дальше, тем больше будет становиться, — голодно и холодно, жутко и как будто близко к войне.

«Твоя мысль развилась от отца и матери»

Индивидуализм, эта изва нашей образованности, есть созревший и даже загнивающий плод понятия о единице, существующей самостоятельно в природе. От этого плода, когда сгниет, останется, однако, надо думать, семя; оно даст новое пыльное развитие. Я царь природы, это мое, я сознаю себя, я буду жить, я стану творить, я буду блаженствовать, я нашел... — это все понятия, слова и мысли, опирающиеся на твердую уверенность в единицу. И все это недодумано и перестроится, изменится с веками, ступается в мыслях. Так изменилось уже многое с тех пор, как писал Гомер, даже Вергилий. «Да, ты не царь природы, — скажут нам, — а если царствуешь, то только потому, что получил и пользуешься наследием предков твоих, потому что сложился в семью, в общество, в государство. Сам один ты — просто раб природы. Твое индивидуальное — зоологическое, животное, и все твоё человеческое и все, чем хвалишься, — все то ведь от других, с другими — не одному тебе, не личное, а общее. Поймешь и перестанешь хвастаться за одного себя. Да это не твоё, а данное тебе кем-то. Так, правый рукав не собственность правой руки, а всего человека, шерсть от овцы, нить от прядильщика, ткань — ткача, шов от портного — дело и собственность не одного, а многих и многих. Ты сознаешь себя, скажут нам когда-нибудь, только потому, что твою мысль развила от отца и матери, сестер и братьев, учителей и товарищей, словом, от того, что ты не единица в природе, а часть целого, клетка в крупном организме. И твоё хваленое Я так же бессмысленно, как была бессмысленна похвалявшая гвоей руки, что она рисует или пишет, что рукав — её».

«Чтобы жить, надо верить...»

Сперва и землей пользовались исключительно такими же способами, какими доньше пользуются морями, а именно собирали и потребляли только то, что само по себе — без всякого участия челове-

ка — производилось землей. Понемногу люди овладели землей ради своих потребностей и стали только тогда усиленно размножаться и, слагаясь в государство, совершенствовать и специализировать (разделять) свои труды. А к тому времени, когда жителей земли станут считать десятками миллиардов, наверное, успеют овладеть и морем для хозяйственного производства в нем всякого рода полезностей, начиная от разведения всяких полезных и подходящих растений и животных и кончая добычей золота, которого в морях не только на дне, а прямо в воде великое количество, вероятно, даже более, чем на суше. Чтобы жить, надо верить, а для этого даже прямой реализм открывает все возможности. Находить всегда во всем только худое (пессимизм), не указывая путей выхода, очень уже легко, но ни к прогрессу приводить не может, ни удовлетворения не дает, только возбуждая злобу и отравляя всякую энергию.

«Впереди человечеству будет лучше житься...»

Я убежден, что предельный возраст с народами и веками изменяется, и даже имею повод полагать, что он впоследствии и с развитием образованности будет возрастать отчасти, как стараюсь показать в дальнейшем изложении, т. е. полагаю мафусайловы года не как единичное исключение, а как норму ожидать должно впереди, а не оплакивать где-то зади. Франция до некоторой степени уже начала оправдывать такое ожидание, потому что в ней стариков, в возрасте 80 лет и выше, гораздо больший процент, чем у народов более молодых. По этой причине мне особо симпатичны попытки моего друга профессора Мещникова разскаивать физическую причину старчества и средств бороться с этими причинами. Далее я полагаю, что с увеличением процента бодрых стариков человечество должно будет улучшаться, потому что такие старики, умудренные опытом жизни, благотворно будут влиять на молодежь, каким бы сомнением она ни заразилась. А так как я жду увеличения процента стариков в будущем, с умножением общего числа людей и всей цивилизации, то в этом нахожу своего рода успокоение, в сущности, основанное на том, что впереди человечеству будет лучше житься, чем жилось до сих пор. Сухая формула распределения народонаселения по возрастам и указание на то, что есть уже начало возрастания числа стариков у народов наиболее образованных, убеждают меня в осуществимости такого «профессорского мечтания».

II. ВНЕШНИЙ МИР И РОССИЯ

«Мы молоды...»

Недаром весь мир считает нас, русских, народом еще молодым, свежим. Мы молоды и еще свежи — именно в промышленном смысле. Знание России в ее естественных условиях и знание русского народа в его способностях ко всяким видам человеческой деятельности убеждают не меня одного в том, что предстоящие России промышленные завоевания должны составить истинный венец творений Петра, небывалый расцвет русских сил.

«...Любовь к отечеству составляет одно из возвышеннейших отличий развитого общежитного состояния людей...»

Любовь к отечеству, или патриотизм, как, вероятно, небызвестно читателям, некоторые из современных ученых, крайних индивидуалистов уже стараются представить в худом виде, говоря, что ее пора заменить совокупностью общей любви ко всему человечеству с участием в делах узкого кружка лиц, образующих общину (коммуна), город или вообще физически обособленную группу. Такое, очевидно, недомысленное учение приписывает патриотизму многие худые явления общественности и похвалится тем, что к этому клонится уже всеобщее сознание, а в будущем перейдет будто бы все человечество. Живость такого учения становится, на мой взгляд, яснее не столько со стороны одних важных исторических услуг скопления народов в крупные государственные единицы, вызывающие самое происхождение патриотизма, сколько со стороны того, что ни в каком будущем нельзя представить слияния материков и стран, уничтожения различий по расам, языку, верованиям, нравам и убеждениям, а различия всякого рода составляют главнейшую причину соревнования и прогресса, не упоминать уже о том, что внутреннее чувство ясно говорит, что любовь к отечеству составляет одно из возвышеннейших отличий развитого, общежитного состояния людей от их первоначального, дикого или полуживотного состояния.

Для народов, подобных русскому, сложившихся и окрепших еще сравнительно недавно и еще занятых своим устройством, т. е. еще молодых, дикость учения о вреде патриотизма до того очевидна, что не следовало бы об нем даже упоминать, и если я делаю это, то имею в виду лишь тех, еще не переводящихся соотечественников, про которых написано: «Что книжка последняя скажет, то сверху и ляжет», — прибавляю, однако, что лечь-то ляжет, но улетит недолго.

«Для защиты своих жизненных интересов»

Желать истинной, т. е. с помощью кораблей, победы над полярными льдами, Россия должна еще в большей мере, чем какое-либо другое государство, потому что ни одно не владеет столь большим протяжением берегов в Ледовитом океане и здесь в него вливаются громадные реки, омывающие наибольшую часть империи, мало могущую развиваться не столько по условиям климата, сколько по причине отсутствия торговых выходов через Ледовитый океан. Победа над его льдами составляет один из экономических вопросов будущего северо-востока ЕВРОПЕЙСКОЙ России и почти всей Сибири, так как лес, хлеб и другие тяжелые сырые материалы отдаленных краев могут находить выгодные пути сбыта у себя в стране и во всем мире только по морю. Но и помимо большого экономического значения, военно-морская оборона страны должна выиграть, когда можно будет — без Суэцкого или иных каналов теплых стран — около собственных своих берегов переводить военные суда или хотя бы их часть из Атлантического океана в Великий и обратно, ибо Россия там и тут должна держать сильный флот для защиты своих жизненных интересов.

III. РАЗМЫШЛЕНИЯ О БЛАГЕ НАРОДНОМ

«Люди, проповедующие
надобность «упроститься»,—
«прут против рожна»

Мне не хочется вдаваться в рассмотрение той слащавой мысли, что первым условием «блага народного» должно считать довольство первичными потребностями, т. е. сохранением лишь тех из них, которые возникли по совершенной необходимости: пищи, одежды, жилища и некоторых духовных надобностей. Не хочется мне этого делать уже по той причине, что, долго живши, я слышал речи подобного рода только от лиц с очень сложными потребностями, больше всего от литераторов, и никогда их не слышал ни от людей, которых привыкли называть средними или обычными, среди которых идет жизнь, ни от тех, кого называют простонародьем. Я готов согласиться с тем, что еженедельное посещение театра составляет роскошь, в которой возможно сокращение, а не настоятельную потребность; но никак не могу считать за излишек современной жизни пароходы или железные дороги, хорошее освещение, теплое жилье и целую массу других народившихся потребностей. Для меня, как реалиста, сложность народившихся потребностей, для удовлетворения которых столь необходимы фабрики и заводы, так же естественно возникла из умножения народонаселения... как и все развитие просвещения, и я полагаю, что люди, проповедующие надобность «упроститься»,— «прут против рожна».

«Народное благо определяется
не уменьшением, а возрастанием
количества и качества желаний
и потребностей»

Личное благополучие или счастье определяется с материальной стороны мерою развития желаний и возможностью их удовлетворения. На низшей ступени, как у дитятей, удовлетворение потребностей столь внешних, как пища, кров и одежда, исчерпывает все материальные желания. На высшей же—нет границ росту желаний и потребностей. Народное благо прежде всего определяется не уменьшением, а возрастанием количества и качества желаний и потребностей. И это, мне кажется, незачем доказывать по очевидности. Те, кто с Буддою проповедуют нищенство для личного благополучия, не видят того, что при этом упускается все общее и прежде всего сохранение самобытности народной и развитие просвещения и связанных с ним добродетелей. Вот если отрицать эту связь, вот если верить, то рай сзади, а не впереди, вот если забывать плач отцов, матерей и семей, когда гибли люди в прежние периоды жизни государств, что видно из доказанного в статье о народонаселении малого прироста людей в прежние периоды истории, наконец, вот когда не верить в связь между просвещением и улучшением человечества,— вот тогда можно проповедовать благо нищенства не по той логике, что дождя не идет, если зонтик в углу, а по той, которая показывает действительное улучшение нравов и всей государственной жизни по мере развития просвещения.

«Все дается—только труду»

Необходимость усложнить первичную сельскохозяйственную деятельность иными видами промышленности (индустрию)— для роста всего народного благосостояния, богатства и силы, свободы и порядка, образованности и трудолюбия— всего более относится к народам северным, подобным нашему русскому, у которых для сельскохозяйственного труда назначается лишь малая часть года. Те, кто ратует за исключительное преобладание у нас сельского хозяйства, не чувствуют того, что они стоят за ограничение приложения труда к деятельности на общую пользу. Труд в других областях промышленности прежде всего характерен тем, что он может быть приложен в течение круглого года, а количеством производимого труда или существующих потребностей людских определяется сумма народного богатства, а с нею и вся сумма образованности и других видов современного благосостояния народного. Как бы ни развивалось наше сельское хозяйство, как бы ни умножалась его интенсивность, все же трудом, относящимся к земледелию и скотоводству, нельзя занять ни преобладающей

массы русского народа, ни даже сколько-нибудь значительной его доли в зимние месяцы, и сельскохозяйственный труд в странах умеренного пояса всегда остается преимущественно страдальным, т. е. усиленным только в течение сравнительно небольшого времени, оставляя массу его совершенно свободным от необходимых трудовых занятий, определяющих в конце концов своим количеством величину народного благосостояния. Сотни раз надо повторять и всегда помнить, что все дается—только труду.

«Личность приобретает
новый вес...»

Замереть России—гибель. Ее удел поэтому все двигаться вперед, и составленное историческое имя ей должно удерживать на должной высоте, пользуясь для того своевременно ясными уроками истории окружающих народов Востока и Запада.

Однако так как не история в ее развитии составляет цель моей статьи, а только именно указание ее уроков по отношению их к развитию промышленности, то прямо перехожу к тем выводам, которые в этом отношении сложились в моих мыслях.

Когда кочевой период кончается, то, как всякому известно, начинается вместе с оседлостью земледельческое развитие страны. Тогда народ еще не крепко сидит на земле, ищет лучшего, формируется, и это действительная эпоха юности народной: тогда слагается и мысль, и песня, и история— в ее зачатке. Но вот дошли до края—идти некуда или надо рисковать всем нажитым. Тогда земля закрепляется как за народом в целой массе, так и за отдельными владельцами земельных участков. Это конец юности, эпоха критическая и в физическом и в духовном смысле. Потому в физическом, что тогда надо оставить привычку мевать землю, изъезженую сохою и серпом, на новую, надо научиться из истощенной земли, из земли определенного, ограниченного размера, извлекать все условия для нарастающего поколения, надо сломить дремоту прежнего порядка, заменить его порыв упорным трудом, без которого, хозяйничая по-старому, не получить прежнего урожая, как бывало в старину, все со свежей земли. Такая смена дается нелегко. Но еще труднее и во много раз опаснее необходимое духовное преобразование. Вместо того, чтобы видеть только общее и крупное, становится тогда необходимо вникнуть в мелочи частностей; тогда надобно сменить прозорливость передовых, за которыми все шло, как стадо, благообразную осмотрительностью каждого, тогда становится надобным разобрать, что уже нельзя оставаться безответственным в общем деле; судьба народа тогда становится в особую зависимость от деятельности, инициативы и энергии многих, если еще не всех. Тогда личность приобретает новый вес, какого до тех пор не имела. Каждый ум тогда должен быть себе господином и должен разучиваться свои беды сваливать на других; весь строй своих мыслей и привычек тогда приходится сменять.

«На славу науки
и на пользу России»

Из докладной записки
Д. И. Менделеева
С. Ю. Витте.

Прошу дать мне возможность распорядиться «Ермаком», начиная с июня 1902 года, с тем условием, чтобы иметь право остаться во льдах в случае надобности на всю предстоящую зиму. Капитан и все служащие ледокола должны быть об этом заранее предведомлены. Для того, чтобы явно показать, что, по моему мнению, зимовка будет решена лишь при настоятельной надобности и не представляет особых опасностей, я предполагаю взять с собою своего сына, кончающего ныне курс гимназии. Ни мне по моим старым годам, ни моему сыну—по необходимости продолжать учение—не подходит зимовка, и если я прошу предведомить об ней команду, то лишь на тот случай, когда крайняя надобность и прямая польза дела покажут в том необходимость. Если эта крайность произойдет, то я жду большой пользы от зимнего пребывания «Ермака» во льдах, так как надеюсь за это время испытать его способность при помощи взрывов передвигаться даже в зимние холода, то есть надеюсь добыть материал для суждения о возможности прохода Ледовитым океаном зимою... Завоевав себе научное имя, на старости лет я не страшусь его посягнуть, пускаюсь в страны Северного полюса... Ведь мной руководит лишь надежда на конце жизни

еще послужить на славу науки и на пользу России в таком предприятии, где приобретенный опыт в жизни и науке найдет полное применение.

«Человек, его сознание и разум
только доли целого...»

В древности пейзаж не был в почете, хотя существовал. Даже у великанов живописи XVI столетия пейзаж если был, то служил лишь рамкою. Тогда вдохновлялись лишь человеком, даже богов и бога выражали человеком! В человеке одном находили бесконечное и божественное, вдохновляющее; тогда поклонялись уму и духу людскому. В науке это выразилось тем, что ее вешном служили математика, логика, метафизика, политика. В искусстве людское самообожание выражено в том, что художников занимал и вдохновлял человеческий образ. Думаю и пишу, однако, не против математики, метафизики или классической живописи, а за пейзаж, которому в старине не было места. Время сменилось. Люди разуверились в самобытной силе человеческого разума, в возможности найти верный путь, лишь углубляясь в самих себя, в людское, становясь аскетом, или метафизиком, или политиком, и было понятно, что, направляя изучение на внешнее, попутно станут лучше понимать и себя, достигнут полезного, спокойного и ясного, потому что к внешнему можно отнестись правдивее. Стали изучать природу, родилось естествознание, которого не знали ни древние века, ни эпоха Возрождения. Наблюдение и опыт индукции мысли, покорность неизбежному, его изучение и понимание скоро оказались сильнее, и новее, и плодотворнее чистого, абстрактного мышления, более доступного и легкого, но не твердого, свертывающего поминутно даже с верной дороги на лживую. Стало понятно, что человек, его сознание и разум только доли целого, легче постигаемого во внешней, чем во внутренней людской природе. Пришлось из царского своего величия потерять кое-что, выгадывая в правде и силе. Природа стала не рабом, не рамкой—подругой, равной человеку, женою мужу! И, мертвая, бесчувственная, ожила пред глазами людей. Нашлось везде движение, во всем запас энергии, везде высший, естественный разум, простота и целесообразность или красота внутреннего смысла. Венцом знания стали науки индуктивные, опытные, пользующиеся знанием внешнего и внутреннего, помирившие царствующую метафизику и математику с покорным наблюдением и с просьбою ответа у природы.

«Труд есть дело
чисто человеческое»

Поэтому-то... труд совсем не связан прямо с работой, понимаемой в механическом смысле, хотя, в сущности говоря, без доли работы никогда не обходится. Во всяком случае под трудом должно понимать нечто потребное или необходимое и спрашиваемое людьми, считая в том числе и того, кто трудится, главное же в труде—отсутствие неизбежной необходимости, то есть для него нужен особый толчок собственной, личной воли (волевой импульс), хотя бы и напряженной под влиянием самосохранения, любви к ближним и т. п. прирожденных и бессознательных интересов. В труде уже содержится понятие о свободной воле; к работе можно принудить, к труду же люди приучаются только по мере развития самосознания, разумности и воли. Работу могут производить и ветер, и вода, и животные, труд же есть дело чисто человеческое, выражающееся не только внешним, так сказать, физическим результатом, но и внутренним, так сказать, духовным способом, особенно влиянием на волю других людей.

«Истина сама по себе
имеет значение»

Истина сама по себе имеет значение без каких-либо вопросов о прямой пользе. Польза есть дело суровой человеческой необходимости; а познание долей истины есть дело свободной человеческой любознательности и, по мне, все передовое и в конце концов важнейшее и даже полезнейшее этой людской склонностью прямо определяется. Поэтому я не жалел ни своего труда, ни еще большего труда своих помощников и сотрудников. Польза придет, отыщется без призыва, если истина будет находиться сама по себе, сама для себя. Таков завет науки, и, послужив ей, на исходе лет то же завещаю всем тем, которые ищут способов оставить после себя какой-либо след.

Анатолий Софронов
ШОЛОХОВСКОЕ

«В сердце и в памяти...»

Рассказывая о своих встречах с М. А. Шолоховым, о могучем влиянии его таланта на развитие советской литературы в новой книге «Шолоховское», вышедшей недавно в издательстве «Современник», известный советский писатель Анатолий Софронов не сковывает свое повествование рамками литературоведческого исследования... Книга эта — сплав современных жанров, от репортажа-новеллы до очерка-портрета, сплав собственно литературы и скрупулезной документалистики.

Фотографии Н. Козловского, иллюстрирующие текст, объединены в буклет в конце книги. Читатель, на одном дыхании просматривая интереснейшие снимки, как своеобразную киноленту, вновь вернется к ним, сверяя их с текстом, и внимание его будет страстным и долгим.

Такова вся книга «Шолоховское»: прочитав ее сразу, целиком, обязательно возвратишься еще и еще раз к отдельным главам и ко всей книге, ибо материал ее интересен и необходим.

Главы написаны Анатолием Софроновым в разные годы: 1957, 1960, 1964, 1972, 1974... — и то, что рядом с главой-очерком стоит дата, придает материалу книги весомость и объемную зримость.

Вот, например, отрывок из главы «Над бесценными рукописями «Тихого Дона», 1961».

«Никогда раньше не видел я рукописных страниц шолоховского романа, а сейчас вот держу их перед собой: черные, красные, синие, фиолетовые чернила, страницы, написанные карандашом, и страницы, отпечатанные на машинке. Все они с авторской правкой. Все они, пожелтевшие, испсанные густо с двух сторон, некоторые примятые и разорванные, кое-где с расплывшимися чернилами... И среди них — страница, на которой Шолохов описал гибель Аксиньи. Откуда взялась эта страница? Разве нашлась рукопись «Тихого Дона»? И вся ли она нашлась? Ведь известно, что во время войны пропал весь литературный архив Шолохова, находившийся в Вешенской.

Попробуем рассказать читателям, как все было».

А далее рассказ, простой и вместе с тем драматический, о том, как в 1942 году командир танковой бригады нашел в Вешенской странице одной из шолоховских рукописей, всю войну бережно хранил их в танке и в 1945-м поздней осенью вернул Михаилу Александровичу...

Анатолий Софронов рассматривает черновики Шолохова, вникая в творческую лабораторию писателя. Читаются эти страницы с захватывающим интересом.

Не менее знаменательна история создания цикла донских «шолоховских» пейзажей художником Борисом Щербаковым. Лирические отступления, диалоги, описания картин, отрывки шолоховской прозы, видение пейзажей глазами художника — вот материал, которым владеет и оперирует писатель в этой главе, названной им «Тихий Дон»...

Книга «Шолоховское» — живая биография выдающегося мастера советской литературы. Несомненно, она найдет множество читателей среди молодежи, которая особенно чутко улавливает увлекательное и значительное

Анна ПЕТРОВА

ПУБЛИЦИСТИКА

И сегодня с нами

Книгу А. Тишкова о Феликсе Эдмундовиче (издательство «Молодая гвардия») я стал читать с невольной придирчивостью: фактически это первое повествование о жизни и деятельности одного из самых выдающихся и самых героических вождей нашей партии, как назван Дзержинский в обращении ЦК и ЦКК ВКП(б) к народу в связи с его внезапной кончиной. Еще при жизни Дзержинского само его имя, даже у врагов, стало синонимом человека кристальной чистоты, честности, скромности, и любая фальшь в рассказе о нем равноценна отступлению от нравственных принципов самого Дзержинского. Прочитав книгу, с удовлетворением свидетельствую: буквально каждый эпизод может быть подтвержден документами и другими источниками, не вызывающими сомнений. Что не менее важно, в книге отражено главное. Точность, объективность исследователя дают основание утверждать, что читателю показан подлинный Дзержинский, без прикрас, — с юношеских лет, когда он в 1896 году ушел из последнего класса виленской гимназии, чтобы целиком отдать себя революционной борьбе, народу, и до последнего часа, когда он, бессменный председатель ВЧК — ОГПУ, председатель Высшего совета народного хозяйства, 20 июля 1926 года, превозмогая острую боль в сердце, успел на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) убедительно разоблачить программу троцкистов как антисоветскую, направленную на то, чтобы вбить клин между рабочим классом и крестьянством, нарушить единство партии. Уместно привести заключительные слова его последней страстной речи. В них выражена главная черта его характера: «...Я не щажу себя... никогда!.. Я никогда не кривлю своей душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них...»

Непримиримым ко всему, что чуждо, вредно, опасно для Родины, народа, и предстает Дзержинский перед читателем. Замечу, что воспитывать это качество начала его мать, Елена Игнатьевна, а завершил воспитание он сам в юности, придя к выводу, не без влияния изучаемых им произведений Маркса, Энгельса, Ленина, что иначе нельзя стать настоящим революционером, вообще человеком нового, социалистического мира, в наступлении которого он был твердо уверен. Решающим толчком в духовном развитии Дзержинского было личное знакомство с Лениным на IV съезде РСДРП, в 1906 году, переросшее в нерушимую дружбу. Читатель, и не только юный, еще решающий «сделать бы жизнь с ко-го», с пользой для себя узнает, что Дзержинский буквально повседневно, даже в тюрьмах и ссылках, упорно занимался самообразованием, нравственным самосовершенствованием, чтобы, как он говорил, прежде всего самому лучше быть, и уже к Великой Октябрьской социалистической революции стал человеком высокой и разносторонней культуры, к тому же обладающим неотразимым личным обаянием.

Да, Дзержинский никогда не щадил себя, но он всегда был очень чутко ко всем, независимо от занимаемой должности; личным примером показывал, что лишь тогда можно добиться успехов в труде, когда сам досконально изучишь порученное тебе дело, будешь повседневно совершенствоваться, углублять свои знания, не считаешь зазорным прислушиваться к знающим людям. Все работавшие с Дзержинским говорят, что он умел вдохнуть в душу каждого чувство личной ответственности, подсказать правильное решение, похвалить и поддержать инициативу, и каждый невольно стремился хотя бы немного походить на него, делал, казалось бы, невозможное. А Тишков ненавязчиво приводит читателя к выводу, что, собственно, эти личные качества — непримиримые качества коммуниста ленинской школы, вообще советского человека. Это действительно так. И книга о Феликсе Эдмундовиче, несомненно, будет способствовать воспитанию советских людей такими же кристально чистыми, честными, строителями коммунистического общества, стойкими и непримиримыми борцами с главным нашим противником — буржуазной идеологией.

Сергей АНАНЬИН,
полковник

ПОЭЗИЯ

Чувство Родины

Книга стихов Василия Шабанова «Ближние версты» (издательство «Молодая гвардия») о Родине, о ее природе, о труженике-современнике. Поэт вдох-

новлен красками бытия, в его поле зрения — мирная картина: «месяца копытце», спящая рыбацкая ладья, ясень, покрытый «алой кепочкой зари», светлые от позолоты хлеба...

В речевом строе Василия Шабанова — родство со стихией народного языка, сказок, былин. Потомок земледельца, он перенял от предков уважение ко всему жизни дающему, неизбывную любовь к земле-кормилице.

О неброской красоте родных приволжских мест, о рассветах и закатах, о тихой прелести полей, о своеобразности русских деревень Василий Шабанов писал пронзительно искренне, ощущая свое кровное с ними родство: «С каждой избою и тучею, с громом, готовым упасть, чувствую самую жгучую, самую смертную связь».

Сельский пейзаж дает поэту простор для осмысления вопросов высшего толка — отношения к истокам сущего, к настоящему и будущему, к миру вообще. Лирический герой поэзии Василия Шабанова далек от идиллической умиротворенности, не отделен от конкретности бытия. Он человек «ракетодомного века», он утверждает социальный смысл происходящих в жизни событий, переживая при этом сложную душевную перестройку. Ведь непросто это — «с цветами придорожными асфальт горячий примирить». Но вопрос: «Не мешают ли звонкие моторы расцветать негромкой красоте?» — для поэта скорее риторический. Человек и природа обретают гармонию в движении, в развитии — вот гражданское кредо поэта. Убеждение это пришло после раздумий об истории.

«Ближние версты» — третий сборник Василия Шабанова, поэта, чья жизнь и поэтическая судьба трагически оборвались в самом расцвете. Руслу его поэзии суждено было и углубляться и расширяться. Но уже и эта книга свидетельствует о том, как бескомпромиссно подходил поэт к смыслу творчества, какие ответственные и общественно значимые темы поднимал. И еще: сколь важным, первостепенным делом было для него слово.

Мы на грани больших стихов.
Будем мы. Или будет кто-то.
Но идет и идет работа
Накопленная великих слов.

Лиана ПОЛУХИНА

ПУБЛИЦИСТИКА

Проблемы пятого поколения

Если придерживаться терминологии западногерманской высшей школы, Л. Стржижовский — автор книги «Деньги-господа» (издательство «Знание») был хабилитантом Мюнстерского университета. Молодой советский специалист гуманитарий приехал в ФРГ по программе культурного обмена

и около года занимался в университете Мюнстера, собирая материал для научной работы. Одним из итогов этого знакомства с жизнью западногерманского студенчества и явилась его книга — публицистическое осмысление увиденного.

Внимательно вглядывается автор в пятое послевоенное поколение западногерманского студенчества. Ушли в прошлое времена, когда первые два поколения в основу своей «политической» платформы клали критику качества блюд в университетских столовых. Мировал этап третьего поколения, когда у студентов наметился разлад с действительностью. Но только четвертое поколение в шестидесятых годах сумело определить свои требования, придав им по-настоящему политический характер. И, наконец, сейчас на сцену вступило поколение пятое, которое с особой силой испытывает на себе духовную и моральную эксплуатацию монополистического капитала. Поколение, на которое необычайное влияние оказывают марксистский студенческий союз «Спартак» и Социал-демократический союз студентов высшей школы, выступающие с общей политической платформой.

Сложна и пестра политическая палитра западногерманского студенчества, по сути дела, отражающая расстановку сил во «взрослых» политических, классовых партиях ФРГ. Ритуальные корпоративные собрания студентов, принадлежащих к зажиточным слоям общества, помпезные церемонии, на которых царит атмосфера консерватизма, неуемной тоски по былым временам, где, кажется, вот-вот запоют «Германия превыше всего», пусть только подает знак председатель. Все это происходит, так сказать, с одной стороны. А с другой — пятидесятилетний митинг в Бонне, приветствовавший визит в ФРГ Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, и приветственная телеграмма в его адрес, которую вместе с Германской коммунистической партией подписали и ведущие студенческие организации страны. Яростные выступления отдельных группировок против «восточной политики» ФРГ. И одновременно — массовая студенческая кампания за признание Германской Демократической Республики и ратификацию договоров с Советским Союзом и Польской Народной Республикой.

Автор книги «Деньги-господа», оказавшись внутри бурлящего котла, сумел детально разобраться во всех красках политической палитры западногерманского студенчества, установить их качественные и количественные соотношения, четко объяснить позиции всех основных студенческих организаций. Отсутствии общих рассуждений, обилие фактов, почерпнутых из личного общения с представителями различных слоев студенчества, и делают работу Л. Стржижовского весьма полезной и интересной.

Эта емкая контрпропагандистская книга, содержащая глубокий анализ жизни современной молодежи ФРГ, помогает советскому читателю ясно представить те процессы, какие происходят ныне в среде молодежи стран развитого капитализма. Процессы, сочетающие в себе растущую революционность новых поколений и одновременно более строгую поляризацию прогрессивных и реакционных течений среди студенчества, которое буржуазные идеологи стремятся представить как однородную массу, «абстрактно недовольную» лишь в силу возрастного признака.

Анатолий САЛУЦКИЙ

И СТРОЙ СОМЖУЛСЯ

Перевел с немецкого Леонид ГАРЯЕВ

Хосе вскочил полусонный, с тяжелой головой. За окном плотным черным пологом висела ночь. Приснилось ему или...
— Хосе, Хосе Аревало!—Голос послышался снова, приглушенный, но настойчивый. И стук в оконное стекло.

Что там такое? Почему, черт побери, они не оставляют его в покое даже ночью?

— Тише, это я, Антонио.

— Какой там Антонио? Убирайся к дьяволу!

— Это я, я. Открывай, да поскорее.

Голос дошел наконец до сознания, отогнал сон. Хосе выскочил из постели и рванулся к двери.

— Антонио, ты?

В комнату неслышно скользнула тень.

— Стой, не включай свет.

— Что, снова прибыл транспорт оттуда?

— Нет, обошлось без транспорта.

— Значит, тебя одного пригнали?

— Да нет же, никто меня не пригонял.

Хосе не понимал или понимал еще не все, но в сознании его мелькнула догадка, что может означать этот ночной визит, и в нем разыгрался страх, пронизывающий до костей, холодный страх. Позади скригнули нары. Проснулся Ортис. Но ни тот, ни другой не слышали этого.

— Каким образом ты оказался здесь?

— Чтобы выручить тебя. Меня послали товарищи.

В наступившей тишине Хосе слышал, как Антонио чиркал спичкой, увидел, как он, тщательно прикрывая ладонями маленький огонек, поднес его к лицу.

— Можешь убедиться, что это на самом деле я.

Еще не вполне доверяя себе, Хосе в упор смотрел на пришельца. Глаза Антонио были устремлены прямо на него, требовательные, испытующие, и Хосе не выдержал, опустил взгляд.

— Садись и рассказывай.

В темноте он пододвинул Антонио стул, радуясь, что спичка погасла и помогла скрыть страх.

— Мы здесь одни?

Только сейчас Хосе вспомнил об Ортисе.

— Есть тут еще один товарищ, учитель. Можешь говорить спокойно.

— Расписывать особенно нечего. В общем, ты нужен нам, Хосе, нам, семи тысячам горняков. Мы снова возродили профсоюз. Было трудно, но своего добились. Руководство находится в подполье. Но у нас нет человека, который мог бы возглавить его. Человека, которому доверяли бы горняки. Речь может идти только об одном. О тебе.

Хосе явно избегал прямого ответа.

— Что еще нового там, у вас, на воле? Мы здесь уж столько месяцев не имеем вестей оттуда, с копей.

«Там... у вас... мы здесь». Антонио ощутил эти слова, как стенку, возникшую между ним и товарищем. Они прозвучали так, словно Хосе больше ничего не связывало с угольными копами, словно он чувствовал себя здесь, в лагере, как дома. И Антонио не без труда отогнал это неприятное ощущение.

— Дела неважны. Куда ни плюнь—полицейский, а за ним еще шпик. Чуть не каждый день аресты. Некоторые колеблются, теряют веру в дело. Но если собрать все силы, ничего они нам не сделают. Шахтеры исходят яростью. Поверь, как один, пойдут на стачку, если возьмемся хорошенько. Не хватает только знамени. Будь этим знаменем! Тебя они знают. Тебе поверят.

— Хромоногое знамя!—Хосе горько улыбнулся.

— Но ты так и не сказал, пойдешь ли на это.

Хосе и на этот раз уклонился от ответа.

— Каким образом собираетесь вы вызвать меня отсюда? Лагерь охраняется. Удивительно, что тебя часовые не сдавали.

— Рассчитано все. Слушай. В десяти километрах к югу от лагеря три ночи подряд будет ждать лодка. Переключка у вас в шесть вечера. Как только стемнеет, мы выскользнем и не

позднее чем к часу ночи доберемся до места. Ход у лодки хороший, так что к восьми должны прийти к Икике. В девять оттуда отправляется самолет в Сантьяго. К следующей переключке ты будешь за тысячу с лишним километров от Писагуа. И для дальнейшего пути, вплоть до самых копей, все подготовлено. ...Мы...—Антонио осекся, вспомнив, что их слушает еще кто-то. Лишнего ему знать не следовало, будь это хоть сто раз надежный товарищ.—Словом, предусмотрена каждая мелочь,—закончил он.

Он ждал ответа. Но Хосе только проронил:

— Слишком просто ты все себе представляешь.

Странно, казалось, он не испытывал радости, узнав о возможности вырваться из лагеря.

— Найдется здесь немного воды?—спросил Антонио.

— Погоди, сейчас завесим окно и зажжем свет.

При тусклом свете свечи Антонио смог в первый раз по-настоящему рассмотреть Хосе. Выглядел тот скверно. Нельзя было не обратить внимания на то, как он волочил ногу, направляясь в угол, к бачку с водой. Крепко ему, выходит, досталось во время допроса. Но ведь никого не выдал. Надежный товарищ.

Антонио достал из мешка банку и пакет, развел гущенное молоко в воде, накрыл сухарей и стал медленно жевать.

— Угроздило меня подцепить какое-то желудочное заболевание,—пояснил он, уловив удивленный взгляд Хосе.—Врач говорит, что питаться надо только молоком и кашей. Даже потрошить собирается, хотел учинить это почти месяц назад.—Лицо его, обросшее черной щетиной, вытянулось в усмешку.—Так что, видишь, надо поскорее давать тягу отсюда, чтобы я не успел попасть под нож к этим коновалам.

Только теперь Хосе заметил, как сильно изменился Антонио за прошедший год. И седины в волосах раньше не было, да и странный блеск в глазах не просто отражал огонек свечи: Антонио был болен, тяжело болен.

— Возьмите меня с собой...

Оба испуганно обернулись. Ортис сидел на краешке своих нары и неотрывно смотрел на товарищей.

— Возьмите меня. Бежать одному или двоим—не все ли равно?... А мне необходимо вырваться отсюда, увидиться с женой.

«Вот тебе и раз!—пронеслось в голове Антонио.—Надо было говорить с Хосе без свидетеля...»

Хосе вполголоса объяснил положение, в котором оказался Ортис.

— Жаль, конечно, парень, но ничего из этого не выйдет,—сдержанно сказал Антонио.

— Почему? Я ведь тоже хочу там, на воле, работать для партии, хочу стать хорошим коммунистом. Мне непременно надо туда, домой.

— К жене так или иначе явиться не сможешь. Живо заграбастают снова.

— Хоть иногда бы украдкой видеть ее! Я мог бы жить под чужим именем, найти работу и посылать ей деньги. Должен же я помогать ей!

— Невозможно это, говорю я тебе.—И Антонио терпеливо объяснял:—Если из лагеря исчезнете вы оба, это сразу бросится в глаза. Заметят еще до следующей переключки, и нас схватят по дороге. Да и лодка слишком мала, даже при легком ветре не доберемся до места. И, кроме того, мы не принимали тебя в расчет на всем пути нашего следования—ни в Икике, ни в Сантьяго для тебя не приготовлено ничего, начиная с жилья.

Но Ортис упорно стоял на своем.

— Бежать одному или вдвоем—все равно,—повторял он.—Вы просто не хотите взять меня.

Переубедить его было невозможно.

— Через час рассветет, тебе нельзя оставаться здесь,—обеспокоенно заговорил Хосе, обращаясь к Антонио.

— Спрятать вы меня сможете?

— В доме нигде.—Хосе указал на голые стены.—Но на побережье я знаю одну пещеру. Там тебя не увидит никто. А вечером, как только все кругом утихомирится, я приду за тобой.

Прежде чем Хосе успел погасить свечу, Антонио, бросив взгляд в сторону учителя, увидел большие темные глаза, в которых читалось что-то похожее на ненависть.

— Ортис слышал тихий скрип двери, затем шепот и быстро удаляющиеся шаги. Как это говорил сержант? «Агитаторы—люди, профессия которых сеять смуту, которые тянут в болото других и, ни секунды не колеблясь, оставляют их в лагере, если сами получают возможность выйти на свободу». Этот Антонио был свободен, Хосе мог выбраться на волю, а он, Ортис, чем хуже обоих? Он вспоминал, что еще говорил сержант. «Эти люди не стоят того, чтобы вы чем-то жертвовали для них, вы, интеллигентный человек...» Думать дальше было страшно.

Хосе и Антонио стояли у моря. Побережье здесь было крутым, скалистым, испещрено расселинами и потому с трудом просматривалось.

— Вот пещера. Открыта она только в сторону моря и немного сыровата, да и невелика к тому же. Зато здесь ты в безопасности. Не выходи, пока я не приду за тобой.

Антонио недоверчиво оглядывал небольшую черную дыру у своих ног. Позади слышался сердитый шум моря. Оно могло быть нежным, как шелк, у пологого берега, где ничто не противостояло его силе. Но беда, если наталкивалось на сопротивление. Тогда оно ярилось, катило на своей спине высокие водяные горы, обрушивало их на сушу, стремясь разбить, разломать ее и скрыть под собой. Антонио видел серебристый блеск водной глади, слышал, как валы с ревом разбиваются о скалы, ощущал дрожание, пробегавшее по камню. Ветер бросал ему в лицо брызги соленой пены.

— Ничего, выдюжу в этой квартирке. Охлаждается она неплохо.

Хосе подождал, пока Антонио скрылся в темном отверстии.

— Слушай!

— Что?—Антонио высунул голову.

— Насчет учителя не беспокойся. Я поговорю с ним. Ничего, образумится, парень он хороший, только немного свихнулся из-за жены.

Хосе пробирался обратно, словно черная тень в непроглядной темной ночи. Он старался ступать медленно, как можно осторожнее, мысли же его проносились стремительно, как бы набегающая одна на другую. На угольных копиях его ждали семь тысяч горняков. Он должен был стать знаменем, и они пошли бы за ним. Хорошая мысль, мысль, от которой можно воспрянуть, которая снова делала его почти таким же, каким он был прежде. Но только почти, потому что к ней примешивались воспоминания о полицейском комиссаре, о звукоизолирующей камере, в которой проводились допросы, об ударах. Удары! Почему человек так слаб? Если бы он мог поверить в свои силы! Если бы Хосе поверил, что есть на свете люди, способные выдержать то, что ему предстояло взвалить на себя! Тогда бы он вынес, принял на себя все.

Антонио сидел в своем убежище, постелив на сыроватую землю какой-то старый мешок, и поглядывал на темное море. Черт побери, он просто не представлял себе этого дела, точнее, не предвидел, что оно так может обернуться.

Визывал озабоченность Хосе. Год, проведенный в лагере, заметно изменил его не в лучшую сторону. И, как знать, не ошиблись ли они, принимая решение. Тот ли он теперь человек, который им нужен? Придать же ему мужества, вернуть былую уверенность в своих силах... Но как? Как?

Начинался рассвет. Черные гребни волн стали серыми, потом бутылочно-зелеными. Со своего места Антонио видел маленький отрезок бледно-голубого неба и три-четыре черные скалы, о которые в белую пену разбивался прибой. Море выглядело, как сказочный ведьмин котел, в котором плавали прочно сплетенные поляны вырванных волнами водорослей.

До слуха Антонио донесся пробившийся сквозь плеск волн новый, инородный шум. Кто-то сюда подходил. Пришлось крепче прижаться к стене маленькой пещеры. Хорошо, что здесь так темно, и снаружи его, конечно, не видно. И тут показался нарушитель спокойствия, человек в холщовых штанах, с удочкой, переброшенной через плечо. Скорее всего заключенный, прибывавший сюда ранним утром, чтобы хоть немного скрасить скудное арестантское довольствие.

Антонио с интересом наблюдал, как пришелец пробирался по скалам. То прыгал, то вынужден был ползти и, наконец, достиг последней, дальше остальных выдававшейся в море, метрах в двадцати от пещеры.

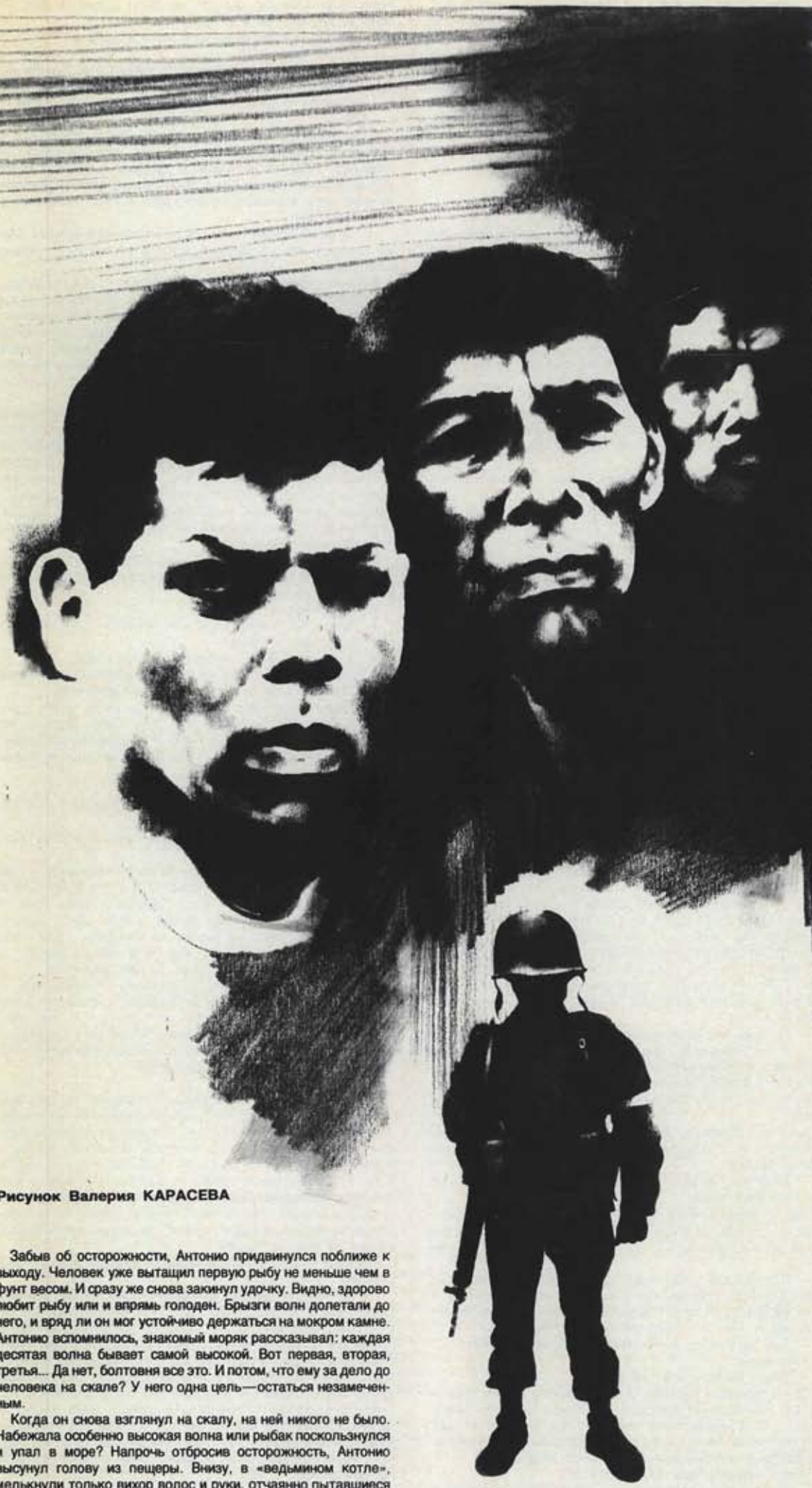

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Забыв об осторожности, Антонио придвинулся поближе к выходу. Человек уже вытащил первую рыбу не меньше чем в фунт весом. И сразу же снова закинул удочку. Видно, здорово любит рыбу или и впрямь голоден. Брызги волн долетали до него, и вряд ли он мог устойчиво держаться на мокром камне. Антонио вспомнилось, знакомый моряк рассказывал: каждая десятая волна бывает самой высокой. Вот первая, вторая, третья... Да нет, болтовня все это. И потом, что ему за дело до человека на скале? У него одна цель — остаться незамеченным.

Когда он снова взглянул на скалу, на ней никого не было. Набежала особенно высокая волна или рыбак поскользнулся и упал в море? Напрочь отбросив осторожность, Антонио высунул голову из пещеры. Внизу, в «ведьмином котле», мелькнули только вихор волос и руки, отчаянно пытавшиеся справиться с бешено ревущим потоком. Потом исчезли и они, появились несколькими метрами дальше, и прихлынувшая волна выбросила тело на скалы. Сквозь шум прибоя Антонио, казалось, услышал глухой звук удара и в ужасе закрыл глаза.

Страхнуть с себя оцепенение и рвануться из пещеры его заставил еле различимый крик. Человек еще плавал. По лицу его текла кровь: должно быть, расшиб лоб. Он смотрел прямо на Антонио, чуть не наполовину вылезшего из пещеры, тянул к нему руки, отделенный какими-нибудь десятью метрами, но там, в белом, бурлящем месиве прибоя.

Антонио торчал в своей дыре, как прикованный. Человек видел его. Если он выберется оттуда, из «ведьминого котла», что будет тогда? И кто он такой?

Снова набежала высокая волна, и на этот раз на поверхности появилась только голова. Тело, скрытое под водой, мощный поток увлекло в глубину. Видны были лишь темный перепутанный вихор и широко раскрытый рот. Но и они могли исчезнуть через секунду.

«Мое задание... Я не имею права обнаруживать себя», — по-

думал Антонио. Но тут же вскочил на ноги, окинул глазами берег. Да, там, между скалами... выемка. Если бы удалось втянуть туда утопающего... И тут же голову Антонио бледной прозеленью захлестнула вода.

От холода, казалось, замерло сердце. Волна схватила его, высоко подняла, ударила о дно и едва не выбросила на скалы. Но, прежде чем накатилась новая, Антонио был уже около неизвестного, схватил его под руки и стал править к выемке.

Слишком поздно... Его снова увлекло потоком, поднимало и бросало на черную, поблескивавшую от воды стену. Но он не отпустил ослабевшее, размякшее тело; упершись ногами в камни, задержал дыхание и стиснул зубы. Вода обрушилась, как гигантский кулак, швырнула в лицо водоросли, забила нос и уши. Но ясность мысли не утрачивалась ни на секунду, и раньше, чем подоспела очередная волна, цель была достигнута: оба находились в спасительной выемке.

Антонио вытащил безжизненное тело на камни, правда, только наполовину — на большее не хватило сил, — и сам, тяжело дыша, опустился рядом.

Со стороны лагеря послышались крики. Возможно, кто-то видел, как человек упал со скалы.

Антонио был слишком обессилен и не мог пошевелить даже пальцем, только с трудом переводил дыхание.

Минуту позже его окружили трое заключенных... Оборванная одежда, голодные лица, суровые взгляды.

— Вытащил ведь! — воскликнул один.

— Ну и дурак! Нисколько не было бы жаль этого живодера!

Ни один из них не сдвинулся с места, чтобы помочь спасенному, вытянуть его ноги из воды, вытереть кровь на лице. Смотрели с холодным, деловитым любопытством, не вынимая рук из карманов: утро было прохладным. Кто-то склонился к Антонио:

— Здорово ты наглотался воды?

— Нет, ничего. Уже становится легче.

— Знаете вы его? — спросил заключенный товарищей.

Один из двоих только передернул плечами. Другой ответил:

— Должно быть, из новеньких. Иначе не стал бы вытаскивать из воды сержанта.

— Ну, для новенького у него слишком мало жира на ребрах. Видно, пробыл здесь не меньше двух месяцев. Только как я его до сих пор ни разу не видел?

Приходя в себя, Антонио осознал, где находится, и первой мыслью было: сейчас же, в продолжение секунды, надо убираться отсюда. Со стороны лагеря уже бежали полицейские, прыгая через камни, как большие двуногие козлы. Вот-вот они будут здесь. С трудом поднявшись на ноги, Антонио пробормотал что-то насчет мокрой одежды и укрылся за скалами.

Совсем рядом хриплыми голосами выкрикивались приказы. Полицейские, боясь промочить ноги, орала на заключенных: надо же было наконец вытащить из воды сержанта. Все были слишком заняты, чтобы думать о неизвестном спасителе.

Боясь хоть чем-нибудь выдать себя, Антонио отполз подальше. Одежда прилипла к телу, он дрожал от холода и возбуждения. Только бы не схватил сейчас приступ! Мешок, а в нем и лекарство, остался в пещере. Но уже чувствовался противный вкус гнили во рту, начинались судороги в желудке. Оставалось только, скорчившись, неподвижно лежать между камней и до крови кусать губы, чтобы не застонать.

Приступ медленно проходил или, во всяком случае, давал передышку, и Антонио мог трезво обдумать свое положение. Что теперь будет с планом побега? Все, все испортил он своей дурацкой выходкой. Куда сейчас? На берегу оставаться опасно, в пещере тоже. Пробраться в какой-нибудь из домов? Но можно угодить к черту в пекло. Нет, надо идти к Хосе, через лагерь. Лучшего выхода не оставалось.

Боли начались снова. Антонио выждал две-три минуты. Потом встал и со сжатыми зубами, не глядя ни налево, ни направо, зашагал через лагерь. Он чувствовал на себе взгляды, любопытные, испуганные, подозрительные, но шел, смотря прямо перед собой. На его счастье, из-за происшествия с сержантом все охранники были собраны к конторе лагеря. Антонио нажал дверную ручку, увидел искаженное страхом лицо Хосе, поднявшегося с нар, пошатнувшись, шагнул вперед и после этого не видел больше ничего. Сразу отошла боль, вокруг ступила темнота, которая будто приняла его в свои руки, как мать сына.

Не один час потребовалось на то, чтобы Педро Суарес, сержант чилийской полиции, снова обрел свои пять чувств. Еще через несколько часов он с перевязанной головой сидел за столом перед тарелкой с жареной рыбой. Врач предписал легкую пищу, подозревая сотрясение мозга. Но рыба не шла в горло сержанту. Это была та самая, которую он поймал сам, перед тем как свалиться в трижды распрямленное море. И когда его доставляли в лагерь, один из заключенных нес эту рыбку впереди, как трофей.

Не повезло так, что у любого бы настроения испортилось. А впереди еще рядовитые замечания господина коменданта, которому сегодня придется докладывать о происшествии. «Видите, Суарес, недаром я всегда вам говорил: оставьте свои глупости. Из-за того, что у вас в голове одна рыбалка, теперь на этой самой голове приходится носить повязку». Примерно так выразится господин комендант. Что касается саркастических тирад, то на них он большой мастер, не то что по части работы, которую вечно взваливает на подчиненных.

И еще одной причиной скверного настроения сержанта был

Уважаемые товарищи!

Центральный комитет Димитровского коммунистического союза молодежи сердечно приветствует редколлегию и коллектив журнала ЦК ВЛКСМ «Смена» и высказывает им глубокую благодарность за специальный номер журнала, посвященный нашему Димитровскому комсомолу.

Мы приветствуем инициативу журнала «Смена» рассказать последовательно на своих страницах о деятельности союзов молодежи социалистических стран и считаем, что она является своевременным, ярким проявлением интернационального характера социалистической молодежной печати.

Мы хотим также от всего сердца выразить наше удовлетворение и признательность за то, что началом этой серии материалов является вдохновенный рассказ о жизни и делах Димитровского комсомола.

Со страниц журнала к советскому читателю обращается с мудрыми, взволнованными словами руководитель нашей Коммунистической партии и социалистического государства, большой друг болгарской и советской молодежи тов. Тодор Живков. Слова Первого секретаря ЦК БКП к ленинским комсомольцам — это слова, исходящие из сердца каждого молодого болгарина.

Дорогой товарищ Лиханов!

Я получила высланный Вами журнал «Смена» — декабрьский номер 1975 года, посвященный Димитровскому коммунистическому союзу молодежи и Болгарии, и Ваше письмо, адресованное мне, за что сердечно благодарю Вас. Я внимательно просмотрела все материалы, помещенные в этом специальном номере. По моему мнению, творческий коллектив журнала «Смена» прекрасно осуществил свою идею выпустить номер целиком «болгарский», притом реализованный в контексте такой актуальной темы нашей современности — болгаро-советской дружбы. Эта дружба, рожденная и выношенная в сердцах двух народов через глубины веков, ныне скреплена нерушимым братством и единством КПСС и БКП и успешно развивается по пути все более полной и динамической интеграции во всех областях жизни. Особенно нас радует факт, что факел болгаро-советской дружбы сегодня горит

Уважаемые товарищи! Разрешите представиться. Я читатель журнала «Смена». Мне 23 года, учусь в коммунально-строительном техникуме города Нальчика.

Поделись своим мнением о журнале. Я, пожалуй, буду прав, сказав, что на страницах «Смены» можно найти много интересных и содержательных литературных произведений, статей, репортажей, очерков, информации из зарубежной прессы и т. д. Обстоятельно ведется разбор и обсуждение писем читателей. Мне особенно запомнился очерк «Операция Парус» — о международном сборе учебных парусных судов в Копенгагене, в котором участвовали советские барки «Крузенштерн» и «Товарищ». И, конечно, не могла не понравиться статья Константина Бескова «Верю в футбол».

И вот еще новшество. 23-й номер журнала был посвящен Народной Республике Болгарии и авангарду молодого поколения этой страны — Димитровскому коммунистическому союзу молодежи. Это, несомненно, новый нужный шаг в деле развития и укрепления связей между юношами и

Здравствуй, дорогая редакция!

Сегодня на страницах вашего журнала прочитала заметки Виктора Розова «Прикосновение к войне».

Я принадлежу к молодому поколению, знающему войну по книгам, фильмам, рассказам очевидцев, а вот мой отец сам прошел всю войну. Много, очень много прочитала я книг об этих страшно трудных и решающих годах в жизни нашей страны. И я в какой-то степени могу представить все трудности и невзгоды войны. Зная о великих, неисчислимых подвигах наших отцов, мы, их дети, можем объяснить себе причину их героизма, дать теоретическое обоснование народному подвигу. Но каково было им, людям, совершающим героический поступок! Отдать жизнь, одну-единственную, свою жизнь... Одно дело — слышать об этом, другое — сделать, но ведь люди совершали подвиги, отдавали свои жизни, не думая о вечной памяти, о бессмертии. Да, понять все это, прочувствовать нам, их потомкам, нужно! Я, наверное, отяжелела. Мне хотелось написать о заметках В. Розова «Прикосновение к войне». Какая глубина мысли, какая точность в передаче пережитого, передуманного! Как-то вливаешься в эти мысли, словно они твои. Впервые я читаю о войне вот так: кончила читать, и сразу в душе бунт: почему так мало?! Так нужно и так мало. Прочитав первый раз все одним духом, не отрываясь, взялась читать второй. Каждый абзац, каждую фразу обдумыва-

Весь 23-й номер журнала «Смена» оформлен как коллективный портрет Димитровского комсомола: на его страницах выступают известные болгарские поэты, беллетристы, публицисты. Выделяется своим высоким художественным мастерством рассказ широко известного и уважаемого в Болгарии писателя Бориса Полевого, журналистские материалы специальных корреспондентов журнала.

Высокая эрудиция и комплексный подход редакции журнала «Смена» явились, по нашему мнению, главным условием осуществленного единства замысла и реализации, содержания и оформления номера, большого журналистского эффекта начинания уважаемого и широко популярного в СССР и в нашей стране издания. В этом отношении специальный номер журнала «Смена», а также его богатый опыт и традиции могут служить хорошим примером для молодых болгарских журналистов.

Прим от души благодарим коллектив журнала «Смена» и Центральный Комитет ВЛКСМ за это прекрасное выражение братской любви и единства, связывающих нас, и пожелать молодым советским журналистам больших успехов в труде.

С комсомольским приветом!

Енчо МОСКОВ,
Первый секретарь ЦК ДКСМ

ярким светом в руках молодых поколений наших братских стран, в руках славных союзов молодежи Советского Союза и НР Болгарии — ВЛКСМ и ДКСМ.

От всего сердца желаю Вам, дорогие молодые товарищи, новых успехов вашему прекрасному журналу в благородном усилии, направленном на дальнейшее расширение, укрепление и процветание дружбы между молодежью и народами наших двух братских стран, между молодежью и народами мирового социалистического содружества и между всеми народами в мире, которые борются за мир, социальный прогресс, социализм.

С горячим коммунистическим приветом

Ваша Цола ДРАГОЙЧЕВА,
член Политбюро ЦК БКП,

председатель Всенародного комитета болгаро-советской дружбы,
Герой Народной Республики Болгарии

девушками наших стран, между ВЛКСМ и ДКСМ. Это позволит еще лучше и глубже нам, советской молодежи, узнать о делах ДКСМ, о его роли в народной Болгарии. Это также способствует взаимному обмену опытом в той или иной сфере деятельности наших комсомольских организаций.

Желаю редакции, чтобы подобное начинание стало традиционным. Хотелось бы узнать о жизни молодежи и других социалистических стран. А для того, чтобы лучше познакомиться молодых читателей с жизнью сверстников из социалистических стран, было бы полезно организовывать в таких выпусках конкурсы или викторины о той стране, которой посвящен выпуск. Это, несомненно, еще более углубило бы наши знания истории братских стран, роли молодежи в социалистическом и коммунистическом строительстве. Ведь нам, молодежи, принадлежит будущее.

С уважением Александр БОГАЧ
г. Нальчик, Кабардино-Балкарская АССР

ла, поражаясь в общем-то знакомым и в то же время таким новым мыслям. Всегда глядя на войну со стороны, тут вдруг почувствовала ее дыхание. По-настоящему почувствовала. Словно сама прикоснулась к ней. Это просто здорово — написать вот так! Больше слов нет, чтобы как-то охарактеризовать эти воспоминания. Все слова кажутся бледны, поверхностны и ничего не стоят по сравнению с ними!

Уже 30 лет, как прошла война. Мы все больше и больше узнаем о ней, о людях, прошедших этот грохочущий, залитый кровью кусок времени. И как вечно будет жить человеческий род, так вечно будет память о тех боях, о тех делах.

Мне бы хотелось, дорогая редакция, передать Виктору Розову благодарность, мое восхищение его писательским талантом. В конце он пишет, зачем он живет, что должен сделать. Но ведь он уже делает: рассказывает о войне нам, молодым. Что бы мы знали о ней, о войне, если бы не они — участники, свидетели войны. А знать надо. Ох, как надо!

И еще: очень интересный ваш журнал, нужный нам, молодежи. Актуальные проблемы в нем затрагиваются, заставляют над многим задуматься. Хочу пожелать, чтоб он всегда оставался таким.

С уважением Людмила ДЕМЕТЬЕВА
г. Фрунзе

Рисунок Сергея ТЮНИНА

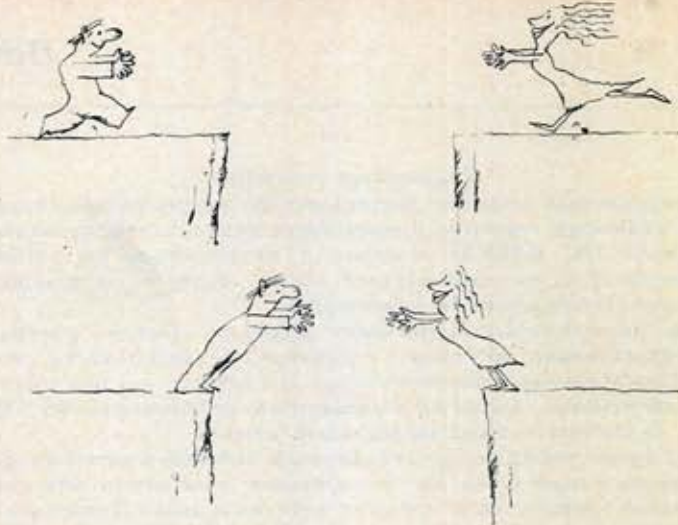

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

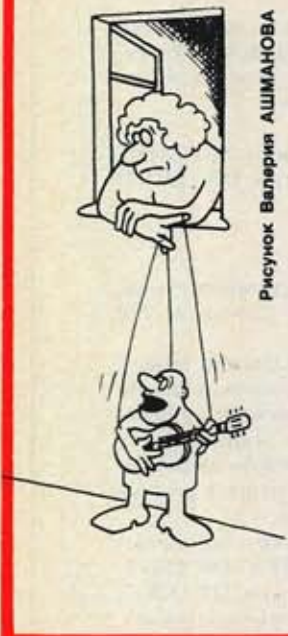

Рисунок Валерия АШМАНОВА

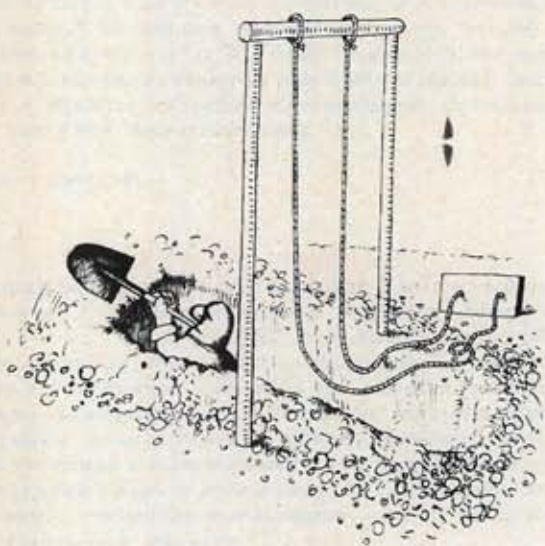
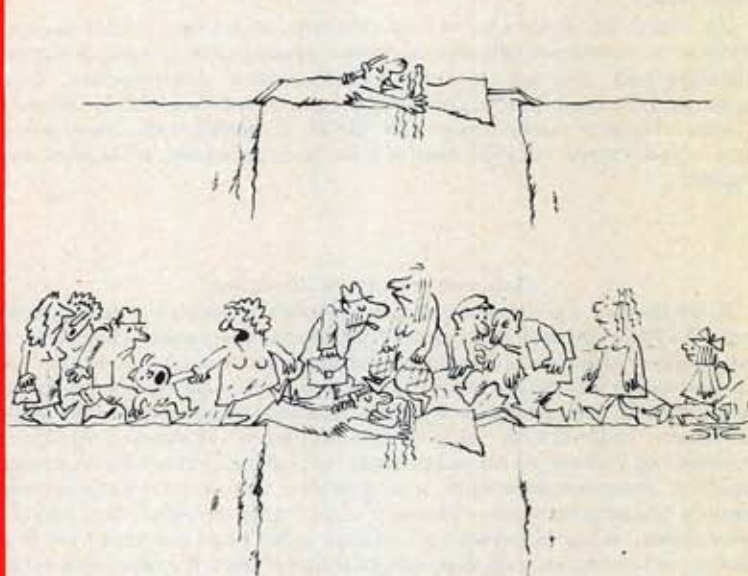

Рисунок Виктора КРАПОШИНА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

18 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА
СМЕНИ

СЕДЬМОЙ ТУР

Продолжаем публикацию заданий нашей новой, 18-й по счету, шахматной олимпиады.

Запомните, пожалуйста, что письма на седьмой, предпоследний тур следует посылать в адрес редакции в период с 15 по 30 апреля с. г. (по почтовому штампу отправления).

НАЗОВИТЕ ИХ ИМЕНА

Кто из советских спортсменов и в какие годы были обладателями мировой шахматной короны? (1 балл).

ЭТОД — ВСЕГДА КРАСИВО!

Белые начинают и выигрывают (5 баллов).

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

Ход черных. Как, по вашему мнению, должна закончиться борьба при наилучших действиях обеих сторон? (5 баллов).

ТАК ИГРАЮТ ЧЕМПИОНКИ

Интерес широкого круга любителей шахмат вызвал последний матч на женское первенство мира между нашими соотечественницами Ноней Гаприндашвили и Наной Александрия. Обе шахматистки из Тбилиси продемонстрировали талантливую игру, однако волевые качества Н. Гаприндашвили оказались значительно сильнее. Она добилась убедительной победы со счетом 8,5:3,5.

Приводим яркий фрагмент первой партии этого матча, который весьма характерен для эмоциональной манеры игры Н. Гаприндашвили, вот уже 14-й год подряд с достоинством сохраняющей почетный титул чемпионки мира. На диаграмме изображена позиция, создавшаяся после 18-го хода черных.

Игравшая белыми Н. Гаприндашвили первой начинает актив-

ные действия, пытаясь вскрыть магистраль и «добраться» до нерокированного короля соперницы.

19. f4—f5! Kc6: d4 20. Ce3: d4 a6—a5 21. f5—f6! g7: f6 22. e5: f6 Ce7—d6 23. Lh1—e1 Cb5—c4.

Н. Александрия не любит уходить в глухую защиту и почти всегда старается найти пути к созданию контратаки

24. b2—b3 Фа4—b5 25. Kpb1—c2 Cd6—a3 26. b3:c4 Lc8:c4 27. Ld1—b1 Фb5—a4+.

В данном поединке тактика черных не дает положительного результата, ибо их рискованные наскоки парируются умелыми оборонительными маневрами чемпионки мира.

28. Lb1—b3 Кре8—d7 29. Kpc2—b1 Lh8—c8 30. Cf3—e2 b7—b5 31. Фf2—f3 b5—b4 32. Ce2: c4 d5: c4 33. Cd4—e5!, и черные в безнадежном положении просрочили время, отведенное на обдумывание.

Впервые в своей шахматной жизни золотую медаль на женском чемпионате СССР в Тбилиси завоевала москвичка Людмила Белавенец. Одновременно ей досталась одна из путевок на предстоящий в нынешнем году межзональный турнир личного первенства мира. В противоположность Н. Гаприндашвили чемпионка страны тяготеет не к тактическому, а к строго позиционному стилю. Игра Л. Белавенец поразительно схожа с игрой ее отца,

выдающегося советского шахматного мастера и теоретика Сергея Белавенца, погибшего смертью храбрых во время Великой Отечественной войны.

Перед вами позиция, к которой пришла после 16-го хода черных партия Л. Белавенец (у нее были белые) с грузинской шахматисткой Н. Гуриели.

17. Ld1—f1 f7—f6 18. Kg3—f5 Lh8—g8 19. Фf3—g4 Kpc8—b8 20. Lf1—f3 Фd7—f7 21. Lf3—g3 Ld8—c8 22. Lh5—h3!

Поучительно проследить за внешне спокойными, но насыщенными подлинным динамизмом маневрами новой чемпионки страны. Связка по вертикали g оказывается для черных смертельной, и не случайно они вскоре несут невосполнимые материальные потери.

22. ... Lc8—e8 23. Kf5—h5! f6—f5 24. e4: f5 Cg7: h6 25. Фg4: g8 Ch6: e3+ 26. Kpc1—d1! Фf7: g8 27. Lg3: g8 Ce3—f4 28. Lh3: h7, и черные сдались.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 4/II 1976 г. А 00865. Подписано к печати 1/III 1976 г. Формат 70 × 108/8. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 530. Заказ № 1781. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Прокхлюважно.

Песня-лауреат телевизионного конкурса «Песня-75»

ЛЮБИМЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Слова Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО.

Музыка Серафима ТУЛИКОВА.

Любимые женщины
Приходят к нам веснами.
Они неожиданны,
Как дождь или снег.
Любимые женщины
Приходят к нам звездами,
Когда открываем мы
Одну среди всех.

Любимые женщины
Добры и внимательны,
И стать их достойными
Нам выпала честь.
Любимые женщины
Наს любят, как матери,
С грехами, с ошибками,
Такими, как есть.

Любимые женщины
Вовеки не старятся,
От них уезжаем мы,
Чтоб встретить опять.
Любимые женщины
Исполнены таинства,
Их можно разгадывать,
Нельзя разгадать.

Любимые женщины
В разлуке печалются,
Им снятся, наверное,
Тревожные сны.
Любимые женщины
Однажды встречаются,
И мы их поэтому
Терять не должны.

КРОССВОРД

Составил Б. ЦИРКУНОВ,
г. Москва

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

- 4. Коллекционирование марок. 7. Доверенное лицо, действующее по поручению предприятия. 10. Машина для обработки металла, дерева. 11. Затраты, издержки. 12. Ответвление от главного русла реки. 14. Гидроэнергетик, академик, участвовавший в составлении плана ГОЗЛРО. 15. Яркий тропический цветок. 16. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 17. Отзывчивость, сочувствие. 18. Итальянский астроном, физик, механик XVI—XVII веков. 19. Сложенные снопы сена. 21. Азербайджанский поэт-гуманист XII века. 23. Женская одежда. 24. Травянистое кормовое растение, медонос. 25. Автор литературного произведения для съемки фильма.

По вертикали:

- 1. Мост через овраг, ущелье. 2. Низкорослая форма деревьев, кустарников. 3. Работник радио. 5. Аппарат для преобразования переменного тока. 6. Система распределения по общим признакам. 8. Военный самолет. 9. Полоса земли возле моря. 12. Разновидность тороса. 13. Марка советского легкового автомобиля. 20. Искусство управлять самолетом. 22. Южное декоративное растение семейства лилейных. 23. Промысловая пресноводная рыба.

По горизонтали:

- 4. Строфа. 6. Сурок. 8. Нитрон. 11. Опал. 12. «Мирандолина». 13. Саго. 16. Мрамор. 17. Посконь. 18. Опилки. 21. Планета. 22. Амнерис. 24. Мастерство. 25. Мадагаскар. 27. Дискант. 29. Зрелище. 30. Сигнал. 32. Ирмель. 33. Адонис. 37. «Ануш». 38. Шахматистка. 39. Арфа. 40. «Жизель». 41. Ковка. 42. Тантал.

По вертикали:

- 1. Отрада. 2. Продукция. 3. Коралл. 5. Анис. 6. Стасова. 7. «Калинка». 8. Нина. 9. Космодемьянская. 10. Комиссаржевская. 14. Ковалевская. 15. Спартакиада. 19. Реостат. 20. Антарес. 21. Посад. 23. Сакс. 26. Пахлутова. 28. «Теремок». 29. Зулуска. 31. Грузия. 34. Нарзан. 35. «Мать». 36. Якут.

ПО ЭСКИЗАМ ВООБРАЖЕНИЯ...

Каждый год на два-три месяца художники Надежда и Агали Ибрагимовы уезжают из Баку: ходят из селения в селение, работают на виноградниках, собирают гранаты...

И после каждого такого путешествия в их альбомах появляются сотни набросков для будущих картин о родном Азербайджане.

Иногда думают, что художник видит свое произведение абсолютно законченным задолго до того, как его кисть впервые коснется холста. Агали Ибрагимов утверждает другое:

— Образ, подсказанный воображением, и форма, которую ты ищешь для его воплощения, в процессе работы постоянно изменяются. Чем ближе полотно к завершению, тем мучительнее и вместе с тем радостнее процесс творчества, ибо одна из труднейших задач искусства — найти совпадение внутреннего представления о предмете с его зримым выражением.

Картинам Агали присущи динамичность, порывистость; произведения Надежды отличает более спокойная, я бы сказал, умиротворенная манера. Агали умеет увидеть мир в развитии, в движении; Надежда обладает способностью передать скрытое, согревающее человека солнечное тепло, таящееся в каждой частице материи.

Ян ВЛАДИН

ДВА
НАТЮРМОРТА
НАДЕЖДЫ
ИБРАГИМОВОЙ

РАБОТЫ
АГАЛИ:
«СТАРЫЙ
БАКУ»,
«ЧАБАНЫ»,
«ПОРТРЕТ
МАЛЬЧИКА».